

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

1
1998

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1
1998
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Новопашин Ю.С.</i> (Москва). Об антисоветизме и русофобии в послевоенной Восточной Европе: к постановке проблемы	3
<i>Серационова Е.П.</i> (Москва). Эдуард Бенеш и его идеи демократического развития общества	11
<i>Гошу А.</i> (Бухарест). Дунайские княжества в балканской политике России в начале XIX века	21

СООБЩЕНИЯ

<i>Скрицкий Н.В.</i> (Москва). Матия Змаевич – российский адмирал	33
<i>Костяшов Ю.В.</i> (Калининград). Йован Балевић и его "Описание Черногории"	38
<i>Лаптева Л.П.</i> (Москва). Матице Сербской в Будишине 150 лет	43
<i>Китаев В.А.</i> (Волгоград). Русские либералы и польское восстание 1863 года	54
<i>Кузнецов О.В.</i> (Волгоград). Р.А. Фадеев в 1875–1878 годы. Малоизвестные страницы истории Восточного кризиса	62
<i>Нещименко Г.П.</i> (Москва). Диалог и его разновидности в современной коммуникации	70
<i>Щавинская Л.Л.</i> (Москва). Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной типографии	76

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Бернштейн С.Б.</i> (Москва). Из "Зигзагов памяти"	89
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Аникин А.Е.</i> Słownik prasłowiański	101
<i>Кирилина Л.А.</i> S. Granda. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49	105
<i>Шабловская И.</i> История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960 гг.	108

<i>Мечковская Н.Б.</i> Jezik in čas.....	112
<i>Аксенова Е.П.</i> Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995)	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>З.Н., Г.Р.</i> Возвращение к традиции общеславянских изданий	116
К юбилею Елены Захаровны Цыбенко	120
<i>Твердислова Е.</i> К 70-летию Рышарда Лужного	121

* * *

Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997).....	123
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Васильев М.А., Веслова И.Ю.,
Кошкина Е.А., Стемковская Ю.Е.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи – не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения – до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т.п. – до 6–7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются, рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

© 1998 г. *НОВОПАШИН Ю.С.*

ОБ АНТИСОВЕТИЗМЕ И РУСОФОБИИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

В приветственном обращении к участникам 2-го заседания Комиссии историков и архивистов России и Чехии Чрезвычайный и Полномочный Посол Чешской Республики в Москве Л. Добровский сказал о непростой обстановке в стране с точки зрения характера отношений с Российской Федерацией, позиций и мнений как в "нижних" слоях чешского общества, так и в "высших" по поводу политики Кремля в прошлом и настоящем. Он, в частности, отметил рост русофобских настроений, подчеркнув, правда, что визит в апреле 1997 г. в Прагу В.С. Черномырдина представляет собой некую отправную точку, с которой положение, быть может, будет меняться в позитивную сторону.

Л. Добровский не вдавался в детали проблемы существования в чешском обществе русофобских настроений, уходящих своими корнями в культурно-историческую сферу. Его выступление касалось политической стороны взаимоотношений наших народов и стран в период, последовавший за окончанием второй мировой войны и до настоящего времени. Политической стороной проблемы ограничусь и я. Статья имеет, как и отмечено в заглавии, сугубо постановочный характер и отнюдь не претендует на какие-то аксиоматические, бесспорные вещи.

За бесспорную истину можно принять только то, что никакие кратковременные визиты официальных лиц, даже если они были в последнее время вполне успешными, не в состоянии кардинально изменить положение к лучшему, хотя и капля камень точит... Однако содержательное наполнение отношения того или иного общества к другому обществу с другим менталитетом и иной национально-культурной и конфессиональной историей – величина чрезвычайно сложная, в чем-то не только рациональная, но и иррациональная. То есть такая величина, которая не так-то легко поддается трансформации в желаемую для соседних стран сторону даже в случае всесторонне продуманной, доброжелательной и осторожной международно-государственной, включая дипломатическую, деятельности этих стран.

Под русофобией как частном случае ксенофобии я разумею прежде всего идеологию и психологию недоброжелательства к Российскому государству, теоретические установки и политические позиции, согласно которым это государство рассматривается как извечный противник, наконец, культурную или внешнеполитическую линию каких-то властных структур, выстраиваемую при опоре на упомянутые

Новопашин Юрий Степанович – д-р философ. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Статья представляет собой доработанный вариант выступления автора на 2-м заседании Комиссии историков и архивистов России и Чехии (Москва, 28–29 апреля 1997 г.).

позиции и установки. Кстати, с филологической точки зрения "фоб" (греч. phobos – страх) в качестве второй составной части сложных слов типа англофоб, юдофоб, русофоб и т.п. означает именно "ненавистник", "противник" кого-либо, чего-либо.

В интересах анализа и классификации различных политических причин феномена русофобии применительно к послевоенной Чехословакии и к теперешней Чешской Республике, как и с известными оговорками применительно к другим восточноевропейским странам, следовало бы, очевидно, разграничивать *постоянные* составляющие наличия этого феномена и составляющие *переменные*, которые могут его или активизировать по многим направлениям, или ослаблять и сводить если не полностью на нет, то хотя бы к вялотекущему и латентному состоянию.

В роли постоянных составляющих в этом случае выступают, на мой взгляд, следующие:

– несоразмерность контрагентов международного, межгосударственного взаимодействия;

– Ялтинско-Потсдамские реальности, т.е. раздел Европейского континента победителями в войне с гитлеровской Германией и ее сателлитами на сферы влияния СССР и западных демократий (США, Англии и Франции), в результате которого Чехословакия оказалась "пристяжной" в колеснице московской политики;

– коминтерновские традиции восточноевропейской партгосноменклатуры, сутью которых было императивное признание КПСС и Советского Союза "старшим братом", учителем и высшим арбитром.

Из переменных составляющих, однозначно, кстати, усиливавших русофобские настроения в чехословацком обществе, я бы выделил прежде всего:

– экспансионистский характер политики кремлевских властей, которые открыто декларировали, что "коммунизм строится не только в границах Советского Союза, все делается для того, чтобы коммунизм победил на всей земле" [1];

– реализация планов советской военщины, стремившейся в качестве передовых наступательных рубежей в дополнение к западной группе своих войск в ГДР и северной группе в ПНР разместить также в ВНР южную группу, а в ЧССР – центральную;

– недооценка посткоммунистическими властями России проблем налаживания принципиально иных, чем прежде, межгосударственных, международных отношений с восточноевропейскими странами, включая не только двусторонние, но и региональные аспекты этих отношений.

Говоря о несоразмерности таких контрагентов международного взаимодействия, как в прошлом Чехословакия, а ныне Чешская Республика, с одной стороны, и Советский Союз и теперешняя Российская Федерация – с другой, хотел бы указать на общую проблему "больших" и "малых" стран и на проявляющиеся у многих представителей последних опасения, что "большие" могут не учитывать их интересы или даже оказывать на "малые" давление, добываясь своего. Эти опасения в чешском и других восточноевропейских обществах в качестве глубоко укоренившихся убеждений превратились в своего рода стереотип массового сознания, который представляет собой очевидный источник русофобских настроений (как и источник для существования антигерманских настроений, антиамериканизма и т.п.).

Конечно, сказанное нельзя абсолютизировать, ибо многие народы и государства, несмотря на несопоставимость по размерам территории, численности населения, экономическому потенциалу и т.п., вполне уживаются друг с другом, не испытывая в своих отношениях дискомфорта воздействия тех или иных разновидностей ксенофобской идеологии. В этом смысле несоразмерность контрагентов международного, межгосударственного взаимодействия вычленяется в данной статье в качестве постоянной составляющей существования русофобии только для восточноевропейского региона и только для указанного выше периода времени.

Следует также подчеркнуть, что тенденциозное толкование проблемы "больших" и "малых" стран с очевидным антироссийским подтекстом весьма характерно ныне для многих идеологов и политиков восточноевропейских государств. Этот подтекст

легко прочитывается, например, у В. Гавела, когда он в интервью одной из ведущих венских газет заявляет, что "повсюду, где большие принимают решения о судьбе малых, таится опасность. Интересно также то, что, когда большие оставляют без внимания интересы малых, это всегда оборачивается против них" [2].

Более прямолинейным в постановке по сути той же проблемы оказался на одной из многочисленных пресс-конференций, посвященных обсуждению новой модели европейской безопасности, глава внешнеполитического ведомства Польши Д. Росати. Он, в частности, заявил, что "в вопросах безопасности Россия не вела разговора с нами, а говорит с НАТО и США. А у нас есть свое видение и концепция системы безопасности, и, если бы такой разговор зашел, мы бы охотно сказали русским, что Россия должна играть в ней ключевую роль. Однако такого диалога на политическом уровне в области проблем безопасности в достаточных масштабах не было. И есть ли смысл в том, что в этих вопросах мы фактически контактируем с Россией через Запад?" Остановившись на ненормальности подобного положения вещей, министр заметил далее: "Я удивлен, и это неожиданность, что Россия не предпринимает инициатив в отношении Польши и других стран Центральной и Восточной Европы. По проблемам безопасности нам даже не задали вопросов. Например, можно было бы сказать: "Вы хотите в НАТО, хорошо. Но тогда как вы себе представляете наши отношения?" Это уже – плоскость дискуссии. Тогда мы садимся за стол и говорим, что Россия должна быть в Европе, должна быть ее частью. Мы действительно хотим в НАТО, но мы хотим, чтобы был и стратегический пакт Россия–НАТО. Ведь можно было этот диалог совсем иначе вести" [3].

Думаю, что процитированные высказывания представителей высшего руководства восточноевропейских государств весьма симптоматичны, иллюстрируя не только наличие в этой части Европы проблемы "больших" и "малых" стран, но и, видимо, не во всем еще преодоленное наследие той модели взаимоотношений советских коммунистических властей со своими европейскими союзниками и "братьями по классу", которая была характерна для разделенного континента и которая, по словам того же Д. Росати, «исходила из предпосылки, что безопасность обеспечивают государству расширенная "зона влияния" и контроль над территориями входящих в нее стран» [3]. Эти страны упомянутая модель межгосударственных отношений обрекала на положение сателлитов Кремля, и иным оно в условиях ялтинско-потсдамского раздела Европы и быть не могло.

Нередкими в тех условиях были проявления неравноправия, пренебрежения со стороны московского патрона к своим обязанностям по коллегиальной разработке важных международных инициатив с союзниками по Варшавскому блоку, по своевременному их информированию о переговорах на европейские темы Советского Союза с США и другими государствами – членами НАТО. Известен, скажем, случай, когда о владивостокских договоренностях (1974) Л.И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом американский госсекретарь Г. Киссинджер рассказал партнерам по Североатлантическому пакту сразу же по окончании встречи с советским лидером, направившись спецавиарейсом не прямо домой, а с остановкой в Европе. Руководство же СССР проинформировало своих социалистических союзников только через пару месяцев.

Подобное положение порождало не только безынициативность, разного рода проявления иждивенчества со стороны социалистических партнеров СССР, попытки хорошо устроиться за его "широкой спиной", но и недоброжелательство к новоявленным московским хозяевам Восточной Европы, русофобские настроения.

Конечно, с одной стороны, отнюдь не все в той же Чехии ставят знак равенства между русским народом и его прошлыми или нынешними правителями. Но, с другой стороны, даже самые незначительные проявления былого великодержавия, какого-либо пренебрежения к тем или иным странам восточноевропейского региона вызывают ныне немедленную ответную реакцию, расходящуюся широкими кругами хлестких, подчас откровенно спекулятивных, официальных и неофициальных выступлений.

Эти выступления, несомненно, питают русофобию и как таковую, т.е. в качестве пренебрежения и недоброжелательства ко всем русским, о которых судят нередко именно по речам и поступкам официальных представителей РФ, памятуя крылатые слова Гегеля о том, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает.

Коснемся теперь коминтерновских традиций восточноевропейской партгосноменклатуры. Коминтерн возник в 1919 г. как централизованная международная организация, имевшая свой устав и двадцать одно условие приема в эту организацию, в которой отдельные партии функционировали на правах национальных секций. Пятнадцатый пункт условий, составленных В.И. Лениным и принятых II Конгрессом Коминтерна в 1920 г., обязывал любую партию, желавшую принадлежать к всемирной организации коммунистов, "оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил" [4].

Поскольку же единственной подобной республикой оказалась наша страна, это условие довольно быстро трансформировалось в требование к зарубежным коммунистам проявлять солидарность со всеми решениями и действиями РКП(б)–ВКП(б) и Советского государства, беззаветной их поддержки. Именно в этом усматривался главный критерий революционности и интернационализма как важнейших характеристик подлинно коммунистической политики. "*Революционер* тот, – поучал в свое время зарубежных единомышленников И.В. Сталин, – кто без оговорок, безусловно, открыто и честно, без тайных военных совещаний готов защищать, оборонять СССР, ибо СССР есть первое в мире пролетарское революционное государство, строящее социализм. *Интернационалист* тот, кто безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР" [5].

Зарубежные единомышленники советских марксистов-ленинцев приняли эти гегемонистские установки как данное, объявляя о деятельности своих партий в рамках Коминтерна и вне его "под русским руководством" [6]. Они по существу не отказались от этих установок, если иметь в виду восточноевропейский регион, вплоть до своего властно-управленческого краха в конце 1989 г. (хотя известная эволюция теоретических взглядов и политических позиций все же имело место). Однако поскольку такого рода установки всегда находились в противоречии с естественной для любого народа концепцией первостепенной важности своих национально-государственных интересов, они постоянно раскалывали общество, порождали недовольных как несамостоятельным руководством собственной страны, так и теми, кто был причиной этой несамостоятельности, обеспечивал в первую очередь выполнение воли СССР с помощью его военно-карательного и пропагандистского аппарата. А так как иной послевоенная система межпартийных и межгосударственных отношений в странах восточноевропейского региона быть не могла, доморощенные и закордонные коминтерновцы превратились в конечном счете в общественном сознании этих стран в некие символы антинационального, антипатриотического поведения. Эти мировоззренческие сдвиги сыграли, несомненно, свою роль в отождествлении советского коммунизма (как и гитлеровского национал-социализма) с худшими проявлениями тоталитаризма XX в., особенно сталинского тоталитаризма, который осуществил в СССР никогда не виданное в человеческой истории по количеству жертв избиение собственного народа (свыше 60 млн. человек), а в послевоенный период перенес эту кровавую практику в восточноевропейский регион. Не мудрено, что все это было источником антисоветских, русофобских настроений, их постоянной составляющей.

Переходя к характеристике указанных выше переменных составляющих русофобских настроений в Чешской Республике, упомянем все-таки и те времена, когда чешские земли принадлежали Австрии, а словацкие – Венгрии в составе двуединой Австро-Венгерской монархии. История XIX в. знает примеры русофобских настроений и в те времена. Однако конкретно в чешском обществе в прошлом веке превалировали, в отличие, скажем, от венгерского, русофильские настроения. То же было характерно и

для первых десятилетий XX в. Хотя после провозглашения в октябре 1918 г. самостоятельной Чехословакии проблема взаимоотношений этой небольшой славянской страны в центре Европы с Советским Союзом, сохранившим силой оружия или на добровольной основе почти все завоевания российских царей и императоров, не могла не беспокоить пражские власти, поскольку разнообразные "агенты влияния" коммунистического колосса, особенно из недр НКВД, уже в то время надежно закрепились в правительственных и околоправительственных кругах. По свидетельству генерал-лейтенанта госбезопасности П.А. Судоплатова, это влияние распространялось очень высоко, затрагивая и самого президента Э. Бенеша [7].

Что касается послевоенного периода, то вопрос о влиянии Москвы на Пражский Град трансформировался в силу уже рассматривавшихся выше причин в проблему откровенного сателлитизма, особенно после установления коммунистического единовластия в феврале 1948 г., порождавшего в обществе уже в массовом масштабе (в отличие от межвоенного двадцатилетия) антисоветские и русофобские настроения. Думается, не стоит заблуждаться и на счет тех писаний наших обществоведов, которые утверждали, что до вторжения советских войск в ЧССР в августе 1968 г. там преобладали доброжелательные к СССР отношения, русофильство, а о русофобии, дескать, и слышно не было.

Кто хотел, мог и до вторжения услышать немало нелицеприятных слов о действиях СССР и в предвоенные годы, и в военное время, и в первые два послевоенных десятилетия. Разумеется, если бы в послевоенные годы, как до августовского вторжения, так и после него, великодержавная, экспансионистская политика кремлевских небожителей проводилась в "мягком" варианте, не напоподобие внутреннего "дубового" большевистского курса, а гораздо тоньше и хитрее, быть может, махрового антисоветизма в чешском обществе, массовой русофобии и можно было избежать, что несколько продлило бы, наверное, дни существования так называемого социалистического содружества. Во всяком случае, теоретически такой вариант вполне допустим без выхода за рамки интернационалистской ортодоксии. Поэтому, к слову, великодержавный, экспансионистский характер политики руководителей КПСС и отнесен в настоящей статье к переменным составляющим русофобских настроений. Хотя, поскольку история не знает сослагательного наклонения, практически вектор воздействия этой составляющей, как уже упоминалось вначале, оказался однонаправленным: в сторону усиления русофобии.

Перейдем теперь к планам СССР по размещению в послевоенные годы южной группы советских войск в Венгрии и центральной в Чехословакии. Понятно, что люди в генеральских и маршальских погонах – не самые главные на нашем политическом Олимпе, но их влияние всегда было немалым и остается таковым. Это, так сказать, традиция насквозь милитаризованного общества, которую нельзя отменить президентским указом или правительственным постановлением. Во многом коммунистические вожди СССР всегда мыслили привычными генералитету категориями силы и неуклюжего продвижения своих передовых рубежей вглубь Европейского континента. Они одобрили план создания 60-тысячной группы советских войск даже на Кубе. "Генеральный штаб, – пишет историк Б.Г. Путилин, – приступил к разработке мероприятий под кодовым названием "Анадырь" по созданию Группы советских войск на Кубе (ГСВК). В конце мая 1962 г. состоялось фактически формальное утверждение решения о создании ГСВК Президиумом ЦК КПСС" [8]. Как известно, реализации этих безумных планов помешал Карибский кризис, жесткая позиция президента США Д. Кеннеди.

В Европе же, поделенной после второй мировой войны на сферы влияния СССР и западных держав, подобным планам никто не помешал. С помощью войсковых операций, во-первых, по подавлению в ноябре 1956 г. венгерской демократической революции, а во-вторых, в виде "интернациональной акции" по поддержке в августе 1968 г. так называемых здоровых сил в Компартии Чехословакии эти экспансионистские планы были реализованы.

Но они же обозначили собой начало конца системы советского типа вообще, восточноевропейского "реального социализма" в частности и в особенности. Начало конца по той прежде всего причине, что репрессивно-реакционная суть "первого социалистического государства", базы и оплота мирового революционного движения, проявилась в этих операциях со всей очевидностью, и ее все более глубокое осознание разными слоями общества непримиримо разделило население стран Центральной и Юго-Восточной Европы и власть предрержащих по принципу "мы" и "они". За этой чертой, отделившей тружеников города и села от коммунистической бюрократии, оказалась и наша страна, которая в сознании простых людей отождествлялась в регионе с вдохновителями номенклатурного беззакония.

Польский писатель Ч. Милош в книге "Родная Европа" (1958), говоря о русофобии применительно к своей стране, писал: "Обычно отмечалась непонятная покорность русских деспотизму правителей, склонность к нарушению обещаний и коварство, высмеивалась дикость их обычаев" [9]. Не берусь судить об остальных составляющих этой характеристики, но покорность деспотизму правителей, и коммунистических в том числе, действительно, видимо, национальная черта, отнюдь не возвышающая россиян в глазах других народов. Ведь и тюрьмы, и лагеря, уничтожение миллионов людей молча воспринимались членами РКП(б)–ВКП(б)–КПСС как должное, на что справедливо указывает В.П. Наумов. "Без сопротивления, – констатирует он далее, – воспринимала беззакония и страна в целом" [10].

А когда в конце 40-х–начале 50-х годов из Кремля была дана команда на выявление и в народно-демократических государствах "титовских агентов", буржуазных националистов и прочих вражеских уклонистов, советские авторы выступили с самыми зубодробительными статьями, полемические "красоты" которых являли собой примеры не научного спора, а политического доноса. "Измена клики Тито делу коммунизма, делу социалистического интернационализма, – вещал профессор Д.И. Чесноков, один из философских оруженосцев Сталина, – сопряжена прежде всего с тем, что Тито и его клика... не признают руководящей роли великого Советского Союза... Это свидетельствует о том, что вопрос о руководящей роли великого Советского Союза и победоносной диктатуры пролетариата нашей страны является коренным вопросом борьбы за окончательное торжество коммунизма" [11]. Другой придворный сталинский философ, академик М.Б. Митин с пеной у рта доказывал, что в народно-демократических государствах "разоблаченные агенты империализма (Райк, Костов, Кочи Дзодзе, Спыхальский, Швермова, Сланский) свою подрывную работу пытались вести под флагом борьбы за специфические "национальные" задачи, противопоставляя их интернациональным задачам трудящихся" [12].

Иначе говоря, в то время именно советская печать задавала тон идеологической кампании в странах народной демократии, точно так же как фальсифицированные политические процессы в этих странах не только проходили с ведома сталинского руководства, но нередко и при прямом участии сотрудников карательных органов Берии. Ведь в министерствах внутренних дел и государственной безопасности стран народной демократии действовал в те годы институт советских советников со своим аппаратом, подключавшимся к репрессивным акциям. Разве могла подобная деятельность представителей различных властных структур СССР и, так сказать, широкой советской общественности вызывать любовь и уважение к нашему народу? И не в нас ли самих, в политике отечественных властей первопричины русофобии и в прошлые времена, и в нынешние?

После этих во многом риторических вопросов уместно в заключение сказать несколько слов о недооценке теперешними властями РФ проблем налаживания межгосударственных и в целом международных отношений со странами восточноевропейского региона, в частности с Чешской Республикой, недооценке, которая тоже оборачивается ростом антироссийских, русофобских настроений. Разумеется, говоря о тех или иных шагах отечественных властей, которые могут подчас стать причиной всплеска русофобии, следует различать гегемонистскую по своей сути

политику бывшего Советского государства и нынешнюю российскую политику, не являющуюся таковой. Но проблема в том и состоит, что в массовом сознании стран упомянутого региона эти принципиальные грани весьма размыты, если они вообще существуют...

Одним словом, со всех точек зрения для Российской Федерации восточноевропейский регион должен быть приоритетным во внешней политике, ибо это та часть континента, с которой мы были неразрывно связаны общей судьбой. Нельзя все это оставить за порогом и начинать с чистого листа, призывая, как это делает В. Гавел в упоминавшемся интервью Х.-Й. Шмидту, "искать наилучшую возможность для сотрудничества, мирного сосуществования с Россией". Однако тут же президент Чехии оговаривается, что "нужно сохранять твердость и нельзя уступать Москве. Не следует проявлять преувеличенную вежливость, как, например, сделал Рузвельт, имея дело со Сталиным. Сталин в Тегеране цинично выложил на стол географические карты, которые Рузвельт практически все благословил. Документы Тегерана исключительно интересны в том плане, что они недвусмысленно показывают: порядочный человек всегда оказывается в проигрыше, когда ему приходится иметь дело с циником" [2].

Акценты тут расставлены весьма нарочито. Протягивается ниточка от сталинской политики обеспечения Советскому Союзу на переговорах с западными партнерами по антигитлеровской коалиции своей сферы влияния в послевоенной Европе к нынешнему неодобрению Россией односторонней ориентации бывших социалистических партнеров СССР на Запад, в частности на вступление в НАТО. Другие говорят о том же с еще меньшей дипломатичностью. "Конечно, Румыния выживет и без НАТО, – пишет бухарестская "Зиуа". – Однако она останется страной на перекрестке ветров, которая в любой момент может стать жертвой новой русской оккупации, как это уже было 12 раз на протяжении истории. Только НАТО может защитить Румынию от соседнего колосса, и только принадлежность к НАТО может дать западным фирмам гарантию, что их инвестиции в Румынии надежно защищены" [13]. А еженедельник "22" подходит к тому же вопросу со стороны оценки значения румыно-украинских отношений. "Договор с Украиной, – говорится в его редакционном комментарии, – может стать барьером против все более очевидного русского экспансионизма. Нынешняя Россия сохранила тоталитарные рефлексы бывшего СССР. Если Румыния не вступит в НАТО, то ее новая советизация неизбежна" [14].

Подобного рода выступлений и в журналистской, и в политической среде немало. Однако должного отпора в российской прессе, которая бы разъясняла, в чем заключается применительно к этому европейскому региону демократический характер российской политики, не видно. И дело, как представляется, отнюдь не в соображениях дипломатического такта, а в элементарной недооценке упомянутого региона, на который подчас просто не обращают внимания, добиваясь превращения "большой семерки" в "восьмерку" с участием РФ, заботясь об очередных долларовых траншах МВФ. Правда, с высоких трибун Госдумы, из правительственного Белого Дома и иных "инстанций" декларируется иногда смена парадигмы всего российского взаимодействия с восточноевропейским регионом. Но если упомянутую парадигму рассматривать как совокупность теоретических представлений и идей, дающих более или менее целостное описание этого региона, тенденций и направлений его развития, то из выступлений высокопоставленных деятелей бывает не очень ясно, о чем же собственно идет речь. А хотелось бы, конечно, более осмысленного и продуктивного отношения к составляющим его странам.

Как прекрасно выразился французский историк Л. Февр, "государство никогда не дается, оно всегда куется" (цит. по [15]). Никогда не даются в готовом виде, а всегда куется межгосударственные, межнациональные и в целом международные отношения. И тут от профессиональных знаний и сноровки "кузнецов" зависит многое, если не все. Построить эти отношения на новой базе безусловного равноправия, добрососедского взаимодействия и всестороннего сотрудничества чрезвычайно непросто.

Ведь на первом плане всегда стоят национально-государственные интересы, а их содержание не может быть одинаково у разных стран. Потому-то генерал де Голль и любил повторять в годы своего президентства, что "государство, достойное этого имени, не имеет друзей" [16]. Я, правда, не считаю это утверждение целиком и полностью справедливым и думаю, что демократические государства, такие, скажем, как Россия и Чешская Республика, могут не только мирно сосуществовать и интенсивно сотрудничать, но и дружить. Когда же это станет явью, и антироссийские настроения, русофобия пойдут на убыль.

Понятно, что корни этих настроений, русофобии уходят на гораздо большую глубину, чем это определяется политической сферой, о которой здесь шла преимущественно речь. Понятно также и то, что не весь массив политических причин существования русофобии укладывается в рассмотренные выше постоянные и переменные составляющие этого сложного явления, ибо его живучести способствуют и наши национально-государственные контрагенты, в частности те партии и движения в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, которые на поддержке антироссийских настроений создают свой политический авторитет. Все это, несомненно, заслуживает внимания, хотя и осталось за рамками данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Встреча Фиделя Кастро и Н.С. Хрущева с трудящимися города Калинин. Речь товарища Н.С. Хрущева // Известия. 1964. 18.1.
2. Die Presse, 1997. 28 III.
3. *Потемкин А.* Встреча журналистов с главой польского МИД // Пульс планеты (Вестник ИТАР-ТАСС). 1997. 8 VI. С. 2.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 209.
5. *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. С. 51.
6. *Куусинен О.В.* Под русским руководством // Марксизм-ленинизм о пролетарском интернационализме. М., 1969. С. 518.
7. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 72, 265–266.
8. *Путилин Б.Г.* Карибский кризис 1962 года // Советская внешняя политика в годы "холодной войны" (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 287.
9. *Чеслав М.* Россия. Взгляд польского литератора на отношения двух славянских народов // Родина. 1994. № 12. С. 11.
10. *Наумов В.П.* Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 25.
11. *Чесноков Д.И.* Ленин и Сталин о государственной форме диктатуры пролетариата // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 66.
12. *Митин М.Б.* Великое произведение творческого марксизма (К 25-летию работы И. Сталина "Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии") // За прочный мир, за народную демократию! 1951. 28 XII; *Степанян Ц.А.* Неодолимое движение к коммунизму // Вопросы философии. 1948. № 2. С. 80; *Юдин П.Ф.* На путях перехода к социализму в странах народной демократии // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 48, 54; *Поскребышев А.Н.* И.В. Сталин – великий учитель и друг трудящихся // Большевик. 1950. № 1. С. 35; *Орлов А.И.* Идеиное и организационное укрепление коммунистических партий // Большевик. 1950. № 2. С. 49; *Дудинский И.В.* Индустриализация – основное звено строительства фундамента социализма в европейских странах народной демократии // Вопросы философии. 1952. № 5. С. 125.
13. *Морозов Н.* Реформы в Румынии: новое правительство круто меняет курс // Компас (Вестник ИТАР-ТАСС). 1997. № 24. С. 42.
14. Пульс планеты (Вестник ИТАР-ТАСС). 1997. 27 V. С. 13.
15. *Роснер А.* Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство польское реальной независимостью // Родина. 1994. № 12. С. 49.
16. *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 1972. С. 440.

© 1998 г.

СЕРАПИОНОВА Е.П.

ЭДУАРД БЕНЕШ И ЕГО ИДЕИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Э. Бенеш, пожалуй, наиболее спорная политическая фигура в истории Чехословацкого государства, до сих пор вызывающая прямо противоположные оценки – от восторженных до крайне негативных. Второй президент Чехословацкой республики был выдающимся государственным деятелем, сумевшим сохранить демократический режим вплоть до конца 30-х годов. Друг и сподвижник "отца нации" Т.Г. Масарика, разделявший его гуманистические взгляды и вместе с ним стоявший у истоков образования независимой Чехословакии, бессменный министр иностранных дел, во многом способствовавший укреплению международного престижа ЧСР в Лиге Наций, прагматик, трезво оценивавший ситуацию и обладавший даром предвидения, Бенеш вместе с тем своей позицией во время мюнхенского кризиса если и не способствовал разделу государства, то и не смог активно противодействовать ему. Позже, в феврале 1948 г., компромиссная политика Бенеша тоже оказалась фактором, способствовавшим приходу к власти коммунистов, что на 40 лет предопределило социально-экономическое и политическое движение страны в тупиковом направлении. Однако вопрос о том, мог бы Бенеш, действуя иначе, кардинально повлиять на ситуацию в эти ключевые драматические моменты чехословацкой истории, остается открытым [1].

Э. Бенеш родился в 1884 г. в Кожланах. Несмотря на то что он был десятым ребенком в крестьянской семье, ему удалось получить неплохое образование: он изучал философию в Карловом университете в Праге, литературу – в Сорбонне, юриспруденцию – в Дижоне, слушал лекции известных профессоров в Берлине. Еще будучи студентом, Бенеш задумывался о демократическом развитии общества и в своей дипломной работе писал, что "будущая демократия должна найти компромисс между социализмом и индивидуализмом" [2]. Обучаясь за границей, он начинает писать статьи о "чешском вопросе", поддерживает идеи Масарика о федерализации Австро-Венгрии. В годы первой мировой войны вместе с Т.Г. Масариком и М. Штефаником Э. Бенеш образует в Париже Чехословацкий национальный совет как центр руководства чешским и словацким движением за границей, формирования добровольных легионов в России, Франции и Италии для борьбы на стороне Антанты [3].

После образования независимой Чехословацкой республики в 1918 г. Бенеш занимает пост министра иностранных дел. Вместе с премьер-министром К. Крамаржем Бенеш представлял Чехословакию на парижской мирной конференции. Крамарж

Серapiroнова Елена Павловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

занимался общими проблемами (отношение к России, положение ЧСР в Центральной Европе, Лига Наций), Бенеш решал конкретные вопросы, отстаивая правомочность вхождения в состав молодой республики Словакии, судетских областей, Прикарпатской Руси. Благодаря конструктивной позиции, правовым знаниям и трезвому, расчетливому "крестьянскому" уму Бенеша, чехословацкой дипломатии удалось удовлетворить большинство своих территориальных претензий.

С 1918 по 1935 г. Бенеш оставался на посту министра иностранных дел, участвуя во всех международных конференциях как член Совета Лиги Наций, определяя внешнеполитический курс страны. Неоднократно Бенеш избирался председателем Совета Лиги Наций и один раз даже председателем ее Ассамблеи [4]. Вместе с тем он оказывал значительное влияние и на формирование внутренней политики государства, в 1921 г. занимал пост премьер-министра, являлся ведущим деятелем национально-социалистической партии, имел выраженный практический склад ума. Оппозиция правительственной группировке на протяжении всего межвоенного периода была сильной, но так как Масарик – "национальный герой" был как бы вне критики, то большинство нападок приходилось на долю Бенеша, которого обвиняли во всяких грехах. Трижды на его жизнь совершались покушения. Особенно внутривнутриполитическая борьба разгорелась в середине 30-х годов в связи с болезнью Масарика и решением оставить пост президента. Однако с помощью Масарика, нацеленной на то, чтобы именно Бенеш стал его преемником, последний вышел победителем в этой борьбе.

Политические концепции Бенеша в межвоенный период основывались на необходимости наличия в центре Европы сильной Чехословакии с большой боеспособной армией, экономически и финансово стабильной, и он действительно много сделал для усиления военного потенциала страны. Он полагал возможным сохранить мир в Европе и Версальскую систему договоров прежде всего посредством союза с Францией и Малой Антанты. Бенеш был избран президентом в сложный период. Именно в это время над Европой нависла угроза новой войны. Внутри страны обостряется национальный вопрос (Судетские земли, Тешин, Словакия).

Германская пропаганда, с одной стороны, изображала Бенеша как диктатора, угнетателя наций, человека, от которого исходит военная и социальная угроза (из-за его подозрительно дружественных отношений с СССР – договор 1935 г.); с другой стороны, она выставляла президента Чехословакии слабым политиком, попавшим под влияние евреев и большевиков, увязшим в интригах с массонами, противником веры, особенно католицизма. Вместе с тем Гитлер, начиная с 1933 г., три раза предлагал Бенешу заключить договор. Но Бенеш отклонял проекты секретного соглашения, выражая готовность подписать договор с Германией с ведома западных держав и в соответствии с принципами Лиги Наций. Бенеш встречался с Муссолини и Сталиным, но избегал личного контакта с Гитлером.

Бенеш знал о планах Гитлера в отношении Чехословакии. Однако Англия и Франция, стремясь сохранить мир путем уступок Гитлеру, оказывали прямое давление на чехословацкого президента, требуя, чтобы он решил вопрос с Гейлейном, выдвигавшим все новые и новые требования относительно судетских немцев вплоть до аннексии этих земель и присоединения их к Германии [5]. Подобная политика в конце концов закончилась Мюнхенским соглашением. Для Бенеша это означало, что вся система коллективной безопасности, над созданием которой он трудился все эти годы, не сработала, и это было сильным ударом для него. 5 октября 1938 г. он подал в отставку, 23 октября уехал в Лондон, а затем в США, куда его пригласили читать лекции в Чикагском университете. Позднее в Лондоне во время войны Бенеш на основе этих лекций опубликовал большую работу (в двух томах) под названием "Демократия сегодня и завтра". В ней Бенеш анализировал идейное и политическое развитие Европы от начала первой и до второй мировой войны, большое внимание уделяя причинам краха демократических режимов в межвоенной Европе. Первой причиной он считал коммунизм, политику коммунистов в годы первой мировой войны

и после нее, ставку на мировую социалистическую революцию, отношение Коминтерна к буржуазной демократии как к такому же врагу революционного пролетариата, как и фашизм. Отсюда, делал вывод Бенеш, естественный страх буржуазии перед коммунизмом и определение его как опасности № 1. Второй причиной, по мнению Бенеша, был фашизм, по своим теоретическим основам являвшийся прямым антиподом демократии. Для укрепления и расширения своего влияния фашизм использовал ультра национализм в его крайней экспансионистской форме, страх консервативных буржуазных элементов перед коммунизмом, недостатки, трудности самих демократических режимов. Третье, на что указывал Бенеш, были слабость собственно демократического устройства, ошибки руководителей демократических государств, их неумение (в отличие от авторитарных режимов) справиться с ситуацией в кризисные моменты. И, наконец, четвертую причину падения европейской демократии Бенеш усматривал в неверной внешней политике западных держав, ошибочной позиции, занимаемой ими [6].

После отделения Словакии и вторжения немцев на территорию Чехии и Моравии 15 марта 1939 г. Бенеш решает действовать и призывает народ к борьбе. Он обращается к правительствам США, Франции, Англии и СССР, что повлияло на отказ этих стран признать захват Чехословацкой республики. Это, в свою очередь, позволило сохранить чехословацкие дипломатические представительства во многих странах.

Послемюнхенский период был особо тяжелым для Э. Бенеша. Правые критиковали его англо-французскую ориентацию, профранцузскую линию политики в Лиге Наций, приводя в пример польского министра иностранных дел Ю. Бека, который благодаря дружбе с Гитлером якобы сохранил страну. Патриотические силы обвиняли Бенеша в том, что он недостаточно жестко противостоял агрессору, не оказал ему военного сопротивления. Однако Бенеш был уверен, что чехи и словаки не должны были воевать в 1938 г., так как были бы уничтожены как нация. А в сложившихся обстоятельствах по международному праву Чехословакия все еще продолжала формально существовать. В США Бенеш активно пропагандировал идею восстановления свободной Чехословакии в свободной Европе. Летом 1939 г. Бенеш возвращается в Европу, организуя движение Сопротивления, постепенно добиваясь лидерства в созданном в Париже Чехословацком национальном комитете. Он ставил своей целью добиться отказа западных держав от мюнхенских соглашений и признания комитета в качестве эмигрантского правительства [7].

Его деятельность в период войны была направлена на восстановление Чехословакии в домюнхенских границах, международное признание ее правового континуитета, создание внешних и внутривнутриполитических гарантий против повторения Мюнхена, которые он видел в ориентации не только на Запад, но и на союз с СССР и проведении изменений в политической и экономической областях, в пересмотре основ национальных отношений. Свои мысли и представления о послевоенной республике он частично изложил в "Демократия сегодня и завтра", заключительный раздел которой назывался "Возрождение и будущее послевоенной демократии"¹. Бенеш считал, что основной задачей после второй мировой войны является изменение и перестройка буржуазной либеральной демократии как таковой. Вторая мировая война, по его мнению, возникла из-за государственно-политических конфликтов между современными европейскими державами, а также из-за идеологической борьбы между тремя существовавшими социально-политическими системами – либеральной демократией, национал-социализмом фашистского толка и левацким советским социализмом. Поэтому его беспокоил вопрос, как эволюционирует послевоенный мир и что будет с демократической социально-политической системой, которую Бенеш бесспорно считал наиболее развитым в культурном отношении политическим

¹ Фрагменты этой книги в переводе на русский язык, со вступительной статьей и комментариями опубликованы В.В. Марьиной [8].

режимом. Он был уверен, что либерально-буржуазная демократия должна учесть опыт первой мировой войны, всего межвоенного периода и что после второй мировой войны она не сможет возродиться в прежнем виде, так как не решила в полном объеме стоявших перед ней социально-экономических проблем. Бенеш предполагал, что вторая мировая война приведет к далеко идущим политическим, социальным и экономическим изменениям во всем мире, и прежде всего в Европе. Причем эти изменения будут носить революционный характер и глубоко затронут не только политику, но и социально-экономические отношения. Критикуя довоенные демократические режимы, Бенеш подчеркивал их неспособность и отсутствие решимости преодолеть такие социальные проблемы, как, например, безработица. Для современного периода, по его мнению, социальное законодательство и социальный реформизм конца XIX – начала XX в. были уже недостаточными. Поэтому он предлагал перейти к структурным изменениям системы на основах коллективизации и социализации. Однако это не означало, что он готов был согласиться с коммунистической доктриной развития. Он писал: "Я не иду так далеко и верю в возможность и необходимость действительного преобразования сегодняшней демократии и стремлюсь к этому" [9. S. 183].

Что касается политической системы довоенных демократических государств, то Бенеш также усматривал в ней ряд серьезных недостатков. Первым из них он называл организацию политической жизни в форме многочисленных политических партий, их эгоистическую борьбу за власть, партийную замкнутость и ограниченность, которые вели к атомизации государства, упадку гражданской морали, подмене государственных интересов партийными, понижанию всей общественной жизни в стране межпартийным соперничеством. Второй слабый момент довоенной демократической системы виделся Бенешу в некомпетентности политического руководства и отдельных лидеров, их тенденции к олигархическому партийному либо правительственному управлению, коррумпированности высших эшелонов власти, что в свою очередь вело к тому, что проводившаяся политика больше отвечала интересам отдельных групп, слоев и даже индивидуумов, а не интересам демократического государства и общества в целом. Третья и последняя негативная сторона состояла в неспособности демократических режимов быстро и адекватно реагировать на возникающие в обществе проблемы в соответствии с принципом ответственности исполнительной власти перед властью законодательной и контролирующей, что особенно проявлялось в моменты кризисов и напряженности. Причиной этого он считал неповоротливость, реакционность, некомпетентность, а в некоторых случаях и коррумпированность и излишнюю политизацию демократической бюрократии.

Одним из вопросов, волновавших Бенеша в тот период, был вопрос о принципиальной возможности преобразования послевоенной демократии и ее существования и сотрудничества с системой советского социализма. Бенеш считал, что фашизм не может сосуществовать и сотрудничать как с режимом демократии, так и с режимом советского социализма (хотя он и признавал некоторые внешние сходства диктаторских режимов) [9. S. 186]. Именно поэтому, по его мнению, СССР в конце концов встал на сторону союзников в борьбе против фашизма. Отсюда делался однозначный вывод, что система западной демократии и советского социализма смогут и должны лояльно взаимодействовать после войны, что имело бы своим последствием взаимное сближение, постепенное выравнивание и приспособление, обусловленные практической необходимостью.

Вместе с тем он признавал, что в своих основах системы политической демократии и социализма советского типа концептуально несовместимы. Если марксизм-ленинизм исходит из так называемого диалектического материализма (т.е. экономического и исторического материализма) и представляет всю жизнь общества основанной прежде всего на борьбе классов за хлеб и политическую власть, то демократия означает взгляд на жизнь как на синтез духовных и материальных начал. Борьба за политическую власть и хлеб в форме классовой борьбы рассматривается демо-

кратической системой лишь как одна из форм общественной жизни, но далеко не единственная и не определяющая историческое развитие человеческого общества. Разница между двумя системами состоит в различном восприятии общества и государства. У авторитарных режимов, включая и коммунистические, государство понималось в абсолютистском смысле, как понятие, тождественное обществу. Естественно, что индивид в этой системе вторичен. Демократия, напротив, идет от индивидуума, считая его наивысшей ценностью, первичной основой, а любой коллектив, включая властно-управленческий, вторичным. Преодолеть эти различия невозможно, их просто необходимо иметь в виду, уважая при этом свободу мысли, философских и научных исследований.

Вместе с тем Бенеш указывал и на некоторые сходные философские посылки, провозглашаемые обеими системами: признание равенства людей и народов, универсализм, гуманизм, интернационализм и пацифизм.

После войны западная система, по мысли Бенеша, окажется перед серьезными изменениями, так как уже начался процесс движения к государственному капитализму и плановому хозяйству, и формы классического либерализма и капитализма уже не смогут удовлетворить развивавшуюся демократию. Новые методы политической практики, основанные на постепенной социализации современного общества (а не на единовременной революции, без насилия и катастроф), способствовали бы сосуществованию двух систем в послевоенном мире.

При этом Бенеш считал, что послевоенная демократия, без которой он не мыслил будущего Чехословакии, будет иметь существенные различия с системой советского социализма, выделяя три категории подобных различий. Главное из них он видел в основе основ марксистской теории – диктатуре пролетариата, подчеркивая, что демократия в принципе отрицает любую форму диктатуры, в том числе и эту. Однако Бенеш различал природу фашистской диктатуры и диктатуры пролетариата, так как в теории последняя являлась как бы временной, призванной по мере развития нового общества быть преобразованной в социалистическую демократию. Причем коммунистическая теория провозглашала свободу не только духовную, но и материальную (свободу от угнетения, экономического давления, социальное равенство). Исходя из анализа теории Бенеш полагал, что на практике это приведет к тому, что после войны Советское государство автоматически начнет развиваться в направлении политической, религиозной и духовной свободы в результате экономической и внутриполитической консолидации и процесса выравнивания классовых различий [9. S. 195]. Бенеш основывался при этом на чисто умозрительных логических заключениях, не представляя себе реалий [10. S. 26].

Он предполагал, что после войны произойдет много локальных революций, но мировая революция, как и после первой мировой войны, не будет осуществлена, так как различия во взглядах, философии, религиозных представлениях, географическом положении, уровнях социально-экономического, политического и культурно-нравственного развития народов слишком велики. Невозможно предугадать развитие каждого конкретного государства, но оно должно идти в соответствии с внутренними условиями и предпосылками, в соответствии с отношениями внутри соседних государств, в Европе и в мире в целом. В британо-советском договоре от мая 1942 г. он усматривал гарантию мирного послевоенного сотрудничества различных систем. Война, по его мнению, автоматически создаст условия для выравнивания социальных различий не только между отдельными классами, но и народами, что будет связано с национализацией и коллективизацией средств промышленности и сельскохозяйственного производства, акционированием банков, а также изменением психологии самих людей.

Касаясь, с одной стороны, послевоенной политики, науки и искусства – с другой, Бенеш писал, что будущей демократии придется опираться на понятие о труде, науку и правду, учитывать единство политических целей и этических представлений, основываться на новых институтах, реформах, рассчитывать на нравственное перерожде-

ние самих людей. С этим же вопросом связывалась проблема партийной олигархии и лидерства в условиях демократии. Идеальной демократии не существует и никогда не было. Чем сложнее политические отношения, тем больше бюрократизируются политические партии, появляется руководящий аппарат – олигархия. И даже демократический парламент постепенно становится олигархическим. Поэтому политический лидер должен сам по себе быть гражданином с демократическими взглядами, выдающейся личностью, подобной поэту, художнику, ученому, так как тоже является творцом. Борьба за новую демократию – это борьба за демократию масс и лидеров. Чистая демократия – лишь идеал, к которому нужно стремиться. Падение демократических довоенных режимов Бенеш связывал с падением их лидеров и прямо называл Даладье, Чемберлена, Бека, Стоядиновича, принца Павла и других ответственными за начало войны. "Демократии пали не потому, – писал он, – что были плохи сами по себе как режимы, а главным образом из-за плохих, слабых и неспособных лидеров" [б. S. 215]. Установление диктаторской власти в отдельных государствах в условиях политической свободы всего остального мира есть болезнь, а деятельность демократического вождя, напротив, является здоровым периодом, поскольку это творчество нормального руководителя в интересах общества.

В личности демократического лидера должны гармонично сочетаться высокая интеллектуальная культура и научная эрудиция с хорошей интуицией и природным инстинктом, глубина мышления с решительностью и быстротой реакции, физическая и духовная отвага с нравственностью. Поэтому успехи демократии прежде всего зависят от профессионализма демократических лидеров, политической развитости и зрелости народных масс.

Психологию принадлежности к политической партии Бенеш рассматривал как явление антидемократическое. Демократия по своим политическим принципам является противницей обеих крайностей – анархического развала без общественного авторитета, с одной стороны, а с другой – тоталитаризма с подавлением свободы индивидуума. Политическая партия изначально для осуществления своих целей стремится к власти. Принадлежность к одной партии ведет к необъективности восприятия, неприятию других политических сил, ограничивает духовную свободу отдельной личности. В погоне за большинством голосов партия становится неразборчива в средствах, не останавливается перед жертвами. Самым страшным оружием в политической борьбе является партийная печать. В свою очередь, обособленность партий ведет к раздроблению всего национального организма. Поэтому неудивительным можно считать возникновение реакции протеста против подобной демократии, тягу к патриархальным аристократическим и феодальным режимам либо режимам фашистским и тоталитарным.

Но, несмотря на острую критику партийно-политической организации общества, Бенеш подчеркивал необходимость сохранения демократии как режима, а улучшение, совершенствование, возрождение многопартийной структуры в качестве инструмента свободной политической жизни считал сложнейшей задачей современной демократии. Выход из этой парадоксальной ситуации он видел в совершенствовании людей и улучшении политических институтов, исходя из двух принципов: оценивать все политические партии как вторичные по отношению к высшим ценностям – государству и народу; давать оценку демократическому организму в зависимости от того, кто находится у власти, хорошие или плохие люди. "Демократия не только вопрос хороших демократических институтов, но и вопрос хороших людей – демократов", – писал Бенеш, ссылаясь на известную фразу Т.Г. Масарика о том, что кризис демократии – это прежде всего вопрос нравственности [б. S. 229].

Бенеш полагал, что в интересах самой демократии ограничить число политических партий: "Я за свободу научных, религиозных, политических взглядов, свободу слова и печати, собраний и союзов, за общественный контроль над политической жизнью государства и поэтому считаю необходимым существование более чем одной политической партии. Но если будет регулироваться свобода экономическая, то необ-

ходимо будет регулировать и демократическую политическую жизнь [б. S. 231]. Надо выработать принцип либо закон, согласно которому партия имела бы право на существование, а парламенту или какому-то другому конституционному органу предоставить право решать увеличить или уменьшить число партий в интересах государства и общества. При определении критериев целесообразности существования партий предлагалось использовать принцип консерватизма и прогресса. Для нормальной парламентской жизни хватило бы двух, максимум трех партий (т.е. левых, правых и центра). Нельзя только ограничивать количество политических партий их регистрацией правительственными или какими-либо другими центральными органами, как это практиковалось при тоталитарных режимах. Принципы консерватизма и прогресса имеют право на существование, поскольку общество всегда делится на тех, кто хочет что-то изменить, и тех, кто хочет все сохранить, так как это отвечает различным типам характеров. Чехословацкий президент был уверен, что после войны сама собой отпадет необходимость создания партий на основе социальных, экономических, религиозных либо национальных интересов, так как эти проблемы будут решены. Поэтому возникнет внутренняя потребность межпартийных объединений. Ограничение количества политических партий приведет к ликвидации коалиций, ограничению межпартийной борьбы, а следовательно и к ликвидации слабости исполнительной власти, о чем свидетельствует внутривластный опыт западных стран. Если эти изменения не произойдут автоматически, то они должны быть проведены ведущими политическими кругами, которые будут у власти.

Кроме того, Бенеш указывал на желательность ограничения функций политических партий при демократическом режиме после войны. Партия должна быть лишь инструментом организации свободного демократического общества, а не самоцелью. Партиям должны принадлежать функции контроля государственных органов посредством печати, общественных собраний и выступлений, использования парламентской трибуны. Но при этом партии обязаны контролировать и собственную деятельность. Вместо этого партии в прошлом нередко выдавали интересы отдельных групп и слоев за интересы всего общества, не контролировали правительство, а овладевали им, действуя за него и проникая во все государственные институты. Даже парламент под влиянием партийного руководства утрачивал свои первоначальные функции, становясь конгломератом коалиций олигархических аппаратов. Вместо того чтобы выражать интересы отдельных групп, партии брали на себя представительство всего народа и государства. При диктаторских режимах это вело к политическому тоталитаризму одной партии и ликвидации какой бы то ни было свободы государства и народа. Партиям необходимо вернуть первоначальные функции института демократии, контроля за государством, но не управления им.

Изменить надлежало и государственную структуру, а именно, сделать правительство в большей степени независимым от парламента (сохранив при этом практику ветоума недоверия отдельным министрам) и ответственным только перед главою государства, а уж на последнего возложить ответственность перед законодательной властью (по примеру США). Кроме того требовалась и некоторая децентрализация государства, передача отдельных функций местным органам власти (на уровне населенных пунктов, районов, областей, провинций). Тогда парламент мог бы заняться важнейшими общегосударственными проблемами, не будучи зависимым от правительства и исполнительной власти. Однако без социально-экономических изменений невозможны были бы и изменения в политической системе. Затрагивая практические вопросы функционирования послевоенной политической структуры, Бенеш считал необходимым запретить объединения и коалиции в условиях существования трехпартийной системы, ввести контроль за финансовой деятельностью партий и контроль за имуществом и финансами партийной печати, а также внести изменения в избирательную систему, сохранив лишь принцип представительства и всенародных выборов президента. Бенеш собирался провести децентрализацию законодательной власти, создав земские сеймы, сохранив в центральном парламенте

одну палату, а вместо сената создав центральный совещательный орган для решения экономических и финансовых вопросов – Центральный экономический совет. Прежняя судебная власть и система образования оценивались им достаточно высоко, хотя он и не считал их идеальными.

Развитие послевоенной демократии чехословацкий лидер связывал с децентрализацией государственного управления. Жизненно важно было прийти к синтезу уровней государственного единства и децентрализации, балансу центробежных и центростремительных сил. В своей основе это было связано с решением вопроса свободы и авторитета в условиях демократии. Суть внешней и военной политики в контроле за развитием центробежных тенденций внутри государства, так как они могут привести к его распаду, что и произошло в 1938–1939 гг. в Чехословакии. Но в то же время нельзя перебарщивать и с централизацией власти и управления, так как она является первым и основным условием диктатуры. Правильно осуществленная децентрализация не должна означать ослабления государственного единства. Путь децентрализации управления и законодательной власти был оптимальным для Чехословакии.

При любом политическом режиме бюрократия представляет собой большую проблему, демократическая бюрократия не является исключением. В межвоенной Чехословакии бюрократическая система была наиболее уязвимым местом. После войны Бенеш мечтал изменить сам порядок набора на государственную службу, представляя это право лишь наиболее образованным, преданным, осознающим свои задачи специалистам, что создает условия, когда чиновник выступает не господином, а преданным слугой общества, не отождествляя себя с государством, так как это вело бы к консерватизму, реакционности, а бюрократия стала бы одной из главных помех быстрого развития, противником всех изменений новых отношений и идеалов. Основной задачей после войны должно было стать формирование и воспитание новой бюрократии. Коррупция, по словам Бенеша, всегда была язвой менее развитых стран, в Первой республике она не особенно пышно процветала. Но тем не менее новая бюрократия должна быть предельно честной, аппарат объективным, деполитизированным и стоять над партийными интересами. После войны функции государства и исполнительной власти расширятся, а это приведет к увеличению бюрократического аппарата, появится опасность обюрокрачивания экономической жизни, что может привести к падению самого режима.

Бенеш подчеркивал, что демократическую систему считает наилучшей, развитую политическую, социальную и экономическую демократию он называл гуманной демократией, для осуществления которой потребуются новые люди и новые институты власти. Теоретические основы ее заключены в принципах либерализма, реформизма, социализма, а сама она является понятием эволюционным.

Свою высшую научную и духовную толерантность новая демократия должна искать в идее религиозной. Поэтому демократический режим должен всегда уважать религию, обряды и церковь. Христианство по своим идейным и нравственным основам в наибольшей степени соответствует демократии.

Демократия – система народная, она не может быть идеальной, но ее оптимистическая вера в человека и возможность его совершенствования дает ей право на существование.

Практическая разработка идей новой демократии (на примере политического устройства Чехословакии) осуществлялась Бенешем уже после окончания войны в его выступлениях, интервью, беседах, относящихся к 1945–1946 гг. и опубликованных впоследствии отдельным сборником. Кроме вопросов, о которых речь шла выше, Бенеш затрагивал проблемы международного положения Чехословакии в Европе, так называемой новой славянской политики, немецкого и венгерского меньшинства, земельных реформ, чешско-словацких отношений, экономики, культуры, реформ в армии [11]. Его взгляды и политическая позиция составляли в определенной степени противовес усилившемуся влиянию коммунистов в стране.

Однако эти идеи Бенеша так никогда и не были в полной мере осуществлены в Чехословакии. С одной стороны, это объясняется чисто субъективными причинами: тактическими ошибками и просчетами чехословацкого президента, неправильными теоретическими выводами, сделанными им на основе формальной логики, определенными иллюзиями в отношении возможности реформирования сталинского режима, эволюции социалистической системы в сторону демократии, доверяя обещаниям советского лидера.

С другой стороны, политика Бенеша в значительной степени определялась внешнеполитическими факторами, необходимостью учитывать изменившиеся международные отношения, реально сложившийся баланс военных сил. Это вело к изменению чехословацких планов послевоенного устройства Европы. Постепенно Э. Бенеш переходит от проектов создания чехословацко-польской конфедерации в рамках Центрально-европейской федерации, инициированных в 1940–1942 гг. британской дипломатией [12], к концепции "моста между Западом и Востоком", выразившейся в заключении союзнического договора с СССР в декабре 1943 г. Со стороны Бенеша это был в определенном смысле вынужденный шаг, учитывая однозначно отрицательную позицию СССР в отношении федеративных планов (ввиду обострившихся советско-польских отношений [13]). Кроме того изменение политического курса было безусловно связано и с "мюнхенским комплексом" Бенеша, его желанием заручиться внешними гарантиями существования чехословацкого государства. Решения Ялтинской конференции о разделе Европы на сферы влияния между Западом и Востоком в свою очередь объективно обусловили развитие внутривосточной обстановки в Чехословакии, а также все большему вовлечению этой страны в зону влияния восточного соседа.

Развитие двусторонних отношений между Чехословакией и Советским Союзом, страной – освободительницей в годы войны, и страной – поработительницей в послевоенные годы, – имело и иную мотивацию. Бенеш предполагал обеспечить поддержку СССР в вопросе о выселении немцев и венгров с целью создания национально однородного (а следовательно, по его мысли, внутренне стабильного) государства. Этот вопрос Бенеш намерен был решить даже взамен на потерю части государственной территории – Подкарпатской Руси [10. S. 28–29].

События февраля 1948 г. показали тщетность стремлений Бенеша обеспечить внутреннюю независимость и предотвратить опасность коммунизма внешнеполитическим сотрудничеством с СССР и привлечением коммунистов к сотрудничеству в правительстве [1. S. 14–24; 14]. Однако вне зависимости от выбранного Бенешем политического курса дальнейшее развитие страны было предопределено объективным ходом исторических событий.

Вместе с тем концепции Бенеша интересны и актуальны сами по себе с точки зрения современного развития демократии, причем не только в Чешской республике и в Словакии, но и в других странах бывшего "восточного блока", которые и на пороге XXI века все еще не пришли к тем демократическим принципам, о которых Бенеш мечтал еще столетия назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Peroutka F.* Byl Edvard Beneš viněn? Knižnice Společnost Edvarda Beneše. Praha, 1993, Sv. 3.
2. *Hitchcock E.* Benes. The man and the statesman. London, 1943. P. 91.
3. *Hrbek J.* Edvard Beneš // Hrdinové a vestní českého národa. Praha, 1948. S. 459.
4. *Viscount C.* Dr. Beneš a stát. Geneva // Edvard Benes. Essays and reflections presented on the occasion of his sixtieth birthday. London, 1945.
5. *Kvaček R.* Osudová třicátá leta // Historický obzor. 1993. XI. S. 255.
6. *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Sv. II.
7. *Olivova V.* Edvard Beneš – československý politik // Edvard Beneš československý a evropský politik. Praha, 1994. S. 28–29; *Taborský E.* President Edvard Benes between East and West. 1938–1948.

- Stanford, 1981. P. 1–2, 245–254; *Kublík J.* Vznik a uznání československého národního výboru a prozatímní vlády v letech 1939–1940 // *Historický obzor.* 1993. XI. S. 256–260.
8. *Вопросы истории.* 1993. № 1, 3.
9. *Klimek A.* Plány Edvarda Beneše a poválečný vyvoj Československa (Od návratu z Moskvy v lednu 1944 do povstania Slovensku) // *Střední Evropa.* 1993. R. 9. S. 26.
10. Z projevu Prezidenta Republiky Dr. Edvarda Beneše v letech 1945–46. Praha, 1946. S. 46–47, 73–79, 111–115.
11. Československo-polské jednání o vytvoření konfederace 1939–1944. Praha, 1994. Sv. 1–4.
12. *Ort A. E.* Beneš evropský politik // *E. Beneš československý a evropský politik.* Praha, 1994. S. 42–43; *Beneš E.* Nová slovanská politika. Praha, 1946. S. 56–59; *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943) // *Вторая мировая война.* М., 1995. С. 161.
13. *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. E. Beneš v roce 1948. Praha, 1993; *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945). *Славяноведение.* 1996. № 6. С. 80–81.

© 1998 г. ГОШУ А.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В начале 1806 г. французское правительство вернулось к традиционному направлению своей внешней политики – союзу с Османской империей и использованию ее в комбинациях дипломатических игр на Европейском континенте. Париж был очень заинтересован в создании противовеса антинаполеоновской коалиции, возглавлявшейся Россией и Великобританией. Французский демарш поставил под вопрос дружеские и союзные отношения между Россией и Турцией, установленные договорами 1798 и 1805 гг. [1; 2. С. 67].

После назначения О. Себастиани послом Наполеона в Константинополе политический демарш Франции вошел в окончательную фазу. Через несколько дней после приезда нового посла Высокая Порта заменила князей Валахии и Молдовы К. Ипсиланти и А. Мурузи на А. Суцу и С. Каллимахи.

Реакция посланника России в Стамбуле А.Я. Италинского была незамедлительной. Он отправил османскому правительству ноту протеста, в которой указывал на нарушения русско-турецкого соглашения 1802 г. относительно князей в Яссах и Бухаресте (их назначения должны были проходить раз в семь лет) [3. Т. III. С. 273–276]. Италинского в его действиях все время поддерживал английский посол Ч. Арбутнот.

Осень 1806 г. была горячей для Порты, находившейся под давлением трех великих империй – Британской, Французской и Российской. 10 октября¹ османское правительство передало Италинскому дипломатическую ноту, в которой после попытки доказать предательство Ипсиланти, все же признавало свою вину в нарушении договоров и перекладывало всю ответственность на уже уволенного в отставку великого визиря [6, Р. 211–212; 7. Р. 682–683]. Вскоре Италинскому было официально сообщено решение Порты вернуть Ипсиланти и Мурузи на престолы Валахии и Молдовы [8. Д. 1871. л. 188]. Этим османское правительство удовлетворило просьбу Александра I. Таким образом, российская дипломатия добилась большого успеха.

Курьер, везший письмо Италинского с сообщением об этой победе, прибыл в Петербург 4 ноября. Тем временем главнокомандующему русской армией генерал-лейтенанту И.И. Михельсону был адресован первый приказ от 28 октября, касавшийся перехода русских войск через Днестр. В день приезда курьера Александр I утвердил этот приказ и издал новое распоряжение – об оккупации Молдовы и Валахии. 22 ноября русские войска перешли через Днестр. За короткое время благодаря низкой

Гошу Арманд – научный сотрудник Института истории "Николае Йорга" Академии Румынии.

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

боеспособности турецких гарнизонов, находившихся на Днестре, русские отряды приблизились к Дунаю. Петербургское правительство неоднократно давало заверения в том, что военная оккупация не представляет собой объявление войны Порте, а является якобы только средством давления на нее, позволяющим подтолкнуть Турцию к выходу из-под влияния Франции. Михельсон даже получил приказ избегать столкновений с турками, чтобы не дать Стамбулу повод к официальному объявлению войны.

Наполеон был очень заинтересован в открытии новых фронтов войны против России для уменьшения ее военной потенции в Центральной Европе. Военные операции, проводившиеся против Персии, являлись по своему объему для России слишком незначительными. Настойчивость, с которой Наполеон добивался от турецкого султана Селима III объявления войны России, доказывала, что французская дипломатия преследовала цель спровоцировать кризис в русско-турецких отношениях, который бы привел к войне.

Османское правительство, не примирившееся с оккупацией княжеств русскими войсками и подталкиваемое Наполеоном, официально объявило войну России. Благодаря этому Париж добился ограничения российской военной помощи Пруссии и тем самым помешал военному преимуществу России на Висле в перспективе решающего сражения [9. Р. 13]. Попытки представителей Пруссии и Англии стать посредниками между Россией и Турцией не увенчались успехом.

После Трафальгарского поражения и создания континентальной блокады Наполеон осознал необходимость сближения с Россией. Все надежды "поставить на колени" Великобритании зависели от эффективности блокады, а, значит, от союза с Россией. Император Франции был человеком конкретного момента, он не разделял предвзятых мнений. Тогда ему был необходим союз с Россией.

Поражение русских войск на балтийском побережье обеспечило Франции привилегированное положение на предстоящих мирных переговорах. Петербургская дипломатия стояла перед трудной задачей смягчить на переговорах и в текстах будущих договоров требования победителя. Некоторые документы проясняют политику русского правительства по различным европейским вопросам. В докладе, озаглавленном "Несколько идей, которые смогут найти место в инструкциях русскому уполномоченному, которому будет поручено вести переговоры о мире", среди выгод "маленького значения, которые мы сможем предложить Наполеону", отмечалась и "эвакуация Молдавии и Валахии" [8. Д. 1289. Л. 15]. В самих же инструкциях говорилось об отступлении российских частей с единственным условием, касавшимся запрета ввода армий других держав в Дунайские княжества до подписания мирного договора России и Турции. Таким образом, одной из первых уступок, на которую готово было пойти русское правительство, являлось отступление российских войск из Дунайских княжеств и заключение мирного договора с Блистательной Портой без других условий.

Но во время встречи двух императоров в Тильзите Наполеон часто говорил Александру о Молдове и Валахии как о двух будущих провинциях России [10. Р. 393–394]. Однако устные демарши Наполеона не нашли места в текстах четырех документов, подписанных в Тильзите с 21 июня до 9 июля 1807 г. В соответствии с 22 и 23 статьями мирного договора, царь был обязан отвести войска из Валахии и Молдовы и дать согласие на французское посредничество в переговорах между Россией и Турцией. Восьмая статья союзного договора указывала, что в случае несогласия Порты на посредничество Франции или если в трехмесячный срок после открытия переговоров они окажутся безрезультатными Франция присоединится к России против Османской Порты для освобождения европейской части Турции из-под власти султана.

Система тильзитских договоров изменила европейскую геополитику, создав две сферы влияния: на Западе должна была доминировать Франция Наполеона I, на Востоке – Россия Александра I. В то же время Тильзит явился первым этапом в

процессе определения новой политической программы России по Восточному вопросу [11. Р. 584; 12. Т. XIII. С. 322–325].

Находясь еще в Тильзите, царь отправил письмо Михельсону, сообщая ему, что в случае согласия Порты на посредничество Франции и подписание перемирия он должен отвести армию за Днестр [11. Р. 589–591]. С.Л. Лашкарев, приехавший в начале августа в Бухарест, а оттуда отправившийся в Джурджу, был уполномочен для ведения переговоров с Турцией. Наполеон назначил в качестве посредника полковника графа А.Ш. Гильемино, которого использовал для особых миссий. Переговоры, происходившие в селе Слободзея, недалеко от города Джурджу, продлились 12 дней. Благодаря настойчивости французского посредника Гильемино [14] представителями России и Турции 24 августа 1807 г. было подписано перемирие. Первые его статьи предусматривали прекращение военных действий и назначение уполномоченных для переговоров о мире. В третьей статье говорилось об эвакуации из княжеств русских и турецких войск в течение 35 дней. Царь обязался вывести свой флот из Средиземноморья.

Командующий русской армией И.И. Михельсон умер в последние дни августа, и на его место был временно назначен К.И. Мейендорф. Он начал координировать вывод войск в соответствии с условиями перемирия. Но вскоре из Петербурга прибыл курьер, привезший приказ о прекращении отвода русских частей из Дунайских княжеств. Официальным предложением для русского правительства явились походы нескольких турецких отрядов, грабивших населенные пункты на левом берегу Дуная. Мейендорф был уволен. Его отставку мотивировали тем, что он не имел полномочий утверждать договор о перемирии. Главнокомандующим царской армией, располагавшейся в Молдове и Валахии, был назначен престарелый фельдмаршал А.А. Прозоровский.

После Тильзита для того, чтобы продемонстрировать верность двух императоров новому политическому курсу, были смены министры иностранных дел Франции и России. В середине августа Талейран уступил место Шампаньи. Метаморфоза, которую пришлось вынести А. Будбергу, "воистину бессловесной машине" [15], "внезапно" превратившемуся в почитателя Наполеона, не спасла его от отставки. Главой Министерства иностранных дел был назначен Н.П. Румянцев.

И все-таки не граф Румянцев принял решение о нарушении статей Тильзитского договора, который предусматривал заключение русско-турецкого перемирия и отвод русских войск из румынских княжеств, а его предшественник Будберг. В корреспонденции от 31 августа барон Будберг обратил внимание Александра I на то, что русская армия должна оккупировать княжества "до заключения окончательного мира" с целью не позволить туркам в случае неподписания мира извлечь пользу из благоприятной стратегической позиции. На следующий день Будберг направил письмо генералу Михельсону (видимо, известие о его смерти еще не дошло до министра) с новыми инструкциями, существенно отличающимися от тех, которые были переданы более чем за полмесяца до этого царем. Соблюдение статьи об отходе за Дунай, и соответственно за Днестр, обеих армий имело неудобство, состоящее в том, что "расстояния, на которых они будут находиться после отвода, несоразмерны с позициями, занимаемыми ими в настоящее время". В результате, турки смогли бы легко перейти Дунай и занять благоприятные позиции, которые теперь были у русских. Но поскольку перемирие было уже подписано и предусматривало эвакуацию Молдовы и Валахии, Михельсону следовало затянуть, под различными предложениями, операции по отводу войск [11. Р. 595–598].

Решения Будберга не входили в противоречие с новым курсом российской внешней политики в Восточном вопросе. Только что прибывший в Санкт-Петербург в качестве личного представителя Наполеона при Александре I генерал Савари уже во время первого своего свидания с царем был поставлен в известность, что Россия не желает точного исполнения всех обязательств, принятых в Тильзите [12. Т. XIV. С. 4].

В начале октября 1808 г. Наполеон получил неприятное для себя известие о том,

что царь отказался ратифицировать текст перемирия с Портой [17. Р. 56]. В письме от 6 октября император признался Савари, что ожидает объяснений по этому вопросу от российского посла в Париже, который займет свой пост в ближайшее время, и напоминал, что в договоре о мире "я обусловил восстановление Пруссии, подобно тому, как Россия обусловила эвакуацию из Валахии и Молдавии" [18. Р. 87]. Итак, с момента получения известия о том, что царь отказался вывести войска из румынских княжеств, Наполеон связал этот вопрос с проблемой вывода французских войск из Пруссии. В черновом варианте подготавливавшихся для генерала Савари инструкций Шампаньи отметил, что с того момента, как Порта приняла посредничество Франции, статья, предусматривающая раздел османских владений, не может быть применена. Спустя несколько дней, в письме от 13 октября, министр внешних сношений Франции оценил статью об эвакуации княжеств как "безусловную и абсолютную", указав, что "сроки ее окончания, зафиксированные перемирием, являются обязательными". Но при этом представитель императора при царском дворе должен был ограничиться "требованием, но не настойчивым, об эвакуации Валахии и Молдавии" [11. Р. 613–619].

Внешнеполитические проекты России были отмечены Александром I в инструкциях от 8 октября 1807 г., адресованных послу в Париже П.А. Толстому. Вопреки постановлениям Тильзитского договора, русская армия должна была продолжить оккупацию княжеств вплоть до получения нового приказа. "Это изменение, – писал император, – является результатом устных договоренностей между мною и императором Наполеоном, который меня уведомил, что не только не будет настаивать на эвакуации этих двух провинций, но даже постарается затянуть переговоры, о которых идет речь в статье XXIII, для того чтобы продлить пребывание моих войск в этих областях". Относительно этих "устных договоренностей" речь шла еще много раз в корреспонденции, которой обменивались Париж и Санкт-Петербург. Подчеркнем тот факт, что статьи из текста, принятого в Тильзите, два императора оспаривали, ссылаясь всегда на личные и секретные соглашения, нигде не упоминавшиеся.

В связи с русско-турецкими переговорами, о которых, наконец, стало известно в Париже, царь инструктировал Толстого, чтобы он передал как Наполеону, так и представителю Стамбула свое требование о репарациях. Но последние "не могут заключать в себе каких-либо территориальных уступок". Поэтому русский посол должен был настаивать на сохранении за Россией всех территорий, обозначаемых названием Бессарабия, с крепостями Бендеры, Аккерман, Килия, Измаил, крепости Хотин, отдельный пункт содержал территориальные претензии, относящиеся к Кавказу. Такова была сущность российских притязаний.

Но если мы посмотрим несколько следующих строк, то поймем, что то был минимум, приобретение же Молдовы и Валахии царь рассматривал как план-максимум. А в том случае, если не удастся добиться согласия на аннексию княжеств и если встанет проблема господарей в Бухаресте и Яссах, Толстому следовало предложить кандидатуру К. Ипсиланти, который продемонстрировал "недвусмысленные доказательства своей преданности России". В том случае, если Париж воспротивится, российский посол был предупрежден не настаивать на кандидатуре Ипсиланти, дабы этот вопрос не стал камнем преткновения в российско-французских отношениях.

Необходимо несколько остановиться на географическом термине "Бессарабия", а точнее на том, что русское правительство понимало под этим хоронимом, который, впрочем, затем стал и международным. Документы, которыми мы располагаем, чрезвычайно определены. Так, в письме министра иностранных дел России от 8 декабря 1807 г., адресованном послу Толстому, эта территория обозначена как "*узкая полоска страны* (выделено нами. – А.Г.), которая, не будучи провинцией, носит имя Бессарабии" [11. Р. 674]. В марте следующего года тот же Румянцев определил Бессарабию таким образом: "*Это кромка на берегу моря*" (выделено нами. – А.Г.) [11. Р. 822]. Наконец, не в последнюю очередь необходимо вспомнить инструкции, данные

царем Толстому 8 октября 1807 г., которые цитировались выше; количество примеров подобного рода можно существенно увеличить. Все это приводит нас к заключению, что термином "Бессарабия" петербургское правительство и русская дипломатия обозначали ограниченную территорию к северу от устьев Дуная, входившую в состав средневекового государства Молдовы и аннексированную Османской империей в ходе турецких кампаний 1484 и 1538 гг., в первую очередь из-за ее геостратегической важности. Итак, Бессарабия – происхождение термина мы здесь не рассматриваем – была точным эквивалентом термина "Буджак", под которым эта территория более известна.

Но вернемся к дипломатической игре между Парижем и Санкт-Петербургом, в которой осенью 1807 г. румынским княжествам принадлежала важная роль.

Наполеону, который был заинтересован в соблюдении перемирия, царь ответил 15 ноября личным посланием. В нем французскому императору предлагался официальный вариант предлога, по которому Слободзейский документ был бы признан недействительным. В заключение Александр I считал невозможным вывод своих войск из княжеств [19. Р. 232–233]. Спустя три дня министр иностранных дел Румянцев направил Толстому сообщение о нарушении турецкими отрядами постановлений договора, чем перемирие фактически аннулировалось.

8 и 9 декабря 1807 г. из российской столицы с особыми курьерами были отправлены новые инструкции для посла в Париже. Начиная с этой даты, политическая программа экспансии Александра I в зоне Юго-Восточной Европы была сформулирована совершенно определенно. Царь "выражал желание сохранить за собой по мирному договору (трактат, который следовало подписать в Париже между Портой и Россией при посредничестве Франции. – А.Г.) *владение Молдавией, Валахией и той узкой полоской территории, которая не будучи провинцией носит название Бессарабии*" (выделено нами. – А.Г.) [11. Р. 674]. В инструкциях, данных 9 декабря, Румянцев принимал в расчет тот вариант, при котором Наполеон воспротивится аннексии Россией Молдовы и Валахии; в таком случае Толстому следовало предложить присоединение к России Бессарабии (т.е. Буджака), а княжества должны были остаться под русской оккупацией вплоть до подписания мира между Англией и Францией.

При том, что в переписке термины "Молдавия" и "Валахия" употреблялись очень часто, Наполеон имел весьма смутные представления о княжествах [20]. Для французского императора оккупация румынских княжеств Россией несколько не представлялась ударом по соглашению в Тильзите. Напротив, вскоре он заявил Коленкуру, что это "может послужить его интересам" [11. Р. 653]. В голове Наполеона еще в момент получения известия об отказе царя ратифицировать перемирие, зародилась идея получения какого-нибудь территориального эквивалента взамен аннексии княжеств. И тогда, ссылаясь на невыполнение Пруссией финансовых обязательств и считая ее неплатежеспособной, он заявил о своем праве на одну из прусских областей. Через подобное двойное ограбление должно было восстановиться равновесие между союзниками. С потерей столь важного региона, каким являлась Силезия, которую Наполеон наметил в качестве объекта своих притязаний в начале января 1808 г., Пруссия низводилась в ранг второстепенного государства, вследствие чего в будущем ее участие в борьбе между великими державами было бы невозможным, тогда как включением этой территории в состав Саксонии Наполеон укрепит оборонительную систему Франции [9. Р. 181–187].

Поэтому уже во время первых встреч императора с послом Толстым, настаивающим на ускорении эвакуации французских войск из Пруссии, Наполеон категорично отвечал, что до тех пор, пока Россия оккупирует княжества, он, в порядке компенсации, сохранит за собой прусские провинции [18. Р. 173]. 8 ноября генералу Савари было передано важное послание Шампаньи по этой проблеме: если Александр I желает точного выполнения Тильзитского договора, Наполеон эвакуирует Пруссию тогда, когда царь выведет свои войска из Молдовы и Валахии. "Недопустимо такое

положение, чтобы французы эвакуировали Пруссию, а русские остались в Валахии и в Турции", – заканчивал свое письмо Шампаньи. Ту же идею министр внешних сношений Франции повторил и Толстому [11. Р. 640].

Более детальный эскиз проектов Наполеона, относящихся к осени 1807 г., представляют инструкции, адресованные 12 ноября будущему послу Франции в Санкт-Петербурге генералу Арманду де Коленкуру. Главное поручение последнему состояло в том, чтобы разъяснить царю, что только приобретение Францией прусской провинции может компенсировать аннексию Россией Молдовы и Валахии [17. Р. 68]. Если Александр I примет подобный компромисс, то каждый из императоров объявит публично о своем отказе эвакуировать соответствующую провинцию под благовидным предлогом, и тогда придется заключить в Париже, с одной стороны, договор между Россией и Турцией при посредничестве Франции, с другой – конвенцию между Францией и Пруссией при посредничестве России для того, чтобы санкционировать те договоренности, которые будут в секретном порядке заключены между двумя великими державами [21]. Этот документ показывает нам как политика Наполеона, который скорее был заинтересован в том, чтобы найти предлог для оставления за собой прусской провинции под видом компенсации, чем на деле уважать дух и букву договоров, подписанных в Тильзите [22].

Однако, как только Александр получил от Толстого известие о таком условии аннексии княжеств, он пригласил для беседы генерала Савари, которому выразил свое изумление и сказал, что не видит никакой связи между оккупацией Пруссии и делами, касающимися Нижнего Дуная. Россия, утверждал царь, будет расположена признать приобретение Францией Албании, Мореи, Кандии и Ионических островов. Спустя два месяца в разговоре с Коленкуром царь сделал и более решительное заявление о том, что скорее предпочитает вывести свои войска из Молдавии и Валахии, чем принести в жертву Пруссию [11. Р. 760].

В данный момент санкт-петербургский кабинет был чрезвычайно озабочен судьбой Берлина. Русский посол в Париже граф Толстой превратился в подлинного адвоката интересов Берлина, чем часто приводил Наполеона в раздражение. В начале января 1808 г. при свидании с министром иностранных дел Франции, Толстой пожелал уточнить, какую прусскую провинцию император желает приобрести в качестве компенсации. Когда Шампаньи тут же ответил: "Это Силезия". Посол спросил, нельзя ли вместо последней предпочесть Саксонию. Возвращаясь к проблеме румынских княжеств, Толстой выразил мнение, что, поскольку Тильзитский договор предусматривал эвакуацию княжеств без упоминания о Бессарабии, оккупация этой территории не нарушит взаимопонимания между двумя императорами. Шампаньи категорически отклонил такую аргументацию, заявив, что "этот пропуск мог произойти только из-за несогласованности" [11. Р. 714–715]. Толстой, завершая беседу, сказал, что не уполномочен заключить мир с Портой без аннексии княжеств и установления границы по Дунаю, но в этой ситуации, не видя никакой возможности подписания мира на условиях России, немедленно потребует своего отзыва.

В контексте настоящих российской дипломатии неоднократно делались ссылки на заверения, данные французским императором царю в Тильзите. Александр I в разговоре с Коленкуром признался, что Наполеон "первым произнес в Тильзите слово о Валахии и Молдавии". На эти инсинуации Шампаньи дал бессодержательный ответ в письме от апреля 1808 г.: "Я не следую более за воздухом Тильзита; я признаю только записанный воздух, как говорится, букву договора" [17. Р. 55–56].

На предложение Александра I о том, чтобы Франция приобрела в виде компенсации Албанию, Морею и Кандию, Наполеон ответил отрицательно, подчеркнув, что только Силезия может быть эквивалентом Молдовы и Валахии [11. Р. 711–712]. В середине февраля в беседе с Коленкуром царь, возвращаясь к этой проблеме, заявил, что Этрурия и Португалия вполне компенсируют аннексию княжеств Россией [11. Р. 760].

На все эти настояния Наполеон ответил характерным для него способом в

инструкциях Коленкуру от 2 февраля 1808 г. Тот должен был заверить царя, "что мы (Александр и Наполеон. – А.Г.) не можем столкнуться, поскольку мир достаточно велик для нас обоих". Итак, ни русским не потребовалось эвакуировать Молдавию и Валахию, ни французы не вывели войска из Пруссии [11. Р. 738].

Другое средство давления на парижский кабинет состояло в подключении к дискуссии офицерских кругов и функционеров Российской империи. На последней неделе 1807 г. Румянцев сумел раскрыть перед Коленкуром этот аспект ситуации. Минимальной выгодой, которую могла бы получить Россия, была бы аннексия княжеств, но без постановки проблемы компенсации за них. Среди дворянства существовала проанглийская группировка, представители которой составляли значительную часть царского окружения. Осенью 1807 г. в высших кругах столицы ходила анонимная брошюра "Размышления о мирном договоре между Францией и Россией", чрезвычайно критичная в отношении нового внешнеполитического курса Александра I. Присоединение к континентальной блокаде породило экономические, торговые, финансовые трудности [23. Р. 17–18]. Российский же посол в Париже пытался убедить Шампаньи в том, что приобретение Молдовы и Валахии не сможет компенсировать все негативные последствия разрыва отношений с Англией.

И вопреки тому факту, что Наполеон обусловил аннексию Дунайских княжеств получением компенсаций в Пруссии, т.е. условием, поистине неприемлемым для российской стороны, которая "угрожала" выводом своих войск из княжеств для того, чтобы добиться эвакуации из Пруссии французской армии, в Петербурге министр иностранных дел Румянцев заложил основы курса на еще большие территориальные претензии. В инструкции до 23 января 1808 г. Толстому было поручено добиваться передвижки границы до рукава св. Георгия или даже добиться ее установления у Бабадага и озера Разелм [11. Р. 708].

Необходимое условие включения княжеств в границы Российской империи заключалось на том этапе в получении согласия Наполеона I, который позднее, как надеялся Александр I, окажет давление на турецкое правительство и заставит его уступить. С этого момента в интересах Порты было попытаться исключить французское посредничество из русско-турецких переговоров.

Единственным важным решением, принятым в ходе состоявшихся в Париже разговоров между Толстым и послом Блистательной Порты Мухибом-эфенди, при участии Шампаньи, было продление перемирия до окончания мирных переговоров.

При том, что Наполеон не был против аннексии румынских княжеств Россией, он опасался, что этим может быть положено начало процессу раздела территории Османской империи. Помимо того факта, что Франция не получила бы от него выгод, которых желал ее император, это бы полностью исключило всякую возможность достижения компромисса с Англией. Вдобавок, "восточная проблема" оставалась для Наполеона лишь средством для решения сложных вопросов на Западе, согласование которых для императора имело гораздо большую важность. Отсюда и предпочтение сохранения состояния неопределенности в отношении Османской империи, которое больше устраивало Наполеона. Настояния, неоднократно повторяемые Петербургом, как и необходимость предложить царю минимальную компенсацию, привели к изменению линии, проводившейся послом в Стамбуле Себастиани. В согласии с инструкциями, полученными от Шампаньи, он сообщил дивану, что вопреки ожиданиям французского императора последнему не удалось добиться от Александра I вывода войск из румынских земель. В этом контексте Блистательная Порта должна будет заключить мир с Россией в обмен на уступку Молдовы и Валахии. Турецкое правительство было предупреждено Мухибом-эфенди о том, что Наполеон склонен поддержать территориальные притязания Российской империи. В Стамбуле султан, диван, улемы и руководители янычарских корпусов были единодушны в решении продолжать войну во что бы то ни стало. Этот дипломатический демарш имел важные последствия для франко-турецких отношений. "Турция, – писал Себастиани Шампаньи, – сегодня питает большую ненависть к Франции, чем к России" [24].

Еще осенью 1807 г., вследствие неоднократных настояний Наполеона [18. Р. 104, 586], Александр I начал подготовку к вторжению в Швецию. Проанглийское поведение Густава Адольфа IV, который приходился царю шурином, гостеприимство, оказываемое британским кораблям в шведских портах, торговля, поддерживаемая между этими двумя странами, не могли не раздражать Париж. В то же время Наполеон рассчитывал, что война на севере поглотит внимание царя и ослабит натиск России в других зонах. Император Франции определил даже цель Санкт-Петербурга, а именно: покорение и аннексия Финляндии. Но и Александр I был заинтересован в том, чтобы использовать все возможности, создаваемые новой ориентацией его внешней политики, в плане приобретения новых территорий [23. С. 11–12].

В начале 1808 г. Румянцев по требованию царя составил секретную записку "Общие взгляды на Турцию", в которой через призму новых российско-французских отношений были проанализированы варианты урегулирования Восточного вопроса. И, естественно, были перечислены возможные территориальные приобретения вовлеченных в этот вопрос стран. Кроме Молдовы и Валахии, российский министр иностранных дел добивался аннексии Болгарии в обмен на участие в предложенной Наполеоном экспедиции в Индию [12. Т. XIV. С. 45]. Данная записка разъясняет взгляды российского кабинета по вопросам политики на юго-востоке Европы в контексте секретных переговоров, которые впоследствии состоялись в Санкт-Петербурге.

В первой половине марта 1808 г. имели место дискуссии между Коленкуром, с одной стороны, и Александром I и Румянцевым – с другой, по проблеме расчленения и раздела Османской империи [25]. Еще до начала этих бесед в течение февраля много раз поднимался вопрос о компенсациях за аннексию румынских княжеств. Отвергнув предложенный Наполеоном эквивалент – Силезию – царь воскликнул: "Ну что ж! Этрурия, Португалия являются великолепными эквивалентами" [19. Р. 280]. В ходе дальнейших секретных франко-русских дискуссий более на этой проблеме не останавливались. И, как ни странно, вслед за тем, как Александр I ясно заявил Коленкуру, что "его амбиции не идут дальше Валахии и Молдавии" [3. Т. IV. С. 177], стороны перешли к анализу вариантов раздела владений Порты. После нескольких туров переговоров, когда обсуждение зашло в тупик, Румянцев составил ноту, в которой резюмировал итоги всех состоявшихся бесед [26]. В соответствии с минимальным проектом, Россия аннексировала Молдову, Буджак, Валахию и Болгарию, Франция оккупировала Албанию, Морею, Кандию и часть Боснии, другая часть которой, вместе с Хорватией, возвращалась бы Австрии. В то же время Сербия получала статус независимого государства, управляемого австрийским принцем, женатым на сербской великой княгине.

Следующий вариант – план-максимум – предусматривал для России аннексию Молдовы, Буджака, Валахии, Болгарии и части Румелии, Франция получала бы Боснию, Албанию, Морею, Кандию, острова в Эгейском море (включая Кипр и Родос), Сирию и Египет. Австрия должна была быть вознаграждена Сербией и Македонией, а также, весьма вероятно, и частью Хорватии. Открытыми оставались вопросы о том, кто будет хозяином Стамбула, Босфора и Дарданелл.

Санкт-петербургский кабинет уделял чрезмерное внимание этой дискуссии. Наполеон допустил выход Восточного вопроса на первый план, желая выиграть время для разрешения сложностей, возникших на Пиренейском полуострове, где из Португалии была вытеснена французская армия, а восстание испанцев оказалось неожиданно очень длительным. Наполеон передал Коленкуру инструкции, касающиеся дискуссий, согласно которым следовало заняться проблемой раздела Османской империи; в то же самое время во время встреч с австрийским послом в Париже Клеменсом Лотаром Меттернихом утверждал, что всякое присоединение, каким бы выгодным оно ни было, "не сможет компенсировать колоссальное увеличение России". Стремясь настроить Австрию против России для того, чтобы заставить последнюю в

дальнейшем быть более умеренной в формулировке своих экспансионистских проектов, французский император подчеркивал обоснованность австрийских претензий на территории вдоль Дуная [27]. Еще с конца 1807 г. Вена проявляла приглушенное беспокойство по поводу возможного овладения Россией Нижним Дунаем. Более того, в некоторых дипломатических кругах даже ходил слух о том, что Наполеон признает Валахию за Австрией [28].

Из того факта, что значительный французский контингент был направлен в Испанию и тем самым было ослаблено французское влияние в Центральной Европе, венский кабинет попытался извлечь выгоду, торопясь предпринять меры по усилению своих вооруженных сил. Это очень осложняло положение Наполеона. Если бы Австрия использовала возникшую благоприятную конъюнктуру, император французов столкнулся бы лицом к лицу с двумя крупными осложнениями на континенте. Единственное решение, которое могло не допустить этого кризиса, состояло в укреплении союза с Россией [10. Р. 319–320]. Со второй половины мая Коленкур добивался от царя согласия на встречу между ним и французским монархом, которая должна была состояться "без предварительных условий". В письме от 31 мая, адресованном французскому послу в Санкт-Петербурге, Наполеон, возобновляя идею о необходимости соглашения с Александром I, обращал внимание на то, что не приемлет обусловленности такого свидания. Царь в письме к Наполеону известил, что свидание между двумя императорами зависит от согласия с русским проектом раздела Османской империи [12. Т. XIV. С. 53]. При всем этом Александр I осенью 1808 г. поехал в Эрфурт, не достигнув принятия французской стороной своей программы.

Александр направился в Эрфурт с твердым желанием добиться подтверждения приобретения Финляндии, определенного согласия на аннексию Молдовы и Валахии и прохождения границы по Дунаю. Без урегулирования этих вопросов царь не был намерен допустить принятия какого-либо важного решения, могущего изменить конфигурацию границ в Европе. Со своей стороны, Наполеон хотел совместных военных действий против Австрии. В том, что касалось Восточного вопроса, он попытался, насколько это возможно, бережно отнестись к самолюбию Порты. Согласно статьям Эрфуртского договора, Наполеон был вынужден согласиться на приобретение Россией Молдовы и Валахии (ст. 8) и, более того, обусловить мир с Англией признанием со стороны последней инкорпорирования Финляндии и румынских княжеств в состав обширной православной империи (ст. 5).

Во второй половине октября из Парижа от министерства иностранных дел были переданы новые инструкции поверенному в делах Франции в турецкой столице маркизу де Латур-Мобуру. Составленные в духе Эрфурта, новые политико-дипломатические ориентиры были естественным следствием того отношения Франции к Османской империи, которое установилось в Тильзите и было ясно выражено впервые в письме к Себастиани в начале 1808 г. Тогда, как и теперь, в конце октября, демарши французских дипломатов, аккредитованных в столице на берегу Босфора, были ориентированы на воздействие и давление на Порту для того, чтобы последняя согласилась уступить Молдову и Валахию в обмен на мир с Россией. Мотивы, на которые ссылались в этот раз, были следующими. Население княжеств не желает возвращения под господство султана, ибо его нравы, религия и чувства полностью расходятся с таковыми в Порте. В свою очередь, Османская империя "в действительности не ослабеет от потери Молдавии и Валахии", поскольку ее войска не дислоцированы на этих землях и оттуда она не получает даже незначительных доходов. Более того, Порта не сможет более рассчитывать на верность своих подданных. Дунай является естественной границей, которую значительно легче защищать. Единственные, кто будут заинтересованы в сохранении контроля султана над румынскими княжествами, это греки, которые получают выгоды от тронов в Бухаресте и Яссах [4. Р. 523]. В результате в Стамбуле влияние, которым прежде пользовалась Франция, значительно уменьшилось. Обвиняемый во всех несчастях, которые свалились на Османскую империю, Париж утратил былой престиж.

Мухиб-эфенди, посол Блистательной Порты в Париже, немедленно после подписания договора в Эрфурте, обратил внимание на изменение тона со стороны русских дипломатов, которое тогда было predetermined установлено границей до Дуная, следовательно, все турецкие крепости по Днестру и Дунаю, "которые удерживали русских и были ключом к Румелии" включались в состав Российской империи [7. Р. 688]. При всех категорических заявлениях Порты о том, что она не согласится уступить даже "пядь земли", во время контактов, ввиду открытия предстоящих переговоров, вырисовывалась перспектива как минимум уступки в Буджаке, т.е. в военно-стратегической зоне, чрезвычайно важной для безопасности Османской империи.

С другой стороны, Румянцев всего лишь через четыре дня после подписания Эрфуртского договора, 16 октября, передал главнокомандующему А.А. Прозоровскому условия, на базе которых должны вестись русско-турецкие мирные переговоры. Наиболее важными были вторая и третья статьи инструкций, в которых содержались территориальные притязания. В них предусматривалась аннексия Молдовы, Буджака и Валахии, установление границы по Дунаю, а в районе Добруджи ее фиксации у Бабадага и озера Разелм [3. Т. IV. С. 368]. 4 ноября фельдмаршал Прозоровский ответил министру иностранных дел, что от этих переговоров нельзя ожидать большого успеха, только военная сила может заставить Порту уступить [3. Т. IV. С. 379–380]. В свою очередь, Румянцев посоветовал Александру I поспешить с разъяснением проблемы территориальных приобретений и отметил, что без "военной демонстрации" Россия не сможет получить то, чего добивается. Необходимо, таким образом, перейти Дунай и тем усилить военное давление на Порту. Для этого "какое бы то ни было дипломатическое обязательство, какое бы то ни было данное обещание не являются нам помехами". Несколько дней спустя, в начале января 1809 г. министр иностранных дел направил царю из Парижа, где он находился в это время, новое ходатайство о форсировании реки русскими войсками "с целью дать толчок переговорам" [3. Т. IV. С. 457].

Вопреки тому факту, что обе стороны считали бессмысленными какие-либо переговоры, афишируя непримиримость своих позиций, турецкая делегация [29] покинула Стамбул в декабре 1808 г. и направилась в Яссы. Представлять интересы России было поручено генералам М.А. Милорадовичу и И.М. Гартингу, а также сенатору С.С. Кушникову, председателю Государственного совета румынских княжеств. Уже в первые дни на переговорах были оглашены точные российские территориальные притязания: граница по Дунаю и по рукаву св. Георгия. Ввиду несогласия турецкой стороны, русская делегация не пожелала перейти к поиску контрпредложений и заявила о прекращении переговоров, перемирия и возобновлении военных действий.

Использованный для этого предлог заключался в частности, и в подписании в Дарданеллах мирного договора между Британской и Османской империями [30]. В секретной статье английская дипломатия обязалась оказать помощь Порте в достижении "почетного мира, гарантирующего сохранение территориальной целостности Империи". Хотя и не зная точно сущность этого документа, петербургский кабинет заметил опасные планы активного вмешательства в российско-турецкие отношения представителя Великобритании Роберта Эдера. Он был уведомлен через Вену и Петербург об условиях мира, предложенных российской стороной, и передал через представителя неаполитанского короля маркиза Серра Каприола, что намеревается помочь переговорам в Яссах. Отказ Прозоровского был быстрым; более того, он угрожал разрывом переговоров в случае появления британского дипломата в Яссах.

Фельдмаршал, обуславливая продолжение переговоров, подчинился царским инструкциям от 17 февраля [3. Р. 498; 4. Р. 535]. Еще при прибытии турецкой делегации в столицу Молдовы, Прозоровский предъявил ей 6 марта официальный ультиматум, в котором требовалось выслать Эдера и объяснялось, что в случае

отказа Россия возобновит военные действия [31]. Как, впрочем, и ожидалось, Порта отвергла ультиматум. Это послужило для Прозоровского удобным поводом, чтобы передать 5 апреля Мехмеду Саиду Галибу-эфенди, что начиная со дня, следующего за тем, как через курьера будет получен из Стамбула ответ, который не удовлетворит царские претензии, переговоры будут прерваны, перемирие будет считаться недействительным и боевые действия возобновятся. В этих обстоятельствах турецкой делегации предложили покинуть территорию княжеств. Неофициальные контакты между сторонами продолжались до конца апреля, не дав малейшего прогресса.

Русско-турецкая война разразилась в 1806 г. как диверсия против России, которая была вынуждена воевать на трех фронтах одновременно. Крупные сражения и равновесие сил на Европейском континенте повляли решающим образом на ход действий, развивавшихся на Дунае. Одной из "разменных монет" в дипломатической игре между Парижем и Петербургом являлись Дунайские княжества, бывшие отнюдь не субъектами, а всего лишь объектами в европейской системе международных отношений. Этот факт стал очевидным в промежуток времени между Тильзитом и Эрфуртом. Заручившись в Эрфурте согласием Наполеона на присоединение княжеств, российская дипломатия одержала победу, оказавшуюся, однако, в конечном счете пирровой. После Эрфурта русское правительство пыталось в течение более трех лет добиться военных успехов, которые вынудили бы Порту согласиться с требованием Петербурга. Однако, в преддверии надвигающейся войны с Наполеоном, оно отказалось от этого плана. По Бухарестскому мирному договору, поставившему точку в русско-турецкой войне, Россия приобрела только часть Молдовы между Прутом и Днестром. Тогда же она получила название Бессарабии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1996. С. 56–57.
2. *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1965. Т. IV.
4. Documente privitoare la istoria românilor. Colecția Eudoxiu de Hurmuzaki. București, 1885. Supliment I. Vol. II (1781–1814).
5. *Driault E.* La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Sturdane, 1806–1808. Paris, 1904. P. 64.
6. *Mehmet M.* Documente Turcești privind istoria României. București, 1986. Vol. III (1791–1812).
7. *Veliman V.* Relațiile româno-otomane (1711–1821). Documente turcești. București, 1984.
8. Архив внешней политики Российской империи, ф. Канцелярия.
9. *Vandal A.* Napoléon et Alexandre I-er. Paris, 1891. Vol. I.
10. Memoires du prince de Talleyrand, publiés avec une preface et des notes par le duc de Broglie. Paris, 1891. Vol. I.
11. *Sturdza D.* Colescu-Vartic C. Acte ș documente relative la istoria renașterii României. București, 1900. Vol. I.
12. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1902–1905. Т. XIII–XIV.
13. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978. С. 63.
14. Российский государственный Военно-исторический архив. Ф. 14209 Молдавская армия. Оп. 5/165. Д. 84. Ч. 1. Св. 27. Л. 11–13, 40.
15. *Ctrunwald C. de.* Trois siecles de diplomatie russe. Paris, 1945. P. 152.
16. *Vandal A.* La Cour de Russie en 1807–1808. Notes sur la Cour de Russie et Saint-Peterbourg, écrites en décembre 1807 par général Savary // Revue d'histoire diplomatique. 1890. P. 414.
17. *Vandal A.* Les instructions donnees par Napoléon a M. de Caulaincourt apres la paix de Tilsit // Revue d'histoire diplomatique, 1890.

18. Correspondance de Napoléon I-er. Paris, 1864. Vol. XVI.
19. *Tatischeff S.* Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812. Paris, 1891.
20. *Emerit M.* L'enquête de Napoléon I-er sur les principautés roumaines // *Revue historique du sud-est européen.* 1936. № 4–6. P. 188.
21. Instructions pour M. de Caulaincourt // *Revue d'histoire diplomatique.* 1890. P. 72–77.
22. Mémoires du général de Caulaincourt, introduction et notes de Jean Hanoteau. Paris, Vol. I. P. 105.
23. *Казиков Н.И.* Внешняя политика России перед войной 1812 года. // 1812. К столетиям Отечественной войны. М., 1962.
24. *Testa I.de.* Recueil des traités de la Porte ottomane avec les puissances étrangères. Paris. 1865. Vol. II. P. 307–308.
25. Documents relatifs au partage de l'Orient négocié entre Napoléon et Alexandre I-er // *Revue d'histoire diplomatique.* 1890. P. 431–469.
26. Nicolas Mikhailowitch. Les relations diplomatiques de la Russie et de la France d'après les rapports des ambassadeurs d'Alexander et de Napoléon 1808–1812. St.-Petersbourg, 1905. Vol. I. P. 216–217.
27. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le Prince de Metternich, publiés par son fils le prince Richard de Metternich. Paris, 1880. Vol. II. P. 155.
28. *Iorga N.* Acte și fragmente cu privire la istoria românilor. București. 1896. Vol. II. P. 434.
29. *Voppe A.* La mission de l'adjudant-commandant Mériage a Widin (1807–1808) // *Annales de l'école libre des sciences politiques.* 1886. № 2. P. 299–289.
30. *Naradounghian G.* Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottomane. Paris. 1900. Vol. II. P. 81–82.
31. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812. СПб., 1887. Т. II. С. 561.

© 1998 г. СКРИЦКИЙ Н.В.

МАТИЯ ЗМАЕВИЧ – РОССИЙСКИЙ АДМИРАЛ

М. Змаевич родился в 1680 г. в Перасте, городке на побережье Адриатики, недалеко от Котора. Его ближайшие родственники занимали высокие посты в церковной иерархии [1]. Сам же Матия навсегда породнился с морем. Первый опыт он получил на судах своего отца, известного моряка Крыля Змаевича [2. С. 227]. Высказывалось мнение, что он служил также на галерах флота Венеции, которой принадлежала власть в Бока-ди-Катарро (Которе) и его окрестностях. На двадцать девятом году Матия убил на дуэли капитана Пераста Вуско Буйовича и был вынужден оставить родной город и семью. Сначала он перебрался в Дубровник, а затем в Константинополь [2. С. 227]. Послом в турецкой столице состоял П.А. Толстой, который в 1698 г. по поручению Петра I ездил по южнославянским землям и бывал в доме Змаевичей. Толстой в 1710 г. принял Змаевича капитаном на русскую службу [3]. Но с началом русско-турецкой войны посла, а вместе с ним и Змаевича, в ноябре того же года заключили в Едикуле (Семибашенный замок) [4. С. 273; 5. С. 1]. Только в 1712 г. Толстой, которого мир России с Турцией освободил из тюрьмы, смог отправить Змаевича к новому месту службы. Царь осенью 1712 г. лечился в Карлсбаде [4. С. 324], к нему Толстой и послал моряка. Петр I принял Змаевича, проверил его знания и направил на Балтику. Сопровождавший монарха Г. Головкин писал 25 октября 1712 г. генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину:

"Мой Государь!

Сего письма вручитель Капитан морского флота Змаевич, принят в Константинополе в службу Его Царского Величества от Посла Господина Толстого, которого он хотел было только отправлять, но мир турки разорвали, и его посла в Едикуль посадили, при котором и он Капитан страдал; ныне когда он г. Посол освобожден из Едикуля, то и он Капитан купно с ним освободился и от послов тамо наших обретающихся сюда отпущен и прибыл в Карлсбад, а брат его Бискуп Босенский и доньне служит тамо в деле Его Царского Величества, которого Его Царское Величество изволил отправить в Петербург с собственным своим письмом к Вам о принятии его в службу в морской флот в капитаны и об учинении ему жалованья против других капитанов, которого я Вашей милости рекомендую, изволите к нему быть милостивы и учинением жалованья против его братьев не оскудить его за его показанные службы и такое страдание, а здесь ему дано за дорожный проезд и в приказ триста червонных золотых. Слуга Ваш Гр. Головкин" [5. С. 1–2].

Моряк отныне связал свою судьбу с Россией на всю жизнь. Шла Северная война. Змаевич торопился. Уже в 1712 г. он прибыл в Россию и был зачислен в галерный флот капитаном первого ранга с жалованьем 30 руб. в месяц [3. С. 153]. Видимо,

принимая такое решение, Апраксин имел мысли о последующей замене галерного шаутбенахта Боциса, постоянно враждовавшего с вице-адмиралом корабельного флота К. Крюсом.

К этому времени Петр I решил завоевывать Финляндию, чтобы принудить шведов к прекращению войны. В 1712 г. боевые действия здесь носили более характер демонстрации и разведки, так как основные усилия Россия, Дания, Англия, Голландия должны были направить на собственно шведское побережье. Однако царь не дождался помощи от союзников, и в 1713 г. начались самостоятельные действия российских вооруженных сил в Финляндии. Ф.М. Апраксин с галерным флотом и сухопутными войсками занял южную часть Финляндии, в том числе Гельсингфорс и Або. Матия был на галерном флоте. Командуя отрядом гребных судов, он ходил в шхеры. За отличия Змаевича произвели в капитан-командоры; он получил также золотую медаль в 50 червонцев [5. С. 3].

В 1714 г. значение галерного флота еще более возросло, так как от его действий зависело, удастся ли обеспечить снабжение войск, продолжающих завоевание Финляндии. Змаевич во флоте, которым командовал Апраксин, после смерти Боциса заведовал морскими чинами. Особенно он отличился в знаменитом Гангутском сражении.

Шведы весной 1714 г. выслали в море флот адмирала Ватранга, который встал у мыса Гангут и преградил галерному флоту Апраксина путь к Аландским островам. Галеры не могли вступить в бой с линейными кораблями. Прибыв в Тверминне, где стояли суда, Петр I принял решение перетащить их по суше, в самом узком месте Гангутского полуострова. Место переволоки нашел Змаевич. Шведы узнали о приготовлениях, и Ватранг послал часть флота, чтобы обойти русские суда и уничтожить их, а на другой конец переволоки отправил отряд шхерных кораблей шаутбенахта Эреншильда. Однако при разделении флота адмирал не смог перекрыть полностью путь к Або, и этим в штиль воспользовалось русское командование, послав скампавеи в обход эскадры Ватранга со стороны моря. Главным отрядом командовал Змаевич, который сразу после прорыва заблокировал отряд Эреншильда. Следующим утром в тумане главные силы прорвались под берегом, а затем атаковали Эреншильда. Змаевич командовал правофланговым отрядом галер, в ожесточенном бою заставивших шведов сдаться [3. С. 153]. За Гангутскую победу все участники были награждены особыми медалями. Змаевичу вручили медаль в 45 червонцев с цепью на 75 червонцев, с возвратом ранее выданной медали; из морских чинов золотые медали за Гангут получили еще только поручик З. Мишуков и капитан П. Бредаль [5. С. 3–4].

В августе Змаевич заболел; отправив его в Санкт-Петербург, Апраксин предписал Кикину "содержать его в своем хранении, понеже человек по премногу добрый" [3. С. 153].

Гангутская победа, позволившая русским гребным судам свободно ходить в Ботнический залив, а армии занять всю Финляндию, пробудила активность союзников. Было решено высадить десант в Южной Швеции. Отрядом гребных судов командовал Змаевич. Присланный в июле 1715 г. гвардии подполковник П.М. Голицын принял общее командование отрядом [5. С. 5]. Это обидело Змаевича, но он продолжал исправно выполнять свои обязанности по морской части и регулярно писал донесения генерал-адмиралу. В 1715 г. его суда с десантом направлялись в Копенгаген, но цели не достигли: отряд заходил последовательно в Ревель, Ригу, Гапсаль и зазимовал в Либаве [3. С. 5]. На время зимовки Змаевич с разрешения Апраксина уехал лечиться в Кенигсберг; только в следующем году весной он прибыл в Копенгаген, но десант не состоялся, и галерный отряд зимовал в Ростоке [3. С. 154; 5. С. 7–9].

Видимо, по просьбе моряка Петр I 30 апреля 1716 г. обратился с письмом к Венецианской республике и просил простить Змаевича за побег и возвратить ему движимое и недвижимое имущество; 28 ноября царь получил уведомление венецианского дожа о том, что Змаевич прощен [6]. Это позволяло моряку вернуться на родину, где оставалась его жена и другие родственники. Может быть, по этой причине в октябре 1716 г. Змаевич просил царя об отставке по состоянию здоровья, но не получил

разрешения. 2 июля 1717 г. Змаевич вывел отряд из Ростoka и в октябре прибыл в Ревель [3. С. 154]. Петр I окончательно разочаровался в союзниках и решил действовать против Швеции своими силами, добываясь мира.

По прибытии из Ростoka Змаевич поступил в подчинение Ф.М. Апраксина, который высоко ценил его храбрость и умение; в документах того времени В.Н. Берх не нашел ни замечаний, ни выговоров капитан-командору [5. С. 12].

В 1718 г. Змаевич со своим отрядом прибыл из Ревеля к Гангуту, ходил к Або, Аландским шхерам для разведки подступов к Стокгольму и в начале сентября возвратился с отрядом в Санкт-Петербург. 17 января 1719 г. Матвея Христофоровича, как называли Змаевича в России, произвели в шаяубенахты галерного флота; весной он на галерном флоте Апраксина вновь был в Аландских шхерах, оттуда с отрядом галер ходил на разведку крепости Ваксгольм, а на обратном пути разорял шведские берега [3. С. 154]. Это была подготовка к десанту у шведской столицы.

31 января 1721 г. Змаевича назначили членом Адмиралтейств-коллегии, после заключения Ништадтского мира он привел галерный флот в Санкт-Петербург, в сентябре заведовал постройкой галерной гавани, 22 октября получил чин вице-адмирала. В следующем году, замещая Апраксина, моряк командовал галерным флотом [3. С. 154; 5. С. 28]. Петр I поручил Змаевичу соорудить Галерную гавань на западном берегу Васильевского острова, и уже 20 февраля 1720 г. Змаевич рапортовал о развернутых работах. Под его наблюдением в гавани строились конная и венецианская галеры мастерами Делонтием и Франческо, а также потаенное судно посадского Е. Никонова – первая подводная лодка в России [5. С. 28–30].

Успех Персидского похода 1722 г. позволил российскому флоту утвердиться на Каспии, Ништадтский мир гарантировал спокойствие на Балтике. Петр I снова обратился к Черному морю. Первым шагом стало возобновление кораблестроения на Дону, прекращенного после неудачного Прутского похода 1711 г. В декабре 1722 г. царь, проезжая по Воронежской губернии, указал сохранять уже заложенные корпуса [7. С. 1]. 8 апреля 1723 г. он назначил для постройки прапов и галер в Воронеже Змаевича [3. С. 154].

1 мая 1723 г. Адмиралтейств-коллегия, заслушав именной указ, постановила отправить вице-адмирала в Воронеж с кораблестроителем капитаном Складьевым и другими моряками. Первоначально предполагалась постройка к марту 1724 г. девяти больших, шести малых прапов, 15 малых галер и 30 "новым маниром" судов. Кроме того, следовало заготовить материалы на два моста через Дон [7. С. 1–3]. Не окончив работ в Галерном порту, Змаевич выехал на юг с группой морских офицеров и мастеров [5. С. 30]. В июне он прибыл на Дон и докладывал из Таврова о недостатке материалов и людей [7. С. 3–5]. Змаевич нашел Тавров более удобным для кораблестроения, и здесь было заложено 15 прапов и 15 галер [3. С. 154]. Вице-адмирал представил ведомость наличного и потребного числа пушек и предложил отливать их на местных заводах [7. С. 6–10].

Змаевич торопился выполнить царскую волю и работал без отдыха, заставляя трудиться в том же режиме и других. Очевидно, в столицу была направлена жалоба недовольных. 4 июня за посылку галерных служителей на работу в выходные и праздничные дни без указа Коллегии Змаевича оштрафовали вычетом жалованья за пять месяцев [3. С. 154]. Это не помешало Коллегии 5 августа одобрить его действия по строительству судов [7. С. 12–13]. Отказывавшему в помощи воронежскому губернатору Измайлову был послан указ Коллегии с предупреждением о том, что если он и далее будет так действовать, царь сам к нему обратится [7. С. 14].

4 сентября Змаевич рапортовал о начале постройки 15 галер и четырех больших прапов и о подготовке места для закладки остальных [7. С. 15]. 16 сентября энергичный вице-адмирал сообщал уже о пяти заложенных прапах, о подготовке к закладке в октябре каиков, об отливке пушек на Липских (Луганских) заводах, о ремонте мельницы для лесопилки [7. С. 15–17]. 1 ноября в постройке, несмотря на недостаток людей, было уже девять прапов, галеры, кайки и восемь галерных ботов

[7. С. 17–18]. Для вооружения судов по указу царя брали подходящие пушки, в том числе и из Павловской крепости [7. С. 19].

Однако планы царя, очевидно, изменились, ибо спешка прекратилась. В январе 1724 г., когда строительство было в разгаре, Змаевич запрашивал, достраивать ли суда окончательно [7. С. 21]. 17 февраля он снова интересовался тем же и напоминал, что если будет приказ суда спустать, то мелководие не позволит их провесты [7. С. 22]. 30 апреля Апраксин и Синявин писали из Москвы о мерах по вооружению флотилии [7. С. 23–24]. 6 октября Коллегия указала Змаевичу, оставив часть людей для содержания и хранения судов, вместе со Склеевым немедленно ехать в Санкт-Петербург [7. С. 25]. 19 декабря, исходя из царского указа от 17 декабря, Адмиралтейств-коллегия повторила требование об отъезде Змаевича с его людьми в столицу [7. С. 26]: Только через пять лет моряк вернулся на Дон.

В 1725 г. Змаевич стал членом Адмиралтейств-коллегии [5. С. 30]. Вскоре скончался Петр I. Змаевич участвовал в траурной церемонии: он нес за гробом Казанскую царскую корону [5. С. 31]. После смерти капитан-командора Демьяновича вице-адмирал вступил в управление галерным флотом и портом, оставаясь членом Коллегии. 21 мая новая императрица Екатерина I, которая, как и Апраксин, любила моряка, пожаловала его орденом св. Александра Невского [3. С. 155].

В марте 1726 г. Змаевич подал прошение об отставке, но, вероятно, по совету Ф.М. Апраксина, отказался от этой мысли; В.Н. Берх отмечал, что в заседаниях коллегии Матвей Христофорович обычно поддерживал генерал-адмирала в противовес Гордону, Вильстеру, Сандерсу и Фангофту [5. С. 31].

7 мая 1727 г. Змаевича произвели в адмиралы [3. С. 155]. Но в этом звании он находился недолго. В начале 1728 г. подчиненные подали донос. Обвиняли его в использовании казенных материалов, 70-ти казенных людей для своих построек и удержании заработанных людьми денег. Змаевича арестовали и предали суду [5. С. 32]. В состав суда входили вице-президент Адмиралтейств-коллегии Сиверс, вице-адмирал Вильстер, генерал-ригс-комиссар Головин, вице-адмирал Синявин, контр-адмирал Дуффус, Бредаль, капитан-командор Вильбоа и полковник Вадковский [5. С. 32–33]. Многие пункты доноса не подтвердились. Тем не менее суд признал адмирала виновным и направил в отсутствие Апраксина свое мнение Верховному тайному совету. Приговор фактически означал смертную казнь. Но Екатерина I помиловала его с понижением в чине и назначением командиром Астраханского порта на смену капитан-командору Мишукову; с него в трехкратном размере взыскали штраф за все взятое у казны, что составило 4960 рублей [3. С. 155]. Сумма не столь велика, чтобы в то время, когда многие воровали гораздо больше, устраивать громкий процесс. Скорее всего, Змаевич, как известный соратник Петра I и Апраксина, кому-то был опасен.

В июле Змаевич направился на юг, но задержался в Москве у Апраксина. Генерал-адмирал рекомендовал назначить его не в Астрахань, а в Воронеж. Адмиралтейств-коллегия в ответ писала о том, что не лучше ли послать вице-адмирала в Тавров, к тамошнему адмиралтейству. До смерти Апраксина в ноябре 1728 г. Змаевич оставался под его покровительством в Москве. Вскоре после кончины генерал-адмирала Коллегия запросила Змаевича, почему он не в Воронеже, затем послала указ ехать в Тавров руководить портом. Вице-адмирал отговорился болезнью, в мае сослался на то, что барон Остерман приказал ему оставаться в Москве до указа. Но противодействующие силы оказались могущественнее. В июле Змаевич прибыл в Тавров и доложил, что будет действовать по инструкции Верховного тайного совета [5. С. 33–35].

В Таврове первоначально не было дел по морской части, и энергичный моряк занялся Липскими заводами; вскоре он предоставил Адмиралтейств-коллегии образцы шляп и чулок для моряков, сделанных на этих заводах. Однако Сиверс признал продукцию дорогой, и Коллегия запретила производство [5. С. 35].

2 июня 1729 г. новый император Петр II отправил Змаевича на Дон с указом

сохранять и поддерживать в готовности построенные в 1723–1724 гг. суда, а также беречь заготовленные по указу 1725 г. материалы еще на 20 галер [7. С. 29]. В июне 1729 г. вице-адмирал принял управление адмиралтейством в Таврове [3. С. 155]. Даже когда были сняты наказания с некоторых офицеров, в том числе с обвиненного по одному делу со Змаевичем капитан-лейтенанта Хорвата, Змаевич оставался в прежнем положении [5. С. 35–36].

5 ноября 1731 г. уже Анна Иоанновна повелела, после постановления Совета от 4 ноября, продолжать сохранять построенное в Таврове, сообщить о состоянии судов и мерах, необходимых для их достройки [7. С. 30]. Любопытство императрицы не было праздным. Существовал замысел вернуть России берега Азовского моря и выйти в Черное. Первым шагом вновь должно было стать строительство флота на Дону. 26 ноября Змаевич доложил, сколько имеется прамов и гребных судов. В 1734 г. он получил повеление вооружить весь гребной флот, построить еще несколько галер и лодок; Коллегия направила на юг 2 тыс. матросов, морских офицеров, а также материалы. Змаевич выполнил указ с успехом, а вице-президент граф Головин одобрял все его требования и распоряжения [5. С. 36].

Во многом готовность Донской флотилии к русско-турецкой войне 1735–1739 гг. явилась плодом трудов Змаевича. Однако член тавровской портовой конторы капитан Росселиус публично назвал вице-адмирала вором, плутом и бездельником, а лейтенант Чириков подал донос. По жалобе Змаевича Адмиралтейств-коллегия вызвала Росселиуса в столицу, признала, что он нанес оскорбление в нетрезвом виде, оштрафовала и вернула его в Тавров. Когда же Змаевич заметил, что негоже оскорбителя, даже прощенного, посылать под его команду, Коллегия сослалась на высочайшую волю [5. С. 36–37]. Одновременно следствие по доносу Чирикова вели в Таврове. Все эти события омрачили последние дни Змаевича и, вероятно, сократили его век.

Змаевич не успел достроить заложенные суда, 25 августа 1735 г. он скончался [3. С. 155]. На смену ему в Тавров послали П. Бредаля, который и довел до завершения дела Змаевича – и как строителя флотилии, и как ее командира – в боях против турок.

Любопытный документ представляет духовная Змаевича. Он поручил троим душеприказчикам, жившим с ним в России, реализовать те средства, которыми располагал, заплатить из них тем, кто служил моряку, послать сестре и дочери, ушедшим в монастырь, по кресту с алмазами, а остальные деньги вместе с завещанием отправить брату, архиепископу Боснии, для наследника [5. С. 38–46]. Из трех флагов, посланных им на родину, в музее Пераста сохранился только один, с андреевским крестом, остальные два пропали в период наполеоновских войн; завещание Змаевича сохранилось в Задарском архиве, а орден св. Александра Невского – в Перасте [2. С. 228].

Адмиралтейств-коллегия рассмотрела духовную Змаевича с просьбой похоронить его в московской католической церкви и постановила удовлетворить последнюю волю; 5 октября 1735 г. тело с конвоем отправили в Москву [5. С. 41–42, 46–47]. К началу XX ст. сведений о его могиле не сохранил даже справочник "Московский некрополь".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Godisnjak Pomorskog museja u Kotoru. 1962. № 10. С. 65.
2. Pomorska Enciklpedija. Zadar, 1964. Т. VIII.
3. Общий морской список (ОМС). СПб., 1885. Ч. 1.
4. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
5. Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или опыт истории российского флота. СПб., 1833. Ч. II.
6. Русский биографический словарь. Пг., 1916. Т. VII. С. 418.
7. Материалы для истории русского флота. СПб., 1877. Ч. VI.

© 1998 г. КОСТЯШОВ Ю.В.

ЙОВАН БАЛЕВИЧ И ЕГО "ОПИСАНИЕ ЧЕРНОГОРИИ"

Энциклопедии называют Йована Балевича философом и писателем. Его имя стало известным и вошло в культурную историю югославянских народов благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, он стал первым черногорцем, защитившим докторскую диссертацию в области философии (ученый труд, посвященный значению распространения религии, был напечатан в Галле в 1752 г.) [1]. Во-вторых, Балевич оставил краткое историко-географическое описание Черногории, рукопись которого более ста лет назад была найдена в Московском архиве МИД и опубликована М. Драговичем сначала в Петербурге [2], а затем в Цетинье [3].

Библиография работ о черногорском ученом, составленная два десятилетия назад Б. Маринковичем, насчитывает более 30 названий [4], однако о его жизни до сих пор почти ничего не было известно. Принято считать, что ученый родился в третьем десятилетии XVIII в., в отрочестве переселился из Черногории в Венгрию, образование получил в Сремских Карловцах и Галле, несколько лет прожил в Петербурге, где и умер в 1768 г. [5]. Вновь найденные в российских архивах документы позволяют уточнить и существенно дополнить представления о биографии Й. Балевича и его творческом наследии.

Прежде всего можно считать решенным спор о правильном написании имени ученого: во всех документах с его собственноручной подписью встречаем одну форму – Йован Стефанович Балевич (или русифицированный вариант: Иван Степанов сын Балевич). Что же касается широко распространенного в историографии написания "Балович", оно стало следствием небрежности российских писарей, которые с необычайным упорством переименовывали иностранное имя на более привычный русскому уху манер. Архивные материалы позволяют установить и точные даты жизни знаменитого черногорца. Из послужных списков за октябрь 1761 г. и январь 1766 г., в которых указан возраст (соответственно 33 и 37 лет от роду), следует, что он родился в 1728 г. [6. Д. 62. Л. 538 об.; Д. 70. Л. 4 об.].

О своей жизни до переселения в Россию Балевич впервые рассказал в автобиографии, написанной по просьбе российского посла в Вене Германа Карла Кейзерлинга в мае 1757 г. Балевич сообщает, что родом он из Нижней Албании или Черных Гор. В детстве он попал в турецкий плен, был выкуплен боснийским архиепископом, оказался в Сараево, затем "наукам обучался вспоможением онаго архиепископа и его свойственников". Получив образование, в 1753 г. поселился в Королевстве Венгрии, где служил по контракту в должности вице-нотариуса более семи месяцев, а после отставки перешел на службу адъютантом к пограничному коменданту Гавриле Нова-

Костяшов Юрий Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежной истории Калининградского государственного университета.

ковицкому (Новаковичу). Затем, получив увольнение и выхлопотав паспорт, Балевич вознамерился вернуться в свое отечество, но "по случаю возпоследовавших в Белграде замешательств между янычарами и арнаурами" (т.е. албанцами) вынужден был возвратиться из Белграда в Карловцы, где в течение года и девяти месяцев служил в должности городского синдика (секретаря городской управы). В заключение Балевич сообщает, что его мать и братья остаются жить на родине, а сам он, по примеру прочих черногорцев, желал бы отправиться служить в Россию. Никаких препятствий для переселения, по его словам, не существует, ибо он никогда не был австрийским подданным, не имеет в Монархии имущества, а служил всегда по контракту [7. Л. 157–158 об.].

Уже приехав в Россию и стремясь поступить на службу офицером, Балевич "исправил" свою биографию и стал выдавать себя за человека военного, находившегося на австрийской военной службе [8. С. 214–215]. Интересно и то, что в момент переезда и в первые годы жизни в России Балевич однозначно относил себя к черногорцам, иногда прямо указывая на племенную принадлежность – "из Бретоножича"¹. Позднее он называл себя то сербом, то албанцем, пока окончательно не удовлетворился формулой – "сербской нации из шляхетства" [2. С. 670; 6. Д. 50. Л. 894; Д. 70. Л. 4 об.; 9. Ф. 248. Оп. 40. Д. 3025. Л. 711 об.].

О причинах, побудивших Балевича переселиться в Россию, подробно рассказано в мемуарах Симеона Пишчевича [11]. Будучи карловицким синдиком, Балевич оказывал содействие российским агентам, агитировавшим сербов к вступлению в русскую службу. Он, в частности, снабжал их поддельными документами, в которых вновь завербованные сербы из числа австрийских подданных числились черногорцами, что открывало им возможность беспрепятственного выезда за пределы монархии Габсбургов. Когда число выписанных секретарем фальшивых билетов достигло пятидесяти, афера раскрылась, и Балевичу пришлось бежать из Карловцев в Вену, надеясь при содействии российского посольства выехать из страны. По словам Пишчевича, граф Кейзерлинг отказал в протекции Балевичу, дав ему понять, чтобы он "сам бы о своем проезде старался". На самом деле посол в реляции Елизавете Петровне 3(14) мая 1757 г. горячо рекомендовал царице принять на службу явившегося к нему черногорца как человека ученого, знающего немецкий и латинский языки и обучавшегося в германских университетах². Он сообщал также, что проситель уже отбыл из Вены вместе с посольским переводчиком Волковым в Варшаву, откуда намерен ехать в Россию [7. Л. 155].

Прибыв в Санкт-Петербург летом 1757 г., Й. Балевич подал на имя царицы прошение о вступлении в русское подданство и по решению Сената был 1 сентября (по другим сведениям, 9 сентября) определен в формирующийся тогда Слободской гусарский полк капитаном [6. Д. 50. Л. 894, 929; 9. Ф. 248. Оп. 40. Д. 3025. Л. 636 об.]. Столь высокий военный чин³ бывший чиновник карловицкого магистрата получил "в разсуждении ево наук". И действительно, вряд ли кто из тогдашних российских офицеров мог похвалиться такой записью в графе о грамотности своего послужного списка: "Грамоти читать и писать по российски умеет, языком говорить по латину, немецки, елински, еврейски, волошки и по руски, наук знает философии, юриспруденции, математики, геологии, геодезии и астрономии [6. Д. 62. Л. 539; Д. 70. Л. 5].

¹ Род Балевичей из племени Братоножичей упоминается в фундаментальном труде Йована Ердельяновича по этнической истории черногорцев [10].

² Любопытно отметить, что не желая возбуждать излишних подозрений, Балевич не считал нужным поведать послу о своей причастности к афере с вербовкой сербов (впервые это было сделано им уже по прибытии в Санкт-Петербург); умолчал он и о том, что оставляет в Венгрии дом, жену и детей и даже на всякий случай слегка изменил имя, представившись Кейзерлингу как Стефан Балевич.

³ В литературе иногда ошибочно указывается, что Балевич был принят на русскую службу в качестве переводчика с немецкого и латинского языков [8. С. 215].

Едва вступив в службу, новоиспеченный российский офицер 24 сентября был отпущен на полгода "для забранья жены и детей и исправления ево нужд в венгеро-богемскую область". Однако получить разрешение на отъезд семьи ему оказалось непросто: австрийские власти всячески препятствовали переселению своих подданных в Россию. Из всего имущества, по словам самого Балевича, удалось продать только экипаж, а "имения своего там за запрещением не продал и оногo лишился". Пробыв в Сремских Карловцах более года, он 1 января 1759 г. вместе с семьей вернулся в Россию. Задержка с возвращением на службу была признана вынужденной, и Военная Коллегия постановила не считать опоздание просрочкой. Но добиться выплаты жалованья за время отсутствия на службе все-таки не удалось: многочисленные прошения капитана несколько лет кочевали из инстанции в инстанцию, пока наконец 22 мая 1763 г. общее собрание Сената не постановило в просьбе отказать, "ибо он там был по ево собственному прошению" [6. Д. 50. Л. 929–930 об.; Д. 62. Л. 235–240 об.].

Дальнейшая служба Й. Балевича протекала в Слободском полку, штат офицеров которого был в основном укомплектован выходцами из югославянских земель. Служивцами Балевича оказались подполковники Лука Милорадович и Николай Черба, капитан Степан Пищевич, Гаврила Виткович и др. [9. Ф. 248. Оп. 40. Д. 3025. Л. 287, 612–613 об., 630–631]. После расформирования полка в середине 60-х годов Балевич некоторое время состоял под следствием, но его вины в выявленных злоупотреблениях обнаружено не было, и он продолжил службу в Сумском, а затем в Харьковском гусарском полках. В отличие от многих своих соотечественников, ставших настоящими российскими помещиками, Балевич не скопил богатства ("душ мужского полу не имеет"). Судя по послужным спискам, в походах он не участвовал, пороков не имел, с воинским начальством был в ладах и сумел дослужиться до чина секунд-майора [6. Д. 70. Л. 4 об.–5, 301 об.–302].

Последние сведения о Й. Балевиче относятся к концу 60-х годов. 15 июня 1769 г. выходец из Черногории генерал-майор Иван Подгоричани представил Екатерине II обширный проект создания на Балканах повстанческого войска для борьбы с Турцией. От многих подобных проектов, имевших целью получение доступа к государственной казне, этот план отличался, пожалуй, лишь грандиозностью замысла. В Черногории, Сербии и других славянских землях генерал брался набрать до пятидесяти полков (всем им были придуманы особые названия, что должно было подчеркнуть серьезность намерений автора). Но и это число Подгоричани не считал окончательным, обещая, что "можно и больше полков и легионов уформировать естли щастием Вашего величества вперед войска пойдут". Среди конкретных исполнителей будущей масштабной акции назван и секунд-майор Харьковского полка Иван Балевич [9. Ф. 15. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–12].

Инициатива Подгоричани осталась, однако, без последствий, о чем вряд ли довелось узнать нашему герою: Й. Балевич умер в 1769 г. Дата смерти известна из челобитной его сына Степана, родившегося уже в России и хлопотавшего в 1780 г. о своем определении на службу в Киевскую губернскую канцелярию [8. С. 326].

Йован Балевич отдал России более десяти лет беспорочной службы, но его ученость и творческие способности оказались, к сожалению, невостребованными. Между тем о его потенциальных возможностях свидетельствует обнаруженное в фонде российского посла в Вене сочинение о Черногории. Дело в том, что перед отправкой Балевича из Австрии в Россию посол Кейзерлинг решил воспользоваться случаем и получить от образованного черногорца информацию, касающуюся его отечества: "Но как весьма мало с подлинною надежностью известно о обстоятельствах и состоянии черногорцев, – писал Кейзерлинг в реляции царице Елизавете 3(14) мая 1757 г., – то потребовал я от него, чтоб он мне о том несколько писменно предъявил" [7. Л. 155–155 об.]. Письменное свидетельство Балевича, названное им "Существительное описание Черных Гор", написано по-латыни мелким, местами трудно читаемым почерком

[7. Л. 152–153 об.]; имеется и сделанный тогда же перевод на русский язык [7. Л. 159–162], который и приводится ниже⁴.

Публикуемый документ по структуре и содержанию отличается от найденного в прошлом веке М. Драговичем сочинения Балевича на подобную тему (например, в описании характерных черт черногорцев). "Существительное описание" весьма интересно как с точки зрения упоминаемых в нем этнографических подробностей, так и в качестве образца одного из тех свидетельств, на основании которых у русской дипломатии формировались общие представления о Черногории и черногорцах.

Существительное описание Черных Гор

Черные Горы есть небольшая часть земли в нижней Албании в горах и состоит в малых уездах или так называемых нагинах, в которых около 33 деревень находится; от запада смежны оные с Венецианской Далмациею, от востока с Цеттою, с южной стороны с Скендерией, а с северной с Герцеговиною. Длина Черных Гор от Каттары простирается до Нисерских границ около 12 немецких миль, а ширина от Цетты до Будвы 8 немецких миль (когда оные горы представляются в прямой линии). Жители Черных Гор суть греческаго исповедания, однако ж люди зело неискусные, простые, дикие и ко всяким грабешам весьма склонные, и многие из них живут только одним грабежем, чего ради оные от турок и христиан повсюду ненавидимы и гонимы бывают, почему часто случалось, что турки (хотя то поныне и туне было) с многочисленным войском оных завоевать и себе покорить весьма старались, отчего сия земля, которая сама собою преизрядна, очень разорена, опустошена и пашни заросли, так что жители кроме некоторых полевых овощей ничего не имеют для того, что сии люди больше стараются о воинском искусстве, нежели о земледельстве или о других художествах и науках. Таким образом неудивительно, что во всех Черных Горах ни одного неможно найти художника или какого другаго мастераго человека. Число черногорцов живущих по сие время в своей вольности простирается до 5000 человек: что касается до их правления то оное всеобщее, потому что кроме военного времени никто над своим братом команды иметь не может, да и неизвестно, платили ли они когда-либо туркам подать, ибо оные издревле с соседними турками безпрестанные ссоры имели. И как соседние провинции, в которых почти одни христиане, а зело мало турок живут, от турецких подданных весьма часто получают вспоможение, почему причитают они их к своей области, отчего происходит, что не только на черногорцов частое нашествие войною, как уже вышепомянуто, бывает, но и собственные подданные, которые им какое-нибудь вспоможение подавали, в жестокое раболепство приведены. Однако никто из черногорцов совершенно турецкому игу подвержен не был, но по сие число весьма сильные с соседними турками о своей вольности сражения имеют.

А те провинции, которые черногорцам в их войне тайно и явно по оказавшимся к тому обстоятельствам помогали, суть действительные турецкие подданные разной веры, а имянно: Белопавлочи, Пипери, Куджи, Балевичи, Вассевичи, Дони, Елиорны, Ровочаны, Морачаны – греческаго исповедания, а Клименты, Круты, Готты, Скриволи, Малтезцы из римской католической веры, равномерно турецкие подданные.

Черногорцы имеют архиепископа, которой от патриарха Ипекскаго посвящен и от онаго по духовенству зависит, котораго духовные права он, Архиепископ, не токмо в Черных Горах, но и во всех вышепомянутых местах чрез подчиненных своих управляет, тако ж у онаго в крайнем неведении живущаго народа в немалой силе и почтении обретается. В протчем Черные Горы натурельно крепки и почти со всех сторон горами и морем окружены, да и в горах нарочито плодородно, естли б только жители оных прилежнее старались об экономии, при том же в Черных Горах воздух здоровой

⁴ Документ публикуется с разделением текста на слова и предложения; выносные буквы внесены в строку, твердый знак в конце слов опускается, а вышедшие из употребления буквы заменены современными.

и хорошая вода. Жители же оных большого роста, сильны, лицом смугловаты, мстительны, да и многим художествам, естли б им в том доброе наставление подано было, обучиться могли бы, что можно безпристрастно и поистинне сказать и в том утверждаться. Еще ж к сему присовокупить можно, что во всех Черных Горах ни одного нет города, крепости, ниже замка, но как выше помянуто, оные в одних токмо деревнях состоят. Неведение же их происходит от того, что во всех Черных Горах ни одной школы не находится, чего б весьма желать надобно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Енциклопедија Југославије. Загреб. 1983. Т. 1. С. 457.
2. Христианское чтение. СПб., 1882. № 56. С. 668–670.
3. Драговић М. Митрополит црногорски Василије Петровић Његош. Цетиње, 1884. С. 121–128.
4. Маринковић Б. Вести о Јовану Стефановићу Баловићу // Зборник за историју Матице Српске. Нови Сад, 1975. № 11. С. 196–197.
5. Racković N. Prilozi za Leksikon stogorske kulture. Cetinje, 1987. S. 18.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 10. Гусарское повытье. Оп. 2109.
7. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-а.
8. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.
9. Российский государственный архив древних актов.
10. Ердељановић Ј. Стара Црна Гора. Београд, 1978. С. 697, 768.
11. Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича. М., 1884. С. 248–256, 275.

© 1998 г. ЛАПТЕВА Л.П.

МАТИЦЕ СЕРБСКОЙ В БУДИШИНЕ 150 ЛЕТ

В период славянского национального возрождения, в первой половине XIX в., у южных и западных славян стали возникать культурно-просветительные общества, получившие название "Матица". Их задачей было просвещение народа в национальном духе путем издания книг, газет, журналов и проведение общественных культурных акций, направленных на объединение народа и воспитание в нем национального сознания (см. [1]).

В 1847 г. такое общество было открыто у лужицких сербов, так что в 1997 г. Матица Сербская в Будিশине отметила свое 150-летие. До появления Матицы серболужицкие книги существовали преимущественно лишь в церковной сфере. Главным организатором Матицы Сербской являлся серболужицкий национальный вождь Я.А. Смолер, а первым председателем стал серболужицкий адвокат А. Клиш. Членами Матицы были в основном люди интеллектуальных профессий – учителя, священники, адвокаты, врачи, но входили в нее и представители крестьянства, а также городского и сельского среднего сословия. Матица издавала свой "Часопис", первый номер которого вышел в 1848 г. За вторую половину XIX в. это общелужицкое общество достигло больших успехов в области издания книг, научной разработки серболужицкого языка и литературы, просвещения серболужичан в национальном духе. История Матицы до 80-х годов XIX в. уже знакома современному русскому читателю (см., например [2]). Меньше известен материал о том, какую роль сыграли в этих успехах русские слависты и славянолюбы, и вообще – что в России знали о серболужицком народе и его научно-просветительном национальном обществе¹.

Первые сведения о Матице Сербской появились в русской печати уже в период подготовки к ее открытию: русский славист П.П. Дубровский сообщил в журнале "Москвитянин" об уставе общества, его задачах и т.д. Аналогичные сведения содержатся в письмах Я.А. Смолера к русским ученым О.М. Бодянскому и М.П. Погодину. Первые подробные сведения о Матице в русской печати принадлежат известному слависту А.Ф. Гильфердингу, который в 1855 г. опубликовал статью "Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии" [4], где рассказал об устройстве Матицы, о ее членах (он насчитал таковых 200), о ее "Часописе" и других изданиях.

В 60-е годы XIX в. в русской печати появились обзоры литературной деятельности западных славян. Важнейшим трудом в этой области был "Обзор истории славянских литератур" (1865)², где имеется глава и о серболужицкой литературе, написанная знаменитым русским ученым А.Н. Пыпиным (1833–1904). Второй очерк со

Лаптева Людмила Павловна – д-р ист. наук, профессор МГУ.

¹ Впрочем, сведения об этом имеются в [3].

² Позднее работа вышла вторым изданием [5]. Глава о лужицких сербах во втором томе.

сведениями о Матице Сербской тех лет принадлежит слависту, историку и публицисту А.С. Будиловичу (1846–1908), опубликовавшему в 1869 г. статью "Славянские Матицы и ученые дружества" [6]. Основной материал о Матице Сербской заимствован у Гильфердинга и Пыпина, в самостоятельной же, написанной Будиловичем части допущен ряд ошибок. И все же краткий очерк о деятельности серболужицкого общества способствовал расширению знаний о лужицких сербах в русской среде. Еще одно упоминание об этом обществе содержится в статье "Славяне в Саксонии" профессора Московского университета Н.А. Попова, опубликовавшего в 1866 г. в газете "Современная летопись" реферат о журнале "Лужичан" и о книге В. Богуславского "Очерк истории лужицких сербов" [7]. Сведения о Матице взяты, естественно, у Богуславского.

В других рецензиях и рефератах неоднократно освещалось содержание "Часописа Матицы". В 1882 г. Лужицу посетил профессор Петербургской Духовной Академии, церковный историк И.С. Пальмов (1856–1920). Он исследовал в частности историю Общины чешских братьев и приехал в Будишин из Гернгута, где работал над архивными документами (см. об этом [8]). В Будишине он общался с М. Горником, пользовался его личной библиотекой и библиотекой Матицы для изучения серболужицкого языка и истории. Пальмов посещал собрания Матицы и вообще интересовался ее работой. "Часто бываю в их Матичном доме, присутствовал на еженедельном собрании членов Матицы... Их собрания – за неимением собственного (достаточного) помещения проходят обыкновенно в какой-нибудь гостинице. При бедности обстановки весьма приятно было видеть проявление народного энтузиазма", – писал Пальмов чешскому ученому А. Патере 18/30 июня 1882 г. [9. Pozůstalost A. Pateru. Korespondence]. О своей поездке к серболужичанам Пальмов впоследствии опубликовал статью [10], содержащую краткие сведения об истории народа, состоянии его литературы и различных обществах и товариществах. Матицу он называл средоточием всей умственной жизни народа. Будучи влиятельным членом Санктпетербургского славянского благотворительного общества, Пальмов хлопотал перед этой организацией о предоставлении Матице Сербской денежной помощи на постройку Народного дома, распространял подписку на это предприятие и участвовал в нем личными пожертвованиями из своих скромных средств.

Почти одновременно с Пальмовым – в августе 1882 г. – в Будишине побывал русский славист К.Я. Грот, магистр, вскоре ставший профессором на кафедре славянских литератур, истории и древностей Варшавского университета. Грот познакомился с представителями серболужицкой интеллигенции и их деятельностью. Возвратившись в Россию, он опубликовал в органе Санктпетербургского славянского благотворительного общества (ученый был членом этой организации) статью "Из поездки к сербам-лужичанам", в которой дал информацию о выходящих в Будишине серболужицких журналах, особенно последнего (за 1882 г.) выпуска "Часописа Матицы" [11]. Через некоторое время Грот написал статью о М. Горнике в связи с его 60-летием. Опубликованная в 1894 г., она оказалась некрологом: Горник скончался незадолго до ее выхода в свет [12]. Когда через 10 лет, в сентябре 1904 г., открылся Дом Матицы, Грот написал еще одну небольшую статью, где изложил историю постройки Дома, остановился на заслугах Смолера и Горника и охарактеризовал "единственную по своей полноте" библиотеку Матицы [13].

Из других русских ученых, побывавших у лужицких сербов на рубеже веков, следует назвать профессора Юрьевского университета Е.В. Петухова (1863–1948). Он был специалистом по истории русской и славянских литератур и посетил Лужицы в 1897 г., а возвратившись на родину, опубликовал содержательный очерк "Лужицкие сербы", где на основании новейшей литературы рассказал о деятельности Сербской Матицы и о строительстве Сербского Дома [14].

Среди русских ученых конца XIX – начала XX в., интересовавшихся лужицкими сербами, особое место занимает В.А. Францев (1867–1942). Крупнейший русский славист, являвшийся до первой мировой войны профессором славистики Варшавского

университета, а с 1922 г. — профессором Карлова университета в Праге, Францев впервые побывал в Лужице в 1894 г.³ Особенно близко сошелся он с А. Мукой⁴, но был знаком и со многими другими серболужицкими деятелями того времени. С 1894 г. Францев стал членом Матицы Сербской. Он публиковал свои работы в ее "Часописе" (например, [17]) и писал на серболужицкие темы в русской печати. В 1897 г., когда Матица отмечала свое 50-летие, Францев посвятил этому юбилею три статьи. В подробном очерке "Матица Сербская в Будишине" (1848–1897) [18] излагается история серболужицкой культурной жизни посленаполеоновского времени до создания Матицы, а затем подробно рассказано о ее организации и уставе; деятельность общества характеризуется на основе анализа протоколов заседаний. Факты изложены Францевым в высшей степени достоверно. Именно в этой работе хорошо прослеживается отношение Францева к серболужицкому национальному движению, имеются проникнутые глубоким уважением к его деятелям характеристики Горника и Смолера, как и их соратников. Популярные и сокращенные варианты своего очерка Францев поместил в двух русских газетах [19].

Историей Матицы интересовался и профессор Киевского университета Т.Д. Флоринский (1854–1919) [20]. Этот крупнейший русский славист-историк создал и целый ряд сочинений также по языкам и этнографии славян. В 1884 г. он опубликовал небольшую статью "Сербская Матица в Будишине" [21], где сообщал об отчете М. Горника в общем собрании Матицы за 37-й год ее существования. В 1897 г. Флоринский отозвался на 50-летний юбилей Матицы брошюрой "Большой праздник у самого малого славянского народа" [22]. Она содержит текст доклада, читанного Флоринским в заседании Киевского славянского благотворительного общества, где ученый был председателем, и посвящена истории и современному состоянию Матицы.

Связь русских славистов с Сербской Матицей не ограничивалась информацией о ее истории и деятельности. Некоторые российские ученые, посещая Будишин, присутствовали на ее заседаниях. Так, в 1860 г. там побывал профессор славянских языков и литератур Харьковского университета П.А. Лавровский (1827–1886). 3 октября он присутствовал на заседании лингвистического отделения Матицы, где прочитал доклад из области мифологии, опубликованный впоследствии в "Часописе"⁵. Одновременно с Лавровским присутствовал на упомянутом заседании знаменитый впоследствии русский славист-этнограф П.А. Ровинский (1831–1916) [24. 1860. 1. С. 4. S. 63].

Членами Матицы были далеко не все русские слависты. В 1862–1863 гг. ее членом состоял крупнейший впоследствии ученый В.И. Ламанский [23. 1867. 4. S. 614], в 1864 г. в нее вступили граф Алексей Толстой и князь Александр Гагарин [24. 1864. 5. С. 4. S. 62], а в 1867 г. — казанский профессор С. Булич [23. 1867. 4. S. 164]. В 1871 г. по инициативе А.Ф. Гильфердинга, в то время председателя Петербургского отдела Славянского комитета, было постановлено, что отдел в полном составе вступает в члены Сербской Матицы. Внеся 66 руб., он и был в нее принят [25]. Что касается избрания представителей России в члены Матицы, то за основу был принят не столько фактор ученых заслуг, сколько вклад соответствующего лица в материальную помощь Матице. В сентябре 1871 г. Я.А. Смолер писал М.Ф. Раевскому, священнику русской посольской церкви в Вене: "Комитет Серболужицкой Матицы очень рад, что Санктпетербургский Славянский Благотворительный Комитет желает поступить членом этой Матицы. Поэтому имею честь Ваше Преподобие покорнейше уведомить, что каждый член Общества должен в год 1 талер 10 грошей внести в казну Матицы, или 60 талеров на все время, и что секретарь Матицы, приходской священник Горник, уполномочен книги и деньги для Матицы принимать" [26]. 17/29 мая 1875 г. Смолер сообщил Н. Попову, что Матица избрала своими почетными членами самого Попова, а также М.П. Погодина, И.С. Аксакова, братьев Самариных,

³ О контактах В.А. Францева с лужицкими сербами имеются подробные сведения в [15].

⁴ Об отношениях В.А. Францева и А. Муки см. [16]. Здесь же цитаты из всех ниже упоминаемых писем русского ученого А. Муке со ссылками на архивы.

⁵ Под названием *Mythiski wuznam słowa dežć* [23. 1860. Pfeni zešiwk. S. 28–37].

Ф.В. Чиждова и братьев Хомяковых [27. А 17/1. 1970. S. 70]. Все эти лица имели неоспоримые заслуги в науке, но помимо того они оказывали лужицким сербам материальную помощь как от имени учреждений, которыми руководили, так и из личных средств. Почетными членами Матицы были и люди, от науки далекие, например, коммерсант А.Д. Башмаков или кн. А. Гагарин, получившие почетные места в обществе только за высокие денежные взносы. Если вступивший не вносил в очередной срок установленной суммы, то с нового года исключался из членов организации. Отметим, что в России практиковались иные правила. Так, Я.А. Смолера избрали членом ряда ученых обществ, не взимая никакой платы. Понятно, что русские слависты далеко не всегда были членами Матицы, хотя и занимались изучением лужицких сербов; поступившие же быстро выбывали из-за непривычных условий и неудобства их исполнения в связи с отдаленностью от Будишина. Таким образом, практичный Я.А. Смолер ввел элемент коммерции и в ученое общество лужицких сербов.

Еще одним аспектом связей русских ученых с Сербской Матицей был обмен литературой. Все русские слависты, интересовавшиеся лужицкими сербами, получали издания Матицы путем подписки или обмена. Об этом свидетельствуют наличие в личных библиотеках русских славистов серболужицких журналов, а также переписка. Главным посредником в обмене литературой был Смолер. Матица получала издания Российской Академии наук, Имп. Археологического общества, Имп. Географического общества, Публичной библиотеки в Петербурге⁶. Находясь в 1859 г. в Петербурге, Смолер обратился с письмом в Общество Истории и Древностей Российских при Московском университете с предложением установить обмен печатными изданиями с Матицей [28] и получил согласие [29]. Таким образом, активный книжный обмен был Матицей налажен со многими русскими организациями, а также с отдельными лицами.

Русские слависты информировали общественность о деятельности Матицы Сербской, русские общества обменивались с ней литературой, а отдельные русские ученые были ее членами. Наряду со всем этим, Матица получала из России значительную бескорыстную материальную помощь. Она исходила от лиц, разделявших "славянские чувства", убежденных в том, что необходимо поддерживать дух национальной самобытности у народности, подвергающейся активной германизации. Кроме того, ученые-слависты считали своим долгом способствовать развитию филологии, этнографии, истории. Поддерживала Матицу прежде всего русская интеллигенция, но оказывали ей помощь также меценаты – купцы, промышленники, богатые дворяне. Официальные же власти никакого отношения к этой помощи не имели, напротив, по политическим соображениям официальная Россия не проявляла интереса к славянам на территории Германии и не считала для себя целесообразным вмешиваться в ее внутренние дела. Когда в 1855 г. Гильфердинг посетил Будишин, то узнал о тяжелом материальном положении Смолера и организовал ему материальную поддержку со стороны М.П. Погодина. Это была первая денежная дотация из России. 30 апреля 1857 г. русский консул в Лейпциге передал Смолеру вексель на 500 руб. серебром и сопроводительное письмо Погодина. Смолер употребил полученные средства на приобретение типографии для Матицы. 11 мая 1857 г. он писал Погодину, что купил "печатный станок и самые необходимые литеры", чем обеспечил выпуск газеты "Сербске новины" [27. А 16/2. 1969. S. 156]. Однако для полного финансирования национальных мероприятий Матица средств не имела, и Смолер четыре раза предпринимал поездки в Россию за материальной помощью. Сбор средств осуществлялся посредством добровольных взносов отдельных лиц. Главным организатором этой акции были М.П. Погодин в Москве и Е.Н. Ковалевский, высокопоставленный чиновник и ученый славист, в Петербурге. Так во время своего первого посещения России (июнь 1859 – апрель 1860 г.) Смолер писал Погодину из Петербурга: "Слава

⁶ Перечень этих организаций см. [24. 1864. 5. С. 4. S. 62].

Богу, прошедшая неделя ознаменовалась хорошим началом: г. Кошелев передал мне 500 руб. серебром от имени своего, г. Хомякова и г. графа Толстого... и к большому моему утешению написал мне, что и Вы обещали организовать для моего предприятия сбор средств в кругу Ваших знакомых" (письмо от 5 декабря 1859 г.) [27. А. 16/2. 1969. S. 166–167].

Типографией Смолер сначала владел на паях, но для выпуска литературы на серболужицком языке решил приобрести ее в безраздельное пользование. В 1875 г. он внес за типографию только часть требуемой суммы и обратился в Московский славянский благотворительный комитет с просьбой предоставить ему дополнительно 500 талеров на очередной взнос. 16(28) сентября Смолер сообщал, что, если деньги не будут высланы срочно, то "...для меня самое плохое время наступит, и типография нам закрыют" [27. А. 17/1. 1970. S. 76]. У Славянского комитета в этот момент средств не было, и от разорения спас Смолера Хомяков, выславший требуемую сумму⁷. Однако вскоре Смолер вновь обращается к председателю Московского славянского Благотворительного комитета И.С. Аксакову с просьбой сообщить адреса славянских комитетов в Киеве, Одессе и Варшаве, "для того, что я намерен у каждого Славянского Благотворительного комитета по 50 рублей просить" [27. А. 17/1. 1970. S. 77]. Какую помощь оказали эти комитеты, не выяснено, что же касается Аксакова, то он на письме Смолера пометил: "Послал денег 50 руб."

Значение типографии для народного дела было, конечно, огромно; после ее приобретения вся печатная продукция могла выходить беспрепятственно, причем издания обходились вдвое дешевле, чем раньше. До какой степени типография способствовала улучшению дел, свидетельствует хотя бы тот факт, что за первые четыре года ее существования вышло в свет больше книг, чем за все предшествующие 15 лет.

Русские слависты и славянолюбцы оказали существенную материальную помощь и еще одному важнейшему национальному мероприятию Матицы – постройке Сербского дома. Избранный в 1872 г. председателем Матицы Я.А. Смолер принял на себя нелегкие обязанности по созданию в Будишине сербского культурного центра – строительству "Сербского дома". В Будишине продавался подходящий участок земли с некоторыми постройками, но собственных средств на его покупку Матице не хватало. В 1873 г. Смолер в очередной раз отправился в Россию, рассчитывая на помощь славянских комитетов Москвы и Петербурга. При этом он привез с собой "Мемориал" с изложением проекта строительства Сербского дома и подсчетом необходимых для этого средств, а также письмо Славянскому благотворительному комитету в Москве от ученых членов Матицы с такими словами: "Представляя комитету записку о настоящих нуждах наших, мы вверяем будущность свою великодушному участию русского общества. Настоящее дело – жизненный вопрос для нас. Национальность наша дорога нам, мы религиозно желаем сохранить ее, но если нам не удастся сохранить самостоятельность нашу твердым оплотом, то широкое немецкое море неизбежно поглотит небольшой славянский островок наш. Протяните же нам руку помощи, и будущая история славянских племен с благоговением запишет Ваше имя в свои страницы"⁸. Пробыв в России более двух месяцев, Смолер собрал некоторую сумму. Так, члены Московского славянского Благотворительного комитета предоставили ему годовую ссуду без процентов: Ю.Ф. Самарин – 1000 руб., Н.Ф. Самарин – 1000 руб., С.В. и И.В. Хомяковы – 1500 руб., Ф.В. Чижов – 500 руб., Д.А. Хомяков – 500 руб. [31. С. 295], а всего из Москвы в Будишин было переведено

⁷ Об этом известно из письма Я.А. Смолера И.С. Аксакову от 15 февраля 1876 г. В журнале "L'Étopis", где текст письма опубликован Я. Цыжом [27. А 17/1. 1970. S. 76–77], сделано примечание, что письмо даты не имеет, а написано, судя по приписке И.С. Аксакова об ответе, высланном 27 марта, приблизительно в середине того же месяца. На самом же деле дата на письме имеется (оригинал находится в Отделе рукописей РГБ. Ф. 3. Карт. 9. Ед. хр. 9).

⁸ "Мемориал", а также письмо Смолера Славянской благотворительному комитету в Москве (12/24. 3. 1873) хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–23. Часть этого материала опубликована без ссылок на архив. См. [30].

4800 руб.⁹ Петербургский комитет помощи оказать не смог¹⁰, но меценат А.Д. Башмаков (заместитель председателя этого комитета) ссудил Смолеру на год 7000 руб.¹¹ Собранный в России сумма не могла удовлетворить потребности Матицы, и Смолер разослал новые просьбы о помощи. Еще задолго до окончания строительства Сербского дома обанкротился А.Д. Башмаков, угрожало разорение и Матице, не имевшей средств на выплату долга в 6000 талеров. Русские кредиторы вновь пришли на помощь малому славянскому народу, сократив его долг до 2000 талеров и предоставив на его погашение отсрочку на три года¹². Затянулась, однако, и выплата этого долга. В архивном деле Санктпетербургского славянского благотворительного общества хранится письмо М. Горника от 30 января 1888 г. с извещением о высылке обществу 300 руб. в счет долга с просьбой отложить погашение остальной суммы еще на три года [32. Л. 13]. В 90-е годы Матица начала распространять в России "объявления" о строительстве Сербского дома, содержавшие призыв к пожертвованиям. Но министерство иностранных дел России запретило распространять их среди публики [34]. Этот факт также является ярким свидетельством того, что лужицкие сербы получали помощь от частных лиц и что официальные органы власти даже препятствовали ее оказанию. Несмотря, однако, на запрет распространения "объявлений", помощь продолжала поступать. Архивы русских славистов, Академии наук, славянских обществ в Петербурге, Киеве, Одессе содержат печатные воззвания Матицы, личные просьбы к деятелям науки и культуры и т.д. о пожертвовании средств на постройку Народного дома, бланки подписных листов и т.п. Во всех письмах выражена личная просьба А. Муки о помощи.

Русские деятели отвечали на эти обращения по-разному. А. С. Будилович, например, писал 8/20 октября 1895 г. из Дерпта: "Я охотно приму участие в подписке на Сербский дом личным вкладом, но посредником в собирании пожертвований быть не могу... По-моему, Вам более пользы принесли бы в этом отношении наши слависты". Перечисляются и имена: П.А. Кулаковский в Варшаве, Т.Д.Флоринский в Киеве, А.А. Кочубинский в Одессе, В.И. Ламанский в Петербурге, Р.Ф. Барндт в Москве [9. *Pozustalost A. Muky. Sig 24. A 4*]. Совет Будиловича оказался плодотворным: слависты приняли самое деятельное участие в сборе средств на Сербский дом среди знакомых, студентов, учителей и т.д., которые из своих скромных заработков находили возможным вносить по 3, 5, 10 рублей на постройку Дома. В корреспонденции имеется много сведений о переводе этих денег в Будишин.

В.А. Францев сообщал А. Муке 19/31 марта 1896 г.: "Письмо Ваше и пачку воззваний и подписных листов Матицы Сербской я давно уже получил и давно уже принялся за сбор пожертвований на постройку Матичного дома в Будишине". Еще через год (5/17 апреля 1897 г.): "Искренне радуюсь, что хоть в ничтожной степени могу быть полезным Вашему доброму делу своими скромными сборами на закладываемый ныне Дом Матицы... Проф. Грот, вероятно, выслал Вам собранные деньги, в сумме коих заключается и 10 руб., полученные мною от русских студентов Варшавского университета. У меня есть еще несколько рублей, которые вышлю Вам... когда сумма несколько увеличится". В письме от 25 мая (6 июня) 1897 г. читаем: «Прилагаю при сем 10 руб. Матице Сербской на Народный дом, полученные мною от редактора "Варшавского вестника" А.Т. Тимановского». Наконец, в письме от 30 августа 1898 г. есть строки: "Посылаю Вам при сем переданные мне профессором Новороссийского университета А. Кочубинским 10 (десять) рублей, собранные им на постройку Дома Матицы" [9. *Pozustalost A. Muky. Sig. 24*].

В качестве примера другой формы денежной помощи можно привести сообщение А.В. Васильева, сотрудника Петербургского славянского благотворительного об-

⁹ Письмо Я.А. Смолера М.П. Погодину от 23 мая 1873 г. [27. А. 16/2. 1969].

¹⁰ Письмо Корнилова Я.А. Смолеру от 6 апреля 1873 г. [31. С. 296].

¹¹ Письмо Я.А. Смолера М.П. Погодину [27. А 16/2. 1969. S. 179].

¹² Документы об этом см. в фонде Петербургского славянского благотворительного общества [32].

Некоторые из них опубликованы [33].

щества 29 августа 1895 г.: "Благодарю Вас и Ваших соотечественников, – пишет он Муке, – за лестное и почетное для меня предложение – быть уполномоченным Матицы Сербской для сбора пожертвований на постройку Народного дома. Но я считаю неудобным взять на себя это поручение, да думаю, что оно мало бы принесло пользы. Собрать большие суммы на постройку Народного дома можно было бы только в том случае, если бы для этого можно было бы открыть гласную подписку через газеты и журналы. Обращаться же с письмами к отдельным лицам не всегда удобно и мало полезно. Но я постарался сделать, что мог. Славянское общество, во-первых, *сложило* (т.е. простило. – Л.Л.) *весь долг*, который оставался за Сербскою Матицею... и кроме того *назначило в помощь на постройку 1000 рублей, из них 500 рублей высылаю Вам*, а остальные 500 рублей Вы получите в 1896 году" (в оригинале подчеркнуто. – Л.Л.) [9. Pozůstalost A. Muky. Sig. 24. H. 37].

Поступала материальная помощь и от меценатов, одним из которых был богатый русский помещик А.Е. Гагарин. Он не имел отношения к научной славистике, но являлся убежденным "славянином-идеалистом", членом Санктпетербургского славянского благотворительного общества. Деньги в Матицу Гагарин посылал неоднократно – на строительство Дома, на его внутреннюю отделку и т.д. 9/22 марта 1911 г. этот меценат, "желая оправдать то доверие и честь", которые оказала ему Матица, избрав его почетным своим членом, пожертвовал 5000 марок на серболужицкие патриотические предприятия [9. Pozůstalost A. Muky. Sig. 24. B. 9].

Таким образом, если учесть, что русские слависты и другие представители России жертвовали денежные средства не только на проведение важнейших национальных мероприятий серболужичан, но и на издание журналов, на подготовку священников-протестантов и т.д., то окажется, что эта помощь была весьма существенной.

Резюмируя изложение материала о контактах русских деятелей с Матицей Сербской, следует констатировать, что эти связи не прерывались с момента создания Матицы вплоть до первой мировой войны, были многосторонними и взаимно полезными, передавались от одного поколения русских славистов к другому.

Благодаря Смолеру и другим энергичным серболужицким патриотам Матица расширяла свою деятельность. В 1880 г. была основана Матица в Коттбусе (Нижняя Лужица) как часть Матицы Сербской. В деревнях и малых городах существовали культурные кружки – певческие, театральные и т.д., а также религиозные общества, проводившие национальную работу. Издавались на серболужицком языке религиозные книги, с 1861 г. стал выходить журнал "Лужичан". Созданное в 1885 г. Общество серболужицких католических учителей стало по инициативе Матицы издавать учебники. Публиковала их и сама Матица. В конце века, после смерти М. Горника, духовным вождем лужицких сербов стал А. Мука. Он не был официальным председателем Матицы, но руководил всей научной работой сербов-лужичан. Именно под его редакцией "Часопис Матицы" превратился в настоящее научное издание, в котором публиковались работы по серболужицкому языку, культуре, истории, этнографии, демографии, искусствоведению и музыковедению. Редактировал Мука этот орган Матицы с 1894 по 1932 г., да к тому же с 1882 по 1907 г. редактировал и журнал "Лужица".

Второй задачей Матицы в этот период было строительство Сербского дома, т.е. культурно-национального центра лужицких сербов. Первый камень этого здания был заложен в 1897 г., а открытие Дома состоялось в 1904 г. В нем разместили музей, библиотеку, книжный склад, типографию, банк, кофейню с читальней, а впоследствии и канцелярию Домовины, Сокол и Сербскую Народную Раду.

После первой мировой войны серболужицкое национальное движение весьма оживилось, чему способствовали демократические порядки Веймарской республики. Созданная в это время Сербская Народная Рада представляла народ перед официальными властями. Молодые сербы-лужичане объединились в "Сербский Сокол". Возродилось общество серболужицких писателей, стали выходить 12 серболужицких периодических изданий, а для детей – книга для чтения "Кветки". Матица под

влиянием Муки не включалась ни в какие политические движения, оставаясь чисто научным обществом, за что ее критиковали молодые представители народа, обвиняя в отрыве от актуальных проблем этноса. Но Матица защищала интересы серболужицкой школы, ходатайствуя о решении связанных с ней проблем перед саксонскими и прусскими властями.

Оживление серболужицкого движения вызвало со стороны немецкой печати резкие антисербские выступления. Однако Матица росла, и в 1924 г. в ней состояло 413 членов. Мука переселился из Фрейберга в Будишин и в 1929 г. основал новый научный орган Матицы "Ведомостне розправы" (правда, вышло только две книги). Этим изданием серболужицкая наука поднялась на свою высшую ступень и получила европейское признание. В начале 20-х годов в Матице произошли организационные изменения. Было создано 10 научных отделений с избираемыми руководителями: языковедческое, историко-археологическое, театрально-беллетристическое, музейно-этнографическое, географическое, музыкально-художественное, педагогическое, юридическое, народнохозяйственное и нижнелужицко-сербское. Были реорганизованы или вновь созданы матичные фонды: книжный фонд Сербской Матицы, собранный из пожертвований и завещаний местных и иностранных членов Матицы; матичный фонд для сербских студентов-литераторов, созданный на основе завещания польского писателя Ю.И. Крашевского (1887), средств М. Горника и пожертвования русского князя А. Гагарина, а также некоторых других источников; фонд премий серболужицким писателям за лучшую серболужицкую книгу; созданный в 1922 г. И. Патой фонд А. Зейлера с целью поддержки студентов-славистов; фонд А. Муки, созданный из средств самого Муки и его родственников с целью способствовать изучению серболужицкого языка и этнографии; литературный фонд, призванный поддерживать серболужицкое газетное дело, особенно ежедневную "Сербске Новины" и нижнесербский еженедельник "Сербски Цасник"; социальный фонд, созданный в 1898 г. и состоявший из средств серболужицких учителей – для поддержания вдов этих учителей.

В Нижней Лужице в 20–30-х годах едва ли не единственным серболужицким обществом была Нижнелужицкая Матица как самостоятельное отделение Матицы общелужицкой.

С приходом к власти нацистов правительство стало запрещать и уничтожать все ненемецкое. К статьям в "Часописе Матицы" стали требовать резюме на немецком языке. 63-летний нотариус А. Германн был смещен с поста председателя Матицы в 1934 г. В 1937 г. была запрещена Домовина. Правда, поскольку Матица формально существовала независимо от Домовины, на нее приказ о роспуске не распространялся. Во всей литературе бытует утверждение, что Матица в 1937 г. была запрещена, однако нынешний ее председатель М. Фёлькель, автор недавно изданной о ней книги, утверждает, что еще и в 1941 г. так называемый "Вендский отдел" в правительстве потребовал, чтобы Матица Сербская изменила свое название на "Лужицкое литературное общество" и, следовательно, она формально запрещена не была [35]. Но определенно были прекращены ее общественная деятельность и издание "Часописа". Руководители Матицы были переселены в другие регионы Германии или отправлены в концлагерь. В апреле 1941 г. было конфисковано имущество Матицы. Ее музей, галерея и библиотека были переданы в Городской музей Бауцена, Сербский дом тоже перешел в ведение городских властей. Началось массовое преследование серболужицких учителей и священников; народу не разрешалось иметь "собственных" ученых. Были вывезены или уничтожены архив и многие библиотечные фонды Матицы. В апреле – мае 1945 г., во время военных действий в районе Будишина, Сербский дом сгорел, так что остались одни стены. Сгорел и тайный склад книг, не обнаруженный гестапо. В нем хранились 5 тыс. экземпляров книжек "Кветки" и много отпечатанных листов серболужицко-немецкого словаря Ю. Крала.

После окончания второй мировой войны, уже в июне 1945 г., лужицкие сербы под руководством оставшихся членов Матицы (уже стариков) разобрали руины Сербского

дома и стали хлопотать о его восстановлении. В соответствии с планами застройки Бауцена восстановление Дома было осуществлено сначала в форме замены на другой участок земли, а в 1947 г., по случаю 100-летия Матицы, был заложен фундамент нового Сербского дома на площади Постплатц в Бауцене.

После войны в Лужицы была перенесена советская модель руководства духовной жизнью. Народновоспитательным обществам не позволялось существовать самостоятельно, а предписывалось объединяться с другими массовыми организациями. 7 июня 1949 г. Матица Сербская вошла в Домовину и слилась с ней, составив ее научное отделение. Все имущество Матицы, включая Сербский дом, было передано Домовине.

В это же время шла подготовка к созданию первого серболужицкого научного учреждения под покровительством государства. 2 мая 1951 г. в Будишине открылся Институт Серболужицкого Народоведения, получивший задание исследовать язык, литературу, демографию и этнографию народа, а также его историю. В Институт перешли остатки библиотеки и архива Матицы, которые добросовестно охранялись и пополнялись. Результаты научных наблюдений публиковались в журнале "Летопис" и в серии "Сочинения Института Серболужицкого Народоведения". В общем члены Матицы за 100 лет ее существования создали основы научного исследования лужицких сербов, т.е. сорабистики¹³.

После объединения Германии в 1989–1990 гг. была разрешена деятельность демократических партий и организаций. 11 ноября 1990 г. Матица Сербская была восстановлена. Главное научное учреждение народа теперь именуется "Серболужицкий институт". За 40 лет существования ГДР изучение лужицких сербов шагнуло так далеко вперед, что созрела возможность выделить сорабистику как самостоятельную область науки. Серболужицкий институт существует и ныне. Поэтому перед Матицей теперь стоят новые задачи. Теперь она – научный и культурный центр, содействующий дальнейшему развитию серболужицкой науки. Она издала несколько брошюр на различные исторические темы. Так, вышло информационное сочинение "Лужицкие сербы в Германии" [37]. Написанное в Польше сочинение "Лужичане. Славянский народ в Германии" [38] также издано Матицей Сербской. В 1992 г. издана книга "Лужицкие сербы при сталинском социализме. 1945–1960" [39], в 1993 – "Сербская школа. 1945–1970" [40]. Изданы Матицей также материалы конференции молодых сорабистов (1996) [41]. К 150-летию юбилею вышла книга М. Фёлькеля, излагающая краткую историю Матицы (1997) [35]. По ее структуре Матица ныне состоит из четырех секций: литературы и искусства; этнографии и музееведения; истории; языка. Специальное отделение Матицы имеется в Нижней Лужице. Матица проводит симпозиумы по различным проблемам науки.

В настоящее время Матица Сербская насчитывает 120 членов. На юбилейных торжествах 5 апреля 1997 г. присутствовало 80 членов; участвовали также представители всех серболужицких культурных и просветительных обществ и организаций. Среди гостей были известные сорабисты, а также делегаты от других славянских матиц. Была устроена выставка "150 лет Матицы Сербской" и проведена научная конференция, на которой заслушано восемь докладов об истории, современном положении и перспективах деятельности Матицы. Все доклады читались на славянских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские Матицы XIX в. М., 1996. Ч. I–II.
2. *Ермакова М.И.* Серболужицкая Матица // Славянские Матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1. С. 159–190.
3. *Лантева Л.П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до первой

¹³ См. об этом: [35. С. 40], а также интервью с председателем Матицы Сербской д-ром Мерчином Фёлькелем, опубликованное недавно [36].

- мировой войны (1914 года). М., 1993; *Лаптева Л.П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997.
4. *Гильфердинг А.* Народное возрождение у сербо-лужичан // Русская Беседа. 1856. Кн. 1; *Гильфердинг А.* Народное возрождение у сербо-лужичан. М., 1856; *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 2.
  5. *Пытин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 1–2.
  6. *Будилович А.С.* Славянские Матицы и ученые дружества // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее – ЖМНП). СПб., 1869. Ч. 141. № 2.
  7. *Попов Н.* Славяне в Саксонии // Современная летопись. Воскресное приложение к "Московским ведомостям". 1866. № 23.
  8. *Lapteva L.P.* Der russische Slawist I.S. Pal'mov (1856–1920) und die Sorben // Lětopis. B 23/2. 1976. S. 151–160.
  9. Literární archiv Památníku národního písemnictví (далее – LAPNP).
  10. *Пальмов И.С.* Из поездки к сербам-лужичанам // Христианское чтение. 1883. № 3–4. с. 446–464.
  11. Известия Санктпетербургского Славянского Благотворительного общества (далее – ИССБО). 1883. № 1. С. 19–20.
  12. *Грот К.* Михаил Горник // Славянское обозрение. Год 2. СПб., 1894. С. 170–194.
  13. *Грот К.* Большой праздник у самого маленького славянского народа // Славянские известия. 1909. № 1. С. 65–76.
  14. *Петухов Е.В.* Лужицкие сербы (лужичане). Из путевых записок лета 1897 года. Юрьев, 1898.
  15. *Lapteva L.P.* Vladimir A. Francev (1867–1942) i Serbowie Łużyccy // Zeszyty Łużyckie. Warszawa, 1995. T. 13. Nr. 3(15). S. 17–25.
  16. *Lapteva L.P.* Die Beziehungen des russischen Slawisten V.A. Francev zu Arnošt Muka anhand seiner Briefe // Lětopis B 14/1. 1967. S. 22–34.
  17. Listy serbskich wótcincov z časow serbskeho wozrođenja. Podawataj prof. VI. Francev a Jakub Čišinski // Časopis Maćicy Serbskeje. 1904. 57. Č. 2. S. 86–110; 1905. 58. Č. 1. S. 57–70.
  18. *Францев В.* Матица Сербская в Будишине // ЖМНП. СПб., 1897. Ч. 311. № 6. С. 302–399; отд. оттиск: СПб., 1897.
  19. *Францев В.* Матица Сербская в Будишине // Новое время. Приложения. № 7625. 21 мая / 2 июня 1897 г. (с текстом воззвания Матицы); Пятидесятилетие Сербской Матицы // Санктпетербургские ведомости. 30.4./12.5.1897. № 115 (авторство Францева явствует из его писем А. Муке).
  20. *Лаптева Л.П.* Изучение лужицких сербов в Киевском университете в конце XIX – начале XX в. // Lětopis. B 38. 1991. S. 2–8.
  21. *Флоринский Т.Д.* Сербская Матица в Будишине // ИССБО. 1884. № 9. С. 15–16.
  22. *Флоринский Т.Д.* Большой праздник у самого малого славянского народа. Киев, 1989.
  23. Časopis Maćicy Serbskeje (далее – ČMS).
  24. Łužican.
  25. Краткий отчет о деятельности Санктпетербургского отдела Славянского Благотворительного комитета (с 11 мая 1870 по 1 янв. 1872 г.) // ЖМНП. 1872. № 1. С. 123.
  26. Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф. 347. Щ. 570 // Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX в. М., 1975. Док. 388.
  27. Lětopis A 17/1. 1970. S. 70.
  28. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 203. Кн. 4. Л. 573 – письмо Смолера от 12.10.1859.
  29. Протокол заседания Общества от 21.11.1859 // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1860. Кн. 2. Отд. 5. С. 242.
  30. *Пушкаревич К.А.* "Записка" ученых членов Сербо-Лужицкой Матицы // Труды Института Славяноведения АН СССР. Л., 1934. II. С. 294–295; 302–309.
  31. Труды Института Славяноведения АН СССР. Л., 1934. II. С. 295.
  32. Ленинградский Государственный Исторический Архив (ЛГИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 504.
  33. Славянский Архив. 1962. С. 274–277.

34. Российский Центральный Государственный Исторический Архив. Ф. 1284. Оп. 52. Д. 59. 1 отдел, 2-я статья: О запрещении сбора пожертвований на постройку Народного дома лужицких сербов в г. Будишине (9 марта – 25 сентября 1896 г.).
35. *Völkel M.* Trać dyrbi Serbstwo. [Budyšin], 1997.
36. Verein im Dienste der Bildung des Volkes. Sorbische Wissenschaftsgesellschaft "Maćica Serbska" feiert in dieser Woche ihr 150. Gründungsjubiläum // Sächsische Zeitung, 2. April 1997. Nr. 76.
37. Die Sorben in Deutschland. [Bautzen], 1996.
38. Łužyczanie. Słowiański naród w Niemczech [Bautzen, 1994].
39. Serbja pod stalinistkim socializmom (1945–1960) [Budyšin, 1992].
40. Serbske šulstwo (1945–1970) / Mjez socialistiskej ideologiju a narodnej zamołwitosću [Budušin, 1993].
41. Sprawy łużyckie w ich słowiańskich kontekstach (materiały z sesji młodych sorabistów). Warszawa, 1996 (Instytut Filologii Słowiańskiej UW. Maćica Serbska).

РУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

История идеи русско-польского революционного союза и ее практического осуществления в начале 1860-х годов имеет уже довольно обширную литературу. Вопрос же о реакции русских либералов на восстание 1863 г., получая время от времени попутное освещение, до сих пор специально не ставился, хотя и представляет несомненный интерес для уяснения идейно-политической позиции либерализма после 1861 г. Говоря здесь об отношении либералов к польскому восстанию 1863 г., мы неизбежно ограничиваем их круг наиболее значительными именами. Речь далее пойдет о Б.Н. Чичерине и К.Д. Кавелине.

Чичерин и Кавелин оказались в интересующий нас момент в стороне от активной работы в журналистике. По этой причине ни тот, ни другой не оставили после себя такого богатого литературного наследства по польскому вопросу, как редактор "Московских ведомостей" М.Н. Катков. Являясь по-прежнему видными фигурами в либеральном движении (подробнее см. [1]), Кавелин и Чичерин тем не менее не оказали никакого воздействия на формирование общественных настроений в 1863 г. Этот факт, разумеется, вовсе не означает, что эволюция их политических взглядов в первой половине 1860-х годов не корректировалась польскими событиями.

"Я никогда не был врагом Польши", – заявлял в своих воспоминаниях Чичерин. В подтверждение этих слов он негодовал по поводу участия России в разделах Польши и не сомневался в том, что "дележ был актом насилия" [2. С. 92]. Если коварство политики Екатерины II было совершенно очевидным, то уже при Александре I поляки, по его мнению, могли убедиться в искренности намерений России "загладить неправду". Восстание 1831 г. показало, что они не в состоянии были оценить дарованной автономии и такого преимущества перед соседними народами, как свободные учреждения. Называя "безумной" эту попытку отделиться от России, Чичерин находил установившийся вслед за тем тридцатилетний гнет вполне "заслуженным наказанием за кичливое легкомыслие" [2. С. 95].

Уже из этих сентенций явствует, что сочувствие Польше носило у Чичерина весьма поверхностный и неустойчивый характер и быстро улетучивалось, когда встречалось с попытками поляков самостоятельно добиться свободы. Так было и в случае с восстанием 1863 г. "С новым царствованием, – писал Чичерин, – опять открылась для них (поляков. – В.К.) новая эра. Ссылные были возвращены; административная

Китаев Владимир Анатольевич – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории России Волгоградского государственного университета.

автономия была дарована. Рука об руку с освобожденною Россией поляки могли идти путем правильного и постепенного гражданского развития... И вдруг, подпольная сила низвергла все эти начинания. При этом были пущены в ход такие средства и орудия, которые не могли не возмущать всякую благородную душу" [2. С. 95].

С самого начала восстания Чичерин занял исключительно твердую позицию, исключавшую какие бы то ни было уступки Польше и общественному мнению Европы. В течение 1863 г. он неоднократно высказывался в том смысле, что предпочел бы войну любым проявлениям "податливости". Осенью 1863 г. он с удовлетворением подводил итоги дипломатической кампании, вызванной восстанием, и в письме к своему брату В.Н. Чичерину выражал надежду, "что и впредь мы не сделаем ни малейшей уступки, готовые дать отпор всякому нападению" [3. Л. 5 (2-я паг.)]. Образцом такой неуступчивости представлялась ему деятельность министра иностранных дел А.М. Горчакова и виленского диктатора М.Н. Муравьева. Называя того и другого "героями дня", Чичерин не забывал, правда, что последний до своего назначения в Вильно пользовался весьма невысокой репутацией: "при отсутствии всяких убеждений был груб, коварен и раболепен". Однако все это искупалось в глазах Чичерина его энергией, умением действовать, не останавливаясь ни перед чем, и, конечно, самым искренним патриотизмом [2. С. 99].

Польское восстание на какое-то время поставило под вопрос продолжение того процесса изживания оппозиционных настроений в России, который начался летом 1862 г. Чичерин, как нам кажется, не мог поначалу решить для себя, в каком направлении пойдет общественное мнение под влиянием польских событий. "Настроение общества нынешний час совсем другое, нежели прошлый год, – писал он в феврале 1863 г. – Все успокоились, замирились, и если б не польские дела, мы могли бы жить припеваючи" [3. Л. 72 об. (1-я паг.)]. Ясно было одно. Поддержать и углубить уже начавшийся отход либеральной настроенной части русского общества вправо мог только "внешний напор", с которым и связывал Чичерин надежду на пробуждение патриотического, верноподданнического духа. В условиях, когда все без исключения оттенки польского движения требовали восстановления границ Польши, существовавших до первого раздела, и возникла опасность военного столкновения России с коалицией европейских держав, эта надежда имела под собой достаточно реальные основания. "В этом отношении, – признавался он в одном из писем брату, – несмотря на все бедствия иностранной войны, я считал бы даже войну полезною. Крымская война нужна была для правительства, новая война нужна для общества, и тогда в нас и следов не останется того сумасбродства, которое обуюло часть молодежи, которое, впрочем, начинает весьма проходить" [3. Л. 1 об. (2-я паг.)].

Давний оппонент Каткова, Чичерин ревниво наблюдал за тем, как стремительно росло влияние и авторитет редактора "Московских ведомостей". При всем "недружелюбии" к направлению этого органа и личным качествам его руководителя он не мог не отдать должного катковским передовицам, "полным патриотического огня", и находил, что Катков сыграл во время польского восстания ту же роль, что Сергей Глинка в 1812 г. Впрочем, патриотического энтузиазма Каткова оказалось недостаточно хотя бы для временного примирения. В его архилояльной по отношению к власти позиции открылось вдруг для Чичерина такое, что снова заставило увидеть в нем серьезного идейного противника. Мысль о едином для России и Царства Польского представительстве как скорейшем средстве решения польского вопроса, высказанная Катковым, не вызывала у Чичерина никаких иных чувств, кроме возмущения.

Он не мог спокойно говорить о конституционных уступках одной Польше. С его точки зрения, было бы более предпочтительным уйти из Польши, нежели дать ей конституцию. "Я думаю, – писал Чичерин, – что мы с польскою конституциею еще менее справимся, нежели с настоящим порядком. (...) Наши власти будут постоянно делать вздор, а поляки, став в оппозицию, будут играть видную роль и привлекут к

себе общее сочувствие. При этом положении нужна вовсе не конституция" [3. Л. 2–2 об. (2-я паг.)]. В приложении к России катковская идея казалась ему еще более неуместной. Отвергая ее в корне, Чичерин мобилизовывал все доступные ему доказательства против конституционных преобразований. Приведем в связи с этим весьма характерные рассуждения из его письма В.Н. Чичерину от 16 октября 1863 г. "Малейшая конституционная уступка, – убеждал он брата, – есть оружие, данное врагам, и величайший вред России. Нельзя Польше дать права, не давши их вместе и России, а у нас это произвело бы хаос. Чем ничтожнее будут подобные конституционные права, тем хуже, ибо простые и ясные отношения власти к подданным заменятся фальшивым положением. Конституционные фокусы, система надувательства, которая даст вид прав, а в сущности ничего, пригодны только для Наполеонов, рассчитывающих на то, чтобы как-нибудь продержаться десятков лет, а никак не для прочной монархии. (...) Это было бы величайшее безумие, единственное, что могло бы Россию перевернуть вверх дном. Вводить конституционный порядок в стране, где нет ни одного учреждения, которое бы осталось на месте, где все изменяется, и суд, и администрация, и отношения сословий – это просто налагать на себя руки. Тысячу раз лучше самая жестокая война" [3. Л. 5 об. – 6 (2-я паг.)]. Неопределенность прав задуманного Катковым представительства, упование исключительно на "патриотический и здравый смысл общества" при отсутствии реальных основ для правильного конституционного порядка отпугивали Чичерина. Он называл это "конституцией на авось" и уверенно предвещал ей полнейшую неудачу. Последствиями такой горопливости и неосмотрительности могли быть только "бесплодное брожение" и "диктатура".

Не только конституционный, но и любой другой вариант окончательного решения польского вопроса не устраивал Чичерина прежде всего по причине своей несвоевременности. Не отрицая в принципе и возможности отделения Польши, он считал, что определение ее судьбы – дело отдаленного будущего. Сейчас же он мог сказать только о том главном условии, без которого не мыслил себе решения польской проблемы и которое формулировал для себя как "совершенное бессилие Польши перед Россией". Привести Польшу в такое состояние могло прежде всего подавление восстания. Чичерин не видел ничего предосудительного в том, что "поляков лет десятков будут держать под террором". К числу необходимых признаков "бессилия" Чичерин относил потерю поляками всякой надежды на Западный край (а это могло быть достигнуто только с искоренением там "польского элемента"), понимание ими того, что "они сами по себе ничего сделать не могут", и, наконец, полный отказ от расчетов на европейскую помощь.

Зимой 1863–1864 гг. у Чичерина установились близкие отношения с Н.А. Милютиным, завершавшим тогда вместе с Ю.Ф. Самариным и В.А. Черкасским работу над проектом крестьянской реформы в Царстве Польском. Чичерин проявлял большой интерес к готовившейся реформе и по просьбе Милютина, который снабдил его необходимыми документами, написал о ней статью, впрочем, так и не увидевшую света. Причиной тому стали разногласия между ними, о которых, видимо, ни тот, ни другой не подозревали вначале. Чичерин, во всяком случае, думал, что "совершенно" сошелся с Милютиным во взглядах на Польшу.

Разногласия коснулись двух вопросов. Чичерин, во-первых, намеревался воспользоваться представившимся случаем для того, чтобы показать несостоятельность попыток избавиться от польского вопроса посредством конституционных уступок. Милютин, если верить Чичерину, соглашался с ним по существу, но находил не очень удобным осуждение конституционного порядка, которое выходило бы из либеральной среды. Второй пункт расхождений затрагивал уже содержание самой крестьянской реформы в Польше. В отличие от Милютина, Чичерин считал, что русскому правительству даже в исключительных условиях, созданных восстанием, не следовало прибегать к "чисто революционной мере даровой раздачи земли крестьянам". "Основания собственности, без сомнения, будут потрясены вследствие приобретения ими земли

даром, – писал в своей статье Чичерин. – Самый низкий выкуп должен быть предпочтен даровой раздаче земель государством" [4].

Последовавшая за крестьянской реформой окончательная ликвидация остатков автономии Царства Польского не встретила одобрения со стороны Чичерина. Он оценивал эту меру как крупную ошибку правительства. Ею совершенно необоснованно, полагал он, связывались воедино два разных вопроса: о судьбах собственно Царства Польского и о будущем западных губерний. В то же самое заблуждение впадали и восставшие поляки. Россия, по его мнению, ни в коем случае не могла допустить отторжение Западного края, но в то же время не имела никаких прав "держать под своим гнетом чисто польский край и лишать отечества братское нам население" [2. С. 116–117].

Уже накануне крестьянской реформы К.Д. Кавелин отчетливо представлял себе, что отмена крепостного права в России будет неизбежно сопряжена с новым обострением польского вопроса. Режим военно-полицейской диктатуры, установленный на территории Царства Польского после восстания 1831 г., все более заметно констатировал с либерально-реформистскими начинаниями правительства Александра II в России и таил в себе опасность еще одного взрыва и кровопролития. Конечно, Кавелин признавал вину России перед поляками и, осуждая "глупость и безумие" завоевателей, с пониманием относился к стремлению поляков вернуть себе свободу и независимость. Но, находя оправдание их недовольству нынешним положением, он считал совершенно бессмысленной новую польскую революцию.

Этот взгляд основывался, во-первых, на убеждении в близости реформ для Польши. Во-вторых, Кавелин полагал, что исторический момент требует уже не разведения славянских народов, а их соединения вокруг России "перед глубоким коренным различием с европейским синтезом". Кавелинский панславизм объясняет и еще одну сторону связи в его сознании польской проблемы и крестьянского вопроса в России. Освобождение крестьян окончательно оправдывало в его глазах роль России как средоточия, центра славянского мира. Кавелин, кроме того, искренно признавался, что не верит в способность Польши к государственной самостоятельности.

Каким же виделся Кавелину тот путь, идя по которому можно было достигнуть бескровного разрешения польского вопроса, разумеется, "в смысле русских интересов"? Его программа на рубеже 1850–1860-х годов нацеливала на примирение двух национальностей в ожидании реформ, которые, по меткому замечанию В.И. Семевского, Кавелин "не имел никакой возможности гарантировать полякам" [5. С. 92]. "Вам нечего дорабатываться вновь до своего собственного государства, которое и физически невозможно при запутанности отношений с этнографической стороны вопроса, – говорил он, обращаясь к полякам. – Нам с вами невозможно размежеваться... Не лучше ли вам помириться с нами искренно и без задних мыслей отречься от всяких повстаний, решиться действовать лишь вполне легально и получить затем полный простор в вашем языке, вере, культуре" [6. С. XV]. В духе этой "примирительной" программы была выдержана и вдохновлявшаяся Кавелиным газета "Слово", которая издавалась на польском языке под редакцией И.П. Огрызко. Судьба этого издания, закрытого по настоянию наместника в Царстве Польском М.Д. Горчакова в январе 1859 г. (редактор был заключен в Петропавловскую крепость), свидетельствовала о том, как мало было у Кавелина и его единомышленников-поляков шансов дождаться осуществления даже таких скромных надежд.

Подъем национально-освободительного движения в Польше в начале 1860-х годов не рассеял упований Кавелина на "мирное и справедливое" решение польского вопроса. Говоря в письме к В.Д. Спасовичу от 3(15) мая 1862 г., что оно близится "большими шагами", Кавелин имел в виду, вероятно, обнадеживавшие его перемены в администрации Царства Польского – назначение на пост главного директора комиссии

исповеданий и просвещения поляка маркиза А. Велепольского. Появление в Варшаве в качестве наместника великого князя Константина Николаевича, при котором Велепольский становился начальником гражданского управления, утверждение законодательных актов об обязательном очиншевании, равноправии евреев и положения о народном образовании в Царстве Польском должны были укрепить его в мысли об искренности и серьезности реформаторских намерений правительства по отношению к Польше [6. С. XXV].

Заграничная командировка, предложенная Кавелину министром народного просвещения А.В. Головинным после того, как он оставил Петербургский университет в конце 1861 г., дала ему возможность непосредственно наблюдать, как шел процесс радикализации польских эмигрантов. Не оставляя прежней идеи примирения России и Польши на основе реформ, Кавелин попытался было установить с польской эмиграцией в Париже отношения взаимопонимания. Однако с самого начала обнаружилось, что поляки ушли далеко вперед в своих представлениях о путях освобождения родины и ее будущем независимом облике. "С первого раза, – рассказывал Кавелин в письме В.Д. Спасовичу от 3(15) мая 1862 г., – мы столкнулись на вопросе западных губерний и отскочили друг от друга. Вы знаете, что я не фанатик нашего владычества в Литве; но, говоря с поляками в Париже, я не считал себя вправе разыгрывать роль Хлестакова, наврать им чертову пропашь, уверять их, что все русские расположены считать этот край польским, и потому осторожно искал той точки, около которой могли бы мы согласиться" [6. С. XXVI]. Если аристократическая "фракция" давала повод говорить о своей "наклонности сближения с Россией и русскими", то партия "красных", революционно-демократическое крыло польского движения, не оставляло никаких надежд на столь желанное для Кавелина примирение.

Видя главную задачу дня в активизации консервативных элементов как в России, так и в Польше для противодействия крайним, революционным мнениям, Кавелин, по его же словам, "долго ходил вокруг мысли создать независимый, честный, консервативный журнал". Одним из основных направлений в деятельности замышлявшегося издания должна была стать защита династии и "законного порядка" в России и Польше. Этому замыслу не суждено было сбыться. Кавелин отказался от своего намерения прежде всего из опасения, что "слишком часто пришлось бы краснеть за то, что у нас делается" [7. № 8. Отд. II. С. 6]. Но сам факт рождения такой идеи небезынтересен для понимания сущности взглядов Кавелина по польскому вопросу накануне восстания 1863 г.

Требую от правительства твердости в проведении начатых в Польше реформ и водворения там законного порядка, Кавелин подчеркивал, что только в этом случае оно может надеяться на оживление в польском обществе консервативных элементов и поддержку с их стороны. Он указывал тут же и на еще одну неиспользованную пока возможность нейтрализации враждебных России настроений. "Положение недовольных партий в Польше самое критическое, – писал Кавелин Э.Ф. Раден 9(21) сентября 1862 г. – Высшие классы висят и в Царстве, и в Литве на воздухе... Народ в Польше и Литве верит только в царя и ни в кого больше. При таких задатках и при некотором благоразумии можно все сделать" [7. № 8. Отд. II. С. 10]. Эти наблюдения предвосхищали ту самую политику крестьянского цезаризма, которой надлежало в недалеком будущем стать важнейшим средством водворения порядка в Польше.

Известие о начале восстания застало Кавелина врасплох. Он не мог предположить, что развитие событий в Польше с неизбежностью ведет к новому взрыву. Справившись с первыми волнениями, Кавелин тотчас же обратил внимание на то, что в самом восстании налицо признаки его скоротечности и неуспеха. "Во всеобщее восстание в Польше я не верю и никогда не поверю, – писал он, имея в виду, по всей вероятности, пассивное отношение большей части польского крестьянства к восстанию в начальный его период. – Государь вполне прав, приписывая новые события не всей Польше, а партии. Ее положение безвыходное, если правительство будет продолжать идти по тому пути, по какому идет два года" [7. № 11. Отд. II. С. 6]. Если

первые два месяца 1863 г. еще могли дать основания для такого рода оптимистических прогнозов, то ситуация, сложившаяся весной, должна была настраивать Кавелина на более минорный лад.

В марте-апреле 1863 г. восстание вышло за пределы Царства Польского, захватило территорию Литвы и Белоруссии, приняв здесь характер массового крестьянского движения. Это обстоятельство существенным образом меняло взгляд Кавелина на ход польского дела. Реально вырисовывавшаяся теперь перспектива соединения повстанцев с новой волной крестьянского движения в русских губерниях, которая ожидалась именно весной 1863 г., в момент введения уставных грамот, повергала его в уныние, наполняла предчувствием социальной катастрофы. Кавелин писал Раден 27 марта (8 апреля) 1863 г.: "Ход дел у нас начинает тревожить. Сердце неспокойно. Страшно боюсь, чтобы польские дела не были предтечами и провозвестниками больших бед" [7. № 11. Отд. II. С. 15]. С пристрастием читая "Колокол" и соприкасаясь со средой польской и русской революционной эмиграции (в июле 1862 г. он встречался даже с Бакуниным), Кавелин, конечно, хорошо знал о тех больших надеждах, которые связывались польскими и русскими революционерами с возможностью перерастания национально-освободительного движения в военно-крестьянскую революцию.

Вернувшись на лето в Россию, Кавелин окунулся в атмосферу патриотического опьянения, избежать которого удалось только самым решительным защитникам русской и польской свободы. Он не принадлежал к их числу. Однако было бы упрощением говорить о его настроении этого периода как еще об одном примере расхожего тогда смешения антиполонизма, провоцировавшегося территориальными претензиями повстанцев, с собственно патриотическим одушевлением, которое питалось угрозой войны с коалицией европейских держав. Разбираясь в своем отношении к происходящему, Кавелин осуждал "возмутительные надежды" и "способ действий" поляков, но в то же время считал, что вражда к ним – негодная основа для патриотического чувства. "Пока мы торжественно, публично не раскаемся в своих винах и не постараемся от чистого сердца их сгладить относительно поляков, – писал он, – до тех пор к моему патриотическому чувству будет примешиваться другое, очень скорбное и тяжелое. Народ без сознания справедливости есть дикая, зверская масса, которая, может быть, очень сильна, но которой сила ничего не весит в нравственном порядке дел. Я жду раскаяния, сознания неправоты, и тогда мое увлечение будет полное, безграничное!" [7. № 11. Отд. II. С. 18].

Патриотическое увлечение оправдано было, в его представлении, только опасностью войны с соединенными силами Европы. Изъявляя полную готовность отдать себя в случае войны в распоряжение военного ведомства, Кавелин искренно верил, что участвует таким образом в великой и справедливой миссии защиты будущности "мужицкой" России перед лицом буржуазной Европы. Мысль об особом историческом призвании своей родины, которая все более поглощала Кавелина (подробнее см. [1. С. 162–164]), находила, как казалось ему, еще одно подтверждение своей правоты. Обстановка ожидания военного конфликта не только ускоряла процесс отбрасывания старых западнических убеждений. Порожденный ею взрыв верноподданнических изъятий укреплял и кавелинский монархизм. 1863 год принес для него новое доказательство беспочвенности конституционализма в России. Кавелин писал А.И. Скребницкому из России летом 1863 г.: "Такой преданностью, такой любовью, таким безграничным доверием не пользовался ни один русский царь в народных массах. Это народный царь в полном смысле слова. Он может все, стоит ему сказать слово" [8. 1917. № 3. С. 147–148].

До сих пор мы имели в виду преимущественно отношение Кавелина к восстанию и тому отклику, который оно вызвало у подавляющего большинства его соотечественников. Не менее интересны свидетельства, позволяющие судить о его оценках правительственной политике. Племянник Кавелина, Д.А. Корсаков вспоминал: "Сочувствуя обузданию в Польше магнатов и ксендзов и восстановлению в западнорусском крае русской народности, Кавелин не одобрял, однако, многих мероприятий

правительства в этом направлении и, вполне симпатизируя деятельности Н.А. Милютин в Царстве Польском, с большим неодобрением относился к суровым мерам М.Н. Муравьева в Западном крае. Для Кавелина... были одинаково ненавистны несправедливость и жестокость, с какой бы стороны, из какого бы лагеря они ни выходили" [8. 1886. № 11. С. 187–188]. Упоминание о симпатиях Кавелина к Н.А. Милютину и его аграрной политике в Царстве Польском, разумеется, не может вызвать никаких сомнений. Что же касается неприязненного отношения к репрессиям Муравьева-"вешателя", то постоянство его было поставлено под сомнение еще В.И. Семевским.

Семевский обратил внимание на текст адреса Муравьеву (и подписи к нему), опубликованный в 1897 г. П.И. Бартеневым в "Русском архиве". Среди подписавших адрес значился и Кавелин. Полемизируя с Л.Ф. Пантелеевым, который оспаривал возможность участия Кавелина в таком адресе, Семевский вполне убедительно, на наш взгляд, доказал, что и характер его взглядов по польскому вопросу, и состав лиц, подписавших адрес (среди них был Д.А. Милютин), не исключают этой возможности, а, наоборот, логично ее предполагают [5. С. 94–98]. Известие о примирении Н.А. Милютин с Муравьевым, возбужденное патриотическими демонстрациями состояние, в котором Кавелин возвращался за границу в октябре 1863 г., способствовали нейтрализации враждебного отношения к реакционеру Муравьеву.

Как на одно из косвенных доказательств своей правоты Семевский указывал на статью "Кое о чем", написанную Кавелиным в 1884 г. Спустя двадцать лет Кавелин собирался публично признать великую историческую заслугу апологета Муравьева Каткова и заявить о своей солидарности с ним в защите "русских интересов и русского дела" [9]. Семевский не располагал более убедительными по времени появления доказательствами совпадения взглядов Каткова и Кавелина по польскому вопросу в 1863 г. Сегодняшнему исследователю они доступны и поэтому позволяют говорить об отношении Кавелина к позиции редактора "Московских ведомостей" совершенно определенно. Вот что писал Кавелин жене 17(29) января 1864 г.: "По случаю достал "Московские ведомости" за ноябрь и декабрь. Скажу тебе на ушко, что издаются они отлично. Я говорю об редакции, а не о направлении, которое не разделяю и в котором редакция сама не тверда, если исключить польский вопрос: в этом отношении она очень выдержана и тянет одну ноту" [10]. Еще одно подтверждение близости взглядов Кавелина к линии катковской газеты можно найти в его письме А.И. Скребицкому от 14(26) января 1865 г. "Он, – писал Кавелин о Каткове, – не имеет твердой программы, при всем своем таланте. Заслуги его по польскому делу – несомненны" [8. 1917. № 3. С. 186].

Эти признания Кавелина нуждаются в одной оговорке. Можно не сомневаться в том, что ему были по-прежнему чужды дворянско-конституционные поползновения Каткова, нашедшие для себя дополнительные аргументы в польском вопросе. Что же касается позиции Кавелина в 1870-е годы, то он по-прежнему оставался сторонником органического слияния Польши и России на основе единых буржуазных реформ и предоставления полякам национально-культурной автономии. Он, как и Чичерин, являлся противником политики русификации на территории бывшего Царства Польского.

Итак, для двух виднейших представителей русского либерализма оказался недоступным исторически прогрессивный смысл польского национально-освободительного движения. Противник революционного способа решения социально-политических проблем не могли, естественно, допустить таковой и в решении национального вопроса. Как и большинство русского общества, Чичерин и Кавелин не сумели подняться над великодержавным, монархическим патриотизмом 1863 г. События этого года способствовали закреплению и усилению в их взглядах тех консервативно-охранительных тенденций, которые проявились еще накануне польского восстания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972.
2. Воспоминания Б.Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929.
3. ОР РГБ. Ф. 334 (Б.Н. Чичерин). П.Ш. Ед. хр. 1.
4. Чичерин Б.Н. Крестьянское дело в Польше // ОР РГБ. Ф. 334. П. XX. Ед. хр. 10. Л. 83–83 об.
5. Голос минувшего. 1914. № 7.
6. Спасович В.Д. Воспоминания о К.Д. Кавелине // Кавелин К.Д. Собр. соч. СПб., б.г. Т. II. С. XV.
7. Русская мысль. 1899. № 8.
8. Вестник Европы.
9. Кавелин К.Д. Собр. соч. СПб., б.г. Т. II. Стб. 1147.
10. РО ОРЛИ. 20796/СХ. Пг. 16. Л. 177–177 об.

© 1998 г. КУЗНЕЦОВ О.В.

Р.А. ФАДЕЕВ В 1875–1878 ГОДЫ. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА¹

Генерал и публицист Р.А. Фадеев (1824–1883) играл заметную роль в общественной жизни первых пореформенных десятилетий. В начале 70-х годов в газетах "Биржевые ведомости" и "Русский мир" он вел активную полемику с Военным министерством по вопросам реформирования армии. Как выразитель взглядов группы политических и военных деятелей, оппозиционно настроенных к осуществленным правительством Александра II преобразованиям, Фадеев выступил в середине 70-х годов (книга "Русское общество в настоящем и будущем") с программой реформ, призванных возродить утраченную после отмены крепостного права мощь дворянского сословия и его влияние на государственные дела. Отдельные положения этой программы были развиты им впоследствии в "Письмах о современном состоянии России" – сочинении, имевшем большой общественный резонанс и выдержавшем в 1881–1882 гг. четыре издания.

Значительное место в публицистике Фадеева, его общественной деятельности занимала славянская проблематика. Впервые славянская тема была затронута им в книге "Вооруженные силы России" (1868). Фадеев пришел к заключению, что свободные славянские народы – единственный военно-политический союзник и единственная нравственная опора России в ее противостоянии с враждебным Западом, а потому она не должна щадить никаких усилий для создания вокруг себя дружественного славянского и православного мира. В январе 1870 г. он выпустил брошюру "Мнение о восточном вопросе", в которой уже напрямую призывал русское правительство к активным действиям по освобождению славян из-под австрийского и турецкого владычества и созданию всеславянской федерации, "великой восточной семьи" (куда должны были войти "австрийские" и "турецкие" славяне, поляки, а также греки и румыны, "прочно вросшие в тело славянины") во главе с Россией. Книга, сразу же получившая широкую известность в Европе и вызвавшая переполох в официальных кругах Австро-Венгрии, где ее восприняли чуть ли не как объявление войны со стороны России, в одночасье сделала имя Фадеева популярным в славянских землях.

Накануне и в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. активность Фадеева, связанная со славянскими делами, достигла пика: поездки в Египет и на Балканы, сбор

Кузнецов Олег Викторович – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории России Волгоградского государственного университета.

¹ Данная статья написана в рамках выполнения программы "Национальный вопрос в либеральной и консервативной публицистике второй половины XIX в.", поддержанной грантом Российского гуманитарного научного фонда.

средств для вооружения болгарского ополчения, многочисленные записки по восточному вопросу, поданные на высочайшее имя. Настоящая статья посвящена публицистической, общественной и военной деятельности Фадеева в период восточного кризиса 1875–1878 годов – сюжету, не получившему до сих пор должного освещения в литературе.

В течение 1875 г. – первой половины 1876 г. Фадеев, находившийся к тому времени уже несколько лет в отставке, дважды побывал в Египте по приглашению хедива Исмаила. Египетский правитель надеялся, что отставной генерал, снискавший после выхода в свет "Вооруженных сил России" репутацию военного эксперта, поможет ему в обустройстве армии. Однако сам Фадеев преследовал иную цель.

Русская дипломатия всерьез рассматривала в это время возможность союза с Египтом, номинально находившимся в вассальной зависимости от Турции и стремившимся к полной самостоятельности, и рассчитывала на его поддержку в случае войны с Портой. На политике сближения с Каиром настаивали, в частности, русский посол в Константинополе Н.П. Игнатъев и советник посольства А.И. Нелидов, и их взгляды находили одобрение в Министерстве иностранных дел (подробнее см.: [1. С. 153–156]).

Фадеев, действуя как частное лицо, но по согласованию с Игнатъевым, с которым его связывали давнее знакомство и общность внешнеполитических взглядов, задался целью вовлечь Египет в систему русской политики на Востоке, чтобы, объединив "под рукою константинопольского посольства" мусульманских (египтян) и христианских (славян) подданных Турции, потрясти в конечном счете Османскую империю "из самых недр ее". В письме Игнатъеву от 7 марта 1876 г. из Каира Фадеев уверял, что ему удалось склонить хедива выступить на стороне России. "С хедивом в рукаве, – развивал мысль генерал, – Вы можете спустить с цепи Сербию и Черногорию когда угодно <...> домашний, местный турецкий вопрос у Вас в кармане <...> по Вашему знаку Турция будет разнесена" [2. Ф. 730 (Н.П. Игнатъев). Оп. 1. Д. 4050. Л. 20 об.-21].

"Египетский" план Фадеева не осуществился. Вынужденный продать свой пакет акций Суэцкого канала Египет попал под жесткий финансовый контроль европейских держав, прежде всего Англии, и оказался не в состоянии проводить сколько-нибудь самостоятельную внешнюю политику (см.: [1. С. 155–156]).

Вернувшись в апреле 1876 г. из Египта, Фадеев сразу же с головой окунулся в события на Балканах. В Одессе он встретился с И. Кишельским – болгаринном, состоявшим на русской службе. Последний, как следует из письма Фадеева генерал-адъютанту И.И. Воронцову-Дашкову от 3 мая 1876 г., поведал о своих безуспешных попытках добиться от военного министра Д.А. Милютина и товарища министра иностранных дел Н.К. Гирса реальной поддержки болгарского восстания, "главным двигателем" которого он, Кишельский, представлялся. Фадеев, по его словам, уговорил Кишельского "прервать <...> петербургские сношения с министерствами" и отправиться в Константинополь к Игнатъеву, где сосредоточены "все нити восточного вопроса" [2. Ф. 677 (Александр III). Оп. 1. Д. 457. Л. 1 об.].

В конце мая 1876 г. Фадеев приехал в Петербург и развернул кипучую деятельность в надежде на то, что его знание всех хитросплетений восточного вопроса и боевой опыт, приобретенный в годы Кавказской войны, будут востребованы и ему позволят вернуться на службу.

Интерес Фадеева к болгарскому восстанию не был случайным. В последних числах мая он подал записку на имя Н.К. Гирса, в которой убеждал товарища министра иностранных дел в том, что Россия должна в настоящих условиях добиваться установления военного контроля над проливами, а весь восточный вопрос "есть вопрос о Дарданеллах и ни о чем более как о Дарданеллах" [3. С. 51]. Продолжая эту мысль в одном из писем к Н.П. Игнатъеву, Фадеев обращал внимание на то обстоятельство, что для достижения главной цели – захвата проливов – важна только Болгария, через которую лежал кратчайший путь по суше к Босфору и Дарданеллам. А потому теперь, когда "смута разрастается" и участие России в ней неизбежно, "болгарское дело" должно выйти на первый план [2. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 27].

Фадеев планировал сформировать на территории Румынии дивизию из болгарских добровольцев, находившихся в Сербии, в армии генерала М.Г. Черняева. Фадеев называл эту дивизию "флибустьерской", так как предполагал подчинить ее не русскому военному командованию, а лично Игнатьеву, чтобы она могла действовать вполне самостоятельно (см.: [2. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 33–33 об.]).

Добившись аудиенции у наследника престола великого князя Александра Александровича, Фадеев сумел заручиться его поддержкой и в июне 1876 г. начал сбор средств. По данным С.А. Никитина, к исходу августа было собрано около 150 тыс. рублей [4. С. 338]. Фадеев нашел эту сумму достаточной, чтобы приступить к комплектованию дивизии. Однако развернуться ему не удалось.

Фадеев был единственным "хозяином" болгарского фонда, и бесконтрольность, с которой он распоряжался деньгами, вызвала недовольство со стороны московского купечества. Купцы, бывшие в числе жертвователей, вознамерились отстранить генерала от финансовых вопросов, и он, не желая публичного скандала, в начале сентября решил "добровольно" отойти от дела. Оставшиеся после закупки оружия деньги (60–70 тыс. рублей) были переданы Московскому славянскому комитету, а его глава И.С. Аксаков стал в дальнейшем распорядителем средств (см.: [2. Ф. 1750 (Славянский благотворительный комитет в Москве). Оп. 2. Д. 51. Л. 2–2 об.]).

При этом Фадееву пришлось бороться за то, чтобы деньги и оружие дошли по назначению. И.С. Аксаков и М.Г. Черняев считали, что все следует отправить в Сербию, где, по их мнению, решалась участь славянства. Фадеев же, видевший в этом намерении лишь "шитые белыми нитками интриги" Черняева, стремившегося таким способом поправить свое пошатнувшееся в глазах сербов положение, настаивал, чтобы оружие оставалось у Одесского болгарского комитета, которому оно уже передано. В противном случае, убеждал он наследника в письме от 14 сентября 1876 г., болгары (и без того жалующиеся, что русские уже дважды – в 1829 и 1854 гг. – бросали их на "жертву туркам") окончательно отвернутся от России, чем непременно воспользуются ее противники – англичане, австрийцы, "папские агенты" [2. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1023. Л. 11–13].

Эпистолярные усилия Фадеев подкрепил вскоре двумя записками с обоснованием необходимости создания в кратчайшие сроки болгарского ополчения (см.: [5. С. 281–294]). Отказываясь от своего первоначального плана создания "флибустьерской дивизии", Фадеев предлагал принять добровольцев-болгар на русскую службу, сформировать из них в Бессарабии (поближе к границе) полки и батареи, укомплектовать командный состав русскими офицерами и унтер-офицерами, вооружить их закупленным на болгарскую подписку оружием, а недостающее восполнить на деньги из русской казны. Ввиду реальной опасности занятия англичанами Константинополя автор записки призывал правительство поторопиться с формированием болгарского ополчения и введением его в дело.

Несмотря на усилия И.С. Аксакова, М.Г. Черняева и старшины московского купечества С.М. Третьякова, пытавшихся повлиять на великого князя Александра Александровича через близкого к нему К.П. Победоносцева, Фадееву удалось отстоять болгарский фонд. Но возглавить формирование болгарского ополчения, о чем он просил Д.А. Милютину (см.: [6. С. 108]), ему не позволили. Как известно, комплектование ополчения было поручено генералу Н.Г. Столетову и происходило без участия Фадеева.

Получив от шефа жандармов Н.В. Мезенцева обещание выхлопотать ему разрешение вернуться на службу, Фадеев перебрался в январе 1877 г. в ожидании дальнейших распоряжений в Одессу, к сестрам. Прождав безрезультатно почти два месяца, он на свой страх и риск отправился в конце марта, за несколько дней до объявления Россией войны Турции, в Сербию. Русский дипломатический агент в Сербии А.Н. Карцов, удивленный и встревоженный неожиданным появлением Фадеева, запросил Петербург о цели его приезда. В ответ Н.К. Гирс смог только, что называется, развести руками (см.: [7. С. 54–55]).

В начале мая Фадеев был уже в Петербурге. В письмах Н.В. Мезенцеву от 2 и 9 мая он подробно поведал о целях и результатах поездки. По словам Фадеева, к концу марта ему стало ясно, что стратегическая ситуация на Балканах изменилась и у России едва ли достало бы сил даже для занятия Босфора. Поэтому в новых условиях необходимо, не отказываясь от главной цели – захвата проливов, – бороться за "болгарскую автономию, распространенную как можно шире", что позволило бы вплотную приблизиться к Босфору. Добиться этого можно было, по мнению Фадеева, только с помощью сербов, которых следовало принять "под русское знамя" и направить против Турции.

С целью оценить обстановку Фадеев и предпринял путешествие в Сербию. Он писал Мезенцеву, что "застал сербское правительство в состоянии полной апатии: одни хотели ничего не делать, другие, не зная за что приняться, готовы были лезть в объятия Австрии [8. Ф. 1696 (В.Я. Богучарский). Оп. 1. Д. 414. Л. 44].

Если верить Фадееву, за несколько дней пребывания в Белграде ему удалось переломить эти настроения: Сербия готова теперь к войне на стороне России. Для руководства действиями сербов генерал предлагал себя в качестве специального уполномоченного от русского правительства. "...Они в меня верят, – убеждал Фадеев шефа жандармов. – Князь Милан, поддержанный мнением страны, с радостью возьмет меня начальником своего главного штаба или вообще предводителем дела, под каким бы званием я не вернулся в Сербию" [8. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 414. Л. 33–34 об.].

Получив от Мезенцева очередное обещание добиться для него разрешения вернуться на службу, Фадеев выехал в конце мая в Одессу. Томительное ожидание вновь растянулось на два месяца: лишь в конце июля ему позволили ехать в Сербию, правда, частным лицом.

Дальнейшие приключения Фадеева легко проследить по его письму к И.И. Воронцову-Дашкову от 12 сентября 1877 г. По пути в Сербию Фадеев заехал в Главную военную квартиру. Из разговора с Д.А. Милютиным он вынес впечатление, что план вовлечения Сербии в войну принят и ему даны соответствующие полномочия.

Однако в Бухаресте Фадееву устроили, как он выразился, ловушку – свидание с А.М. Горчаковым. Последний будто бы пожаловался Фадееву, что его временно потеснили сторонники войны, но он скоро "сумеет разрушить эти ковы и снова возьмет дело в свои руки". (Канцлер опасался, что вступление в войну Сербии повлечет вооруженное вмешательство со стороны Австро-Венгрии и Германии.)

В Белграде Фадеева ждал прохладный прием. Вместо радушной встречи "сербы жмутся" и объясняют, что, желая видеть его во главе своей армии, не решаются тем не менее идти против воли русского правительства, от которого получают субсидии. В русском консульстве генералу показали телеграмму Горчакова, гласившую, что Фадеев прибыл в Сербию с частным визитом и не имеет полномочий от правительства. (Видимо, канцлер сдержал слово и начал таким образом "разрушать ковы".) Попытки Фадеева добиться через Н.В. Мезенцева подтверждения полномочий оказались безуспешными, и ему ничего не оставалось, как вернуться в Главную квартиру, чтобы выслушать обвинения в срыве намеченного плана.

Повторная поездка в Сербию не имела смысла: главнокомандующий великий князь Николай Николаевич уже послал туда своего военного агента. Кто-то, вспоминая Фадеева, предложил Черногорию. "Мои рассуждения о том, что в Черногории делать решительно нечего, так как свое дело они знают гораздо лучше, чем мы наше, встречают общее одобрение. Но так как девать меня больше некуда, то меня отправляют в Черногорию. Спасибо и за то! Только все на мой же собственный счет", – заключал Фадеев свою "Одиссею" [9. Ф. 58 (И.И. Воронцов-Дашков). Оп. 1. Р. 1. П. 79. Д. 27. Л. 26].

В начале октября 1877 г. Фадеев прибыл в Черногорию. На сей раз Министерство иностранных дел ему не препятствовало. Скорее наоборот. Русский консул А.С. Ионин сообщил Д.А. Милютину, что канцлер рекомендовал оказывать Фадееву всяческое содействие [5. С. 225].

Фадеев разработал план военных действий, который изложил в "Записке об открытии военного пути между Сербией и Черногорией", датированной 14 октября 1877 г. и адресованной военному министру. План этот предполагал совместное, до "наступления суровой зимы", наступление Сербии и Черногории на западные области Османской империи с целью отвлечь значительную часть турецких сил от русской армии, действовавшей в Болгарии. Непременным условием успеха будущей операции генерал считал подчинение сербского князя Милана и черногорского князя Николая русскому военному командованию (см.: [5. С. 228–234]). Единственным человеком, способным успешно не только скоординировать совместные действия Милана и Николая, но и предотвратить неизбежные между ними распри, Фадеев называл себя, в чем и пытался убедить Н.В. Мезенцева, прося его исходатайствовать это назначение: "...без моего живого участия задуманное дело, переданное в иные руки, не пойдет, как случилось уже не раз" [8. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 414. Л. 65].

План Фадеева был одобрен в целом князем Николаем, А.С. Иониным и русским военным агентом в Черногории полковником А.А. Боголюбовым. Правда, Ионин предложил перенести начало военных действий, учитывая местные климатические условия, на весну (см.: [5. С. 227–228]). Это замечание сыграло решающую роль. Ионина поддержали Милютин и великий князь Николай Николаевич. При этом у военного министра вызывала сомнения и кандидатура самого Фадеева на роль посредника: "Конечно, не такому авантюристу и пройдохе, каков Фадеев, удастся служить соединительным между ними (сербам и черногорцами. – *О.К.*) звеном. <...> Какое можно дать ему безвредное назначение" [6. С. 241]. Решено было оставить пока "все как есть" и отозвать Фадеева из Черногории. В последних числах 1877 г. он вернулся в Петербург.

Следующие полгода Фадеев был занят главным образом составлением записок, проблематика и содержание которых менялись в зависимости от изменения обстановки на Балканах. В течение января – начале февраля 1878 г., когда война с Турцией близилась к концу и сербско-черногорский план начал терять актуальность, он подготовил несколько записок, посвященных будущим взаимоотношениям между Россией и славянскими княжествами. Предлагалось уже сейчас, не дожидаясь окончания войны, готовить почву для этих взаимоотношений: изменить давно заведенный порядок общения с княжествами как с иностранными державами и предоставить Военному министерству право надзирать за всей их военной деятельностью, назначать туда агентов и специальных уполномоченных, не считаясь с дипломатическими соображениями. Если русская политика в отношении Сербии, Болгарии, Черногории, а со временем и Румынии останется прежней "политикой международной с добавлением лишь некоторой сентиментальной окраски", предупреждал Фадеев в одной из записок, то уже на следующий день после заключения мира все они попадут в сети интриг Австрии, Англии, "целой Европы" и будут навсегда потеряны для России [5. С. 318]. Другими словами, Фадеев предлагал реализовать свой давний политический проект, изложенный им в "Мнении о восточном вопросе": предоставив славянам известную самостоятельность в делах внутреннего устройства, полностью подчинить их русскому правительству в делах военных и международных. Себя он видел во главе особого органа при военном министре по делам образовавшихся "из осколков Турции" государств.

10 февраля 1878 г., когда уже стала известна негативная реакция европейских держав, прежде всего Англии и Австро-Венгрии, на условия Адрианопольского перемирия и в воздухе запахло новым конфликтом, Фадеев подготовил очередную записку – "Действительное отношение австрийских сил к русским" (см.: [2. Ф. 730. Оп. 1. Д. 783. Л. 1–19]). Проанализировав боевые возможности русской, австрийской и английской армий, автор записки пришел к выводу, что у противников России нет сил для серьезной войны. Одновременно он призвал правительство занять жесткую, неуступчивую позицию на будущей мирной конференции.

Эта тема нашла продолжение в двух записках, поданных на высочайшее имя в

середине апреля – начале мая. Фадеев высказывался против каких-либо уступок на предстоящем конгрессе, называя их "худшим из унижений", и заявлял, что Россия должна твердо отстаивать основные завоевания Сан-Стефанского договора: "самостоятельность освобожденных русским мечом балканских славян в их законных пределах, ограждение наших сообщений с ними по Дунаю и нашего преобладающего влияния на них, сохранение в русских руках ряда отбитых у неприятеля крепостей в Азии" [2. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1287. Л. 15 об.].

В конце мая спокойная жизнь Фадеева была внезапно нарушена. "Меня подхватили вдруг, дали курьерский паспорт в Вену и велют отправляться завтра в 1 час дня", – писал он И.И. Воронцову-Дашкову 29 мая 1878 г., добавляя с горькой иронией, что ему выдали на экстраординарные расходы 1,5 тыс. кредитных рублей, с которыми предстоит преодолеть 1,5 млн фунтов стерлингов, отпускаемых Англией на ту же цель (т.е. завоевание влияния на Балканах. – *О.К.*) ежемесячно [9. Ф. 58. Оп. 1. Р. 1. П. 79. Д. 27. Л. 23–23 об.].

В начале июня Фадеев был уже в Белграде, где сообщил, что он послан военным министром с секретной миссией собрать информацию об австрийской военной силе. Сербский князь Милан вынес из бесед с Фадеевым впечатление, что Россия, с одной стороны, ищет через П.А. Шувалова мира на Берлинском конгрессе (конгресс начался 13 июня 1878 г.), а с другой – через Д.А. Милютину – готовится к войне с Австрией в случае неудачи дипломатов. Сбитый с толку Милан запросил своего премьера Й. Рисича, находившегося в то время в столице Германии, что делать с Фадеевым. В ответ пришла телеграмма: "Обеспечьте Фадеева информацией, которую он ищет, но не разрешайте ему действовать немедленно. Возможен наш компромисс с Австро-Венгрией" (цит. по: [10. Р. 309]).

21 июня 1878 г. Фадеев писал Милютину из Белграда, что ему удалось несколько приободрить сербов, "запуганных" Шуваловым в Берлине. Уловив, как ему казалось, нежелание Милана "устроиться с Австрией", Фадеев буквально на ходу сочинил план на случай войны с австрийцами. По сути он предлагал реализовать уже знакомый нам проект совместного выступления Сербии и Черногории в союзе с русской армией (см.: [5. С. 351]). К письму прилагались три записки, призванные показать, что этот план не так уж и фантастичен. Вывод их автора был однозначен: если Австрия ввяжется в военные действия в славянских землях, то ее там ждет гибель (см.: [5. С. 358–370]).

В июле Фадеев побывал в Боснии, где собирал дополнительную информацию и, кроме того, подстрекал боснийцев дать отпор австрийскому вторжению. (Как известно, на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины.) Но боснийцы, снабдив Фадеева информацией, сдержанно отнеслись к его воинственным призывам (см.: [10. Р. 309, 321]).

После подписания Берлинского мира деятельность Фадеева на Балканах потеряла смысл, и он вернулся в Россию. Однако еще некоторое время занимался славянскими делами. В августе 1878 г. Фадеев представил Александру II два проекта: о передаче сербской железной дороги русскому товариществу и устройстве дунайского пароходства. Оба проекта, с его точки зрения, были призваны закрепить достигнутые на Балканах успехи и облегчить в недалеком будущем достижение главной цели России в восточном вопросе – захват проливов (см.: [9. Ф. 169 (Д.А. Милютин). К. 44. Д. 32. Л. 1–3 об.]).

В пространной записке "Берлинский мир перед русским общественным мнением" Фадеев подвел итог предшествующим событиям на Балканах и одновременно черту под своими панславистскими увлечениями. Трезвая оценка событий привела его к выводу о том, что Россия ввязалась в последнюю войну будучи мало подготовленной к ней, не только в военном, но и в нравственном отношении, руководствуясь абстрактными соображениями об историческом призвании освободить славян и поддавшись под влиянием рассказов о жестокости турок эмоциям. Неясны были и цели войны: то ли завоевать Турцию и "присвоить" Константинополь, то ли присоединить "множество славянских держав".

Что же дальше? России следует поддерживать и дальше идею самостоятельности христианских племен, помогать им, но ни в коем случае не брать на себя в обозримом будущем дело их освобождения. Фадеев выступал против форсированного решения восточного вопроса, изгнания Турции из славянских земель, так как это повело бы к взаимным распрям между княжествами и к соперничеству европейских держав за влияние на них. России выгодно сейчас сохранять целостность Османской империи до тех пор, "пока в силу естественного хода вещей и внутреннего развития подвластных племен это дряхлое тело само собой развалится и уступит место более свежим силам" [2. Ф. 677. Оп. 1. Д. 481. Л. 7]. Такая позиция диктовалась, по мнению Фадеева, не только внешними, но и внутренними обстоятельствами. Он отдавал себе отчет в том, что начинать новую войну без значительного запаса внутренних сил, устроенных финансов, "отличного состава" военного и гражданского управления (на достижение чего России понадобится немало времени) было бы "чистым безумием". "...Мы не можем сочувствовать иной политике, кроме политики мира. России довольно дела у себя дома", – таков вывод публициста [2. Ф. 677. Оп. 1. Д. 481. Л. 21].

Подведем итоги. Попытки Фадеева активно вмешаться в правительственную политику в Азии и на Балканах в годы восточного кризиса встретили решительное противодействие сверху, а его стремление "послужить России и славянству" осталось, по сути, невостребованным. И тому были свои причины.

В середине 1870-х годов царское правительство не стремилось формировать решение восточного вопроса, опасаясь конфликта не столько с Портой, сколько с европейскими державами. В то же время нельзя было не учитывать общественного мнения (как в славянских землях, так и у себя дома), требовавшего немедленной и действенной помощи "единоверным и единокровным братьям". Нейтралитет особенно трудно было сохранить после восстаний в Боснии, Герцеговине, Болгарии, объявления Сербией и Черногорией войны Турции. В правительстве существовали два подхода к разрешению балканского кризиса. Министерство иностранных дел делало главную ставку на дипломатические меры, поэтому там настоятельно относились к многочисленным запискам-проектам Фадеева, предлагавшего военное решение славянского вопроса, и стремились, по возможности, препятствовать реализации его планов. Военное министерство было настроено более решительно и готовилось к войне. И здесь Фадеев вместе со своими идеями мог при определенных условиях оказаться весьма кстати. Но препятствием тому во многом являлась личность самого Фадеева. Военный министр Д.А. Милютин не забыл о нападках на проводимый им курс и на него лично со стороны Фадеева в конце 1860-х – начале 1870-х годов, не доверял ему, считал его "авантюристом и пройдохой", ищущим лишь личной выгоды и неспособным к какому-либо серьезному делу.

В конце 1860-х годов, когда писалась брошюра "Мнение о восточном вопросе", Фадеев являлся убежденным панславистом, призывавшим к насильственному освобождению славян и образованию всеславянской федерации во главе с Россией. События 1875–1878 гг. на Балканах и непосредственное знакомство Фадеева со славянским миром подвергли его панславистские убеждения серьезному испытанию. Сомнения относительно готовности "южнославянских племен" к "самостоятельной исторической роли" посещали публициста и раньше. Теперь же он окончательно убедился в том, что у славян не выработалось еще никаких государственных начал и им рано жить самостоятельной жизнью. Фадеев пришел к выводу, что в своем нынешнем положении славяне могут представлять не столько военно-политическую и нравственную опору в противостоянии с враждебным Западом, сколько предмет спора с Европой, чреватого новой войной, к которой Россия долго еще не будет готова. Панславистские иллюзии сменились трезвым расчетом. Мечты объединить всех славян под скипетром российского самодержца отступили перед реалиями "современного состояния России".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нерсесов Г.А.* Египет в международных отношениях 70-х годов XIX в. и русская дипломатия // Вопросы африканской истории. М., 1983.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899. Вып. I.
4. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
5. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1911. Вып. VI.
6. *Милютин Д.А.* Дневник. М., 1949. Т. 2.
7. *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908.
8. Российский государственный архив литературы и искусства.
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
10. *Mackenzie D.* The Serbs and Russian Pan-Slavism, 1875–1878. New York, 1967.

© 1998 г. НЕЩИМЕНКО Г.П.

ДИАЛОГ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Проблема диалогической речи заслуженно привлекает к себе внимание ученых, поворачивающих ее в зависимости от конкретной направленности исследования под тем или иным углом зрения. Предметом нашего внимания также будут служить лишь определенные аспекты этой достаточно широкой темы. Причем в первую очередь нас будет интересовать вопрос о **внутренней дифференциации** диалогической речи.

Для решения этой конкретной задачи оказывается полезным рассмотрение феномена диалогической речи через призму двух социолингвистических оппозиций; "регулируемое – нерегулируемое (или же с ослабленной регулируемостью) речевое поведение", "монологическая – диалогическая речь". Первая оппозиция основывается на противопоставлении типов **речевого поведения** индивидуума; вторая – на противопоставлении типов **текстовой структуры**.

Акцентируя важность **комплексного** использования названных выше оппозиций, нельзя тем не менее не отметить, что для решения задачи внутреннего дифференцирования диалогической речи их значимость не вполне равноценна. Так, первая оппозиция представляется нам более существенной в силу своей большей непротиворечивости, а также большей строгости и последовательности ее проведения в языковом материале. Операциональная сила оппозиции "монологичность – диалогичность" несколько снижается наличием переходных зон с **функционально** обусловленной интерференцией монологических и диалогических текстовых структур.

Комплексное рассмотрение названных оппозиций позволяет не только получить более адекватное представление о реальном многообразии явления, именуемого "диалогической речью". Оно имеет важное значение для решения широкого спектра социолингвистических вопросов и, в частности, для структурирования языкового пространства, макро моделирования строения этнического языка. Используемый подход эффективен и при изучении направленности эволюции **речевой эстетики** в языке официальной и публичной коммуникации, прежде всего в средствах массовой информации.

Рассматривая через призму этих оппозиций специфику вербальной коммуникации в этносе, можно заключить, что для языкового обеспечения официальной, публичной и полуофициальной интерперсональной коммуникации характерно **регулируемое**

Нещименко Галина Парфеньевна – д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹Исследование выполнялось при финансовой поддержке Research Support Scheme. Институт Открытое общество, контракт № 240/94.

речевое поведение, отличающееся, как правило, **монологическим** типом строения текста.

Под регуляторами речевого поведения в этом случае имеются в виду как **внешняя языковая цензура** (влияние кодификации, деятельность редакторов и пр.), так и, что, возможно, еще важнее, **автоцензура**, т.е. **самоконтроль** индивидуума за своим собственным речевым поведением. Не можем в этой связи не отметить, что значимость последнего фактора, на наш взгляд, незаслуженно недооценивается исследователями.

Языковое обеспечение непринужденного повседневного общения, именуемое нами разговорным языком, характеризуется **нерегулируемым** речевым поведением с присущими ему непринужденностью и спонтанностью, психологической внезапностью. Не связанное напрямую с теми или иными установочными ориентирами, оно насыщено экспрессией, отражает свободный поток сознания, активное взаимодействие коммуницирующих и т.п. Именно нерегулируемое речевое поведение является характерной сферой употребления **диалогических** текстов со всеми присущими им атрибутами в виде сегментации речевого потока на чередующиеся последовательности реплик, отражающие реакции **разных** индивидуумов.

Проецируя оппозицию "регулируемое – нерегулируемое речевое поведение" на диалогическую речь, мы убеждаемся в правомерности **дихотомического** разграничения последней на **исконную** и **неисконную**: исконная диалогическая речь характерна для нерегулируемого речевого поведения; неисконная – для речевого поведения регулируемого.

Ниже мы остановим свое внимание на некоторых особенностях неисконной диалогической речи.

В неисконной диалогической речи отмечаются текстовые структуры следующего вида:

а) структуры, находящиеся под контролем (более или менее строгим) автоцензуры – ситуация официального или же полуофициального интерперсонального общения при отсутствии доверительных отношений, при наличии социального и другого вида неравенства, психологической дистанции и пр. (ср. разговор начальника и подчиненного, преподавателя и учащегося и т.д.). Ср. изысканный диалог тележурналиста с французским актером Ж. Маре: *Я счастлив тем обстоятельством, господин Маре, что могу говорить с Вами; господин Маре, Вы поражаете разнообразием своих талантов* и т.п. (ТВ–1994). Подобный вид общения, хотя и реализуется в виде чередующихся реплик, однако на деле текст этих реплик имеет **монологическое** строение. Обращает на себя внимание факт соблюдения в подобных ситуациях своеобразного речевого этикета. Так, в русской языковой среде при обращении врача к пациенту часто используется побудительное 1 л.мн.ч., высокой частотностью отличаются деминутивы; ср.: *головку кладем и не двигаемся; шапочку снимаем и заходим; глазик закроем* и пр.;

б) структуры, представляющие собой целенаправленную имитацию диалога. В этом случае, как правило, речь идет об **авторских** текстах, в которых диалог целенаправленно выстраивается **одним** лицом (ср. художественная литература, публицистика и пр.).

Неисконная диалогическая речь широко используется в текстах публичной официальной коммуникации – мы имеем в виду прежде всего художественную литературу, кино, РВ, ТВ и пр., т.е. те сферы, для которых, как правило, характерно намеренное воспроизведение диалога, его имитация или же стилизация под него.

Воспроизведение диалогической речи в этом случае осуществляется по-разному: она может включаться либо целиком (ср., к примеру, произведения драматургии), либо фрагментарно, когда диалогические включения, в сущности, "инкрустируют" монологическую речь, создавая эффект пересказывания; ср., к примеру, фрагмент из очерка (журнал "Столица", 1992, № 31): *Но тут, как черт из табакерки, выскакивает какой-нибудь "бригадир", ненаследный маленький принц и ну тебе*

орать в "матюгальник", чтобы к исходу сентября ему вынули и положили "социалистический выбор" – **ага, сча-а-с**, уже вынули. А другой "бригадир" на всю Россию недоумевает, почему это ему до сих пор не завернули в газетку "Известия" какого-нибудь карманного главного редактора и ленточкой муаровой не перевязали – **ага, сча-а-с** все бросим и перевяжем. Только перевязка немножко будет жать в коленках.

Использование диалогической речи в качестве средства речевой характеристики персонажа в художественной литературе имеет давнюю традицию. Так, уже в произведениях древнечешской литературы XIV в. встречаются довольно точные фиксации диалогической "простонародной" речи, воспроизводящие такие специфические особенности разговорного языка как включение вульгаризмов, избытие германизмов, упрощенный синтаксис, отсутствие сложных периодов, нарушение порядка слов, повторы и пропуски, т.е. ритмику живой, непринужденной речи; ср., к примеру, *Mastičkář: Rubíne! Ribíne! Rubíne! vo pístu? – Sed' mistře, držu za řít tistu [1]. A kak sě jmá kmoška moje? / A jakž ta slova otmluví, línhed jmu o sukně vzmluví / řka: "Kmotře, kaké sukno jmám / Třeba-liš, ať jeho prodám" / "...Ač sě, kmotře, líbí tobě, vezmi to sukénce sobě / Radějí přáteli svému, tobě, kmotře, než jinému [2].*

Особую функцию диалогические включения выполняют в языке средств массовой информации, т.е. там, где необходимо не только информировать аудиторию, но и привлечь ее на свою сторону, установить с ней эмоциональный контакт. С этой целью зачастую намеренно имитируется диалогическое общение с воображаемым собеседником, характеризующееся особой непринужденностью и доверительностью; ср. доверительное прощание с телезрителями ведущего телепрограммы "Версии" (август 1995 г.) перед уходом в отпуск: *А вы уж тут присмотрите за нашим хозяйством: Чечня, скандал вокруг генпрокуратуры*; ср. также диалог ведущей концерта по заявкам радиослушателей: ну, **без дураков**, моя коллега это может подтвердить и др.

Широкое распространение в современных средствах массовой информации получает такой вид диалогического общения с радиослушателями и телезрителями, как телефонные опросы и беседы, которые в большинстве своем при всей видимости импровизации подвергаются тем не менее дозированной селекции текста, а также автоцензуре, что зачастую превращает их в имитацию диалога или же в чередование минимонологов.

Иногда фрагментарное воспроизведение диалогической речи может встречаться даже в тексте официальных сообщений (опять-таки эффект пересказывания). Так, например, в своем интервью в "прямом эфире", данном по официальному запросу тележурналиста в августе 1995 г., представитель Временного правительства Чечни, воспроизводя свое обращение к командованию федеральных войск (т.е. самоцитация), употребляет не вполне уместное в данном случае диалогическое обращение "**Мужики, да, как же так!**". Впрочем, при повторном воспроизведении интервью эта реплика была вырезана.

Распространению диалогических текстов немало способствуют такие новые формы вещания в СМИ, как передачи "прямого" эфира, спонтанные интервью, телемосты, когда обратная связь с собеседником становится возможной благодаря применению спутниковых средств связи, телефона и пр. Все это не только активизирует речевое взаимодействие коммуникатора и реципиента, но и усиливает импровизационное начало, делает общение более непринужденным, раскованным и пр. Тем не менее, несмотря на сохранение сегментации текста на реплики, а также воспроизведение наиболее характерной атрибутики диалогической речи, в описанных выше случаях, как правило, отмечается так называемый неисконный диалог.

Интерференция монологических и диалогических текстовых структур, как правило, наблюдается в тех случаях, когда интерперсональная коммуникация осуществляется с использованием не типичных для данного вида общения способов вос-

произведения текста. Мы имеем в виду использование **графической** фиксации текста при повседневном межличностном общении (частная переписка, письменные распоряжения, просьбы к домочадцам, коллегам и пр.). В этом случае речь идет об **однонаправленном** диалоге с воображаемым собеседником, ответ от которого может быть получен либо с разрывом во времени, либо не получен вообще. Контактное взаимодействие между коммуницирующими, столь неотъемлемое свойство диалогического общения, спонтанного, непринужденного, нерегулируемого, здесь отсутствует. Несмотря на то, что в указанной ситуации речь идет о повседневном межличностном общении, формой его реализации является авторизованная **монологическая** речь с дозированным включением разговорных элементов, с использованием автоцензуры, предполагающей предварительное обдумывание создаваемого текста, соответствующую селекцию языковых средств. Не случайно, например, в частном письме на русском языке является не вполне уместным употребление усеченной формы звательного падежа, столь характерной для русской разговорной речи; ср.: *Галь, напиши мне* (из письма иностранки, в целом прекрасно владеющей русским языком). Для примера приведем употребление усеченного звательного в тексте песни В. Высоцкого: *Ой, Вань, смотри, какие клоуны... или же Ты, Зин, на грубость нарываешься...*

Особый интерес представляет **публичное** воспроизведение ситуации межличностного общения в средствах массовой информации. В данном случае речь идет об **аутентичном** воспроизведении диалогической речи, вернее ее фрагментов, в текстах репортажей, письмах читателей и особенно в интервью, взятых журналистами с целью их последующего **публичного** воспроизведения на РВ, ТВ, а также в прессе.

Следствием этого является, с одной стороны, включение текстов доверительного межличностного общения в контекст авторского **монологического** текста, подвергшегося редакторской корректировке либо автоцензуре; с другой стороны, не свойственная для диалогической интерперсональной коммуникации **публичность** ее воспроизведения (т.е. явление **секундарной** публичности). Приведем некоторые примеры: *Когда я ему рассказал о своих приключениях в гостинице, Виктор Михайлович только заметил: "У вас в Москве то же самое. Дурдом какой-то"* ("Известия", 29 11 96); *Похоже, вы еще и немножечко безрассудны? – До недавнего времени была, да. У меня была фотосессия для какого-то журнала. И черт меня дернул предложить сняться на железных конструкциях моста... И тут подо мной вдруг загрохотал поезд, и дуга эта дурацкая закачалась из стороны в сторону, и я оказалась словно на каких-то чертовых качелях! Вот ужас-то был!.. С тех пор я завязала со всякими безрассудными выходками, абсолютно.* ("Мегаполис-Экспресс", 27 11 96); *Особенно много вызовов летом, – делится Даша. – Жены с детьми на дачах, вот мужья и отрываются. Только успевай.* ("Мегаполис-Экспресс", 6 11 96); *В Лос-Анджелесе у меня есть друг. Как-то мы гостили у него и решили, между прочим, махнуть в Лас-Вегас. Там казино на "казине", а стало быть, не проблема, где нервы пощекотать. Рядом с нами ставит фишки скромный восточный человек. Здесь бы сказали, что это "лицо кавказской национальности в абсолютном прикиде". Все на нем тип-топ. Он всю нашу компашку в ресторан пригласил* ("Мегаполис-Экспресс", 23 10 96).

Особо следует отметить такую специфическую разновидность неисконной диалогической речи как межличностная коммуникация системных операторов электронной почты ("сисопов", как они сами себя называют). Речевые особенности данного вида профессионального общения, ставшего возможным благодаря достижениям технического прогресса, до сих пор еще практически не изучены. Между тем речь идет о весьма своеобразном языковом феномене – о профессиональном (или же полупрофессиональном) интерперсональном **письменном** общении (с использованием электронных средств), состоящем из обмена репликами, "разведенными" во времени, т.е. отсутствует "сиюминутность" реакции, столь характерной для обычной диалогической речи.

По своей изначальной коммуникативной установке данные тексты предназначаются для **индивидуального** восприятия, однако в силу специфики используемой коммуникативной связи они становятся доступными для достаточно широкой аудитории, т.е. приобретают **секундарную** публичность. Не трудно заметить, что анализируемый феномен сродни публичной трансляции по РВ и ТВ (во время интервью, опросов и пр.) доверительного межличностного общения, о чем уже говорилось выше.

Противоречивость рассматриваемого феномена заключается также в том, что продуцируемые тексты, по характеру способа трансляции коммуниката, казалось бы, должны принадлежать к **регулируемому** речевому поведению. Однако на деле, как мы увидим ниже, они в полной мере отражают специфику **нерегулируемого** речевого поведения, представляя собой типичные образчики диалогической разговорной речи. Если отвлечься от факта хронологической несовместимости реплик, а также от отсутствия прямого и непосредственного контакта коммуникантов, то у нас возникнет полная иллюзия доверительного и даже интимного общения. Так, речь партнеров по диалогу носит неформальный характер, она отражает поток сознания, специфику индивидуальных речевых навыков субъекта (а порой и ущербность его языковой компетенции, как в случае следующего объявления: *сейчас можно купить неюзанный АКМ-74? (модефикация не принципиальна)*).

Иными словами, налицо противоречие между типом текста, его коммуникативной установкой и способом трансляции информации. Не вдаваясь в детальную мотивировку этого явления, отметим все же, что здесь, очевидно, играет роль то, что в ситуации коммуникативного контакта, как правило, находятся лица, не только хорошо знающие друг друга (отсюда отсутствие коммуникативного барьера), но и обладающие в целом адекватной профессиональной компетенцией (т.е. понимающие друг друга с полуслова). Свою роль, вполне возможно, играет удобство использования компьютерной связи, не препятствующей протеканию мыслительного процесса, а также столь характерное для программистов одушевление компьютера и пр.

Анализируя языковые особенности приводимых ниже диалогов (орфография коммуникантов нами сохраняется), мы не можем не заметить, что их текстовую основу составляет разговорная речь (причем во многом в ее просторечной и сленговой манифестации), с широким включением профессионализмов (прежде всего англицизмов, адаптированных и неадаптированных).

– *Вот это правда: Такие штуки с некоторыми драйверами приключаются. Виноват скорее всего разработчик данного драйвера... С другой стороны, если девайс идет с заводскими установками, то драйвер его задетектит, а если у юзера хватило ума эти установки поменять – то скорее всего это как минимум авансעד юзер. Правда бывает новая модель девайса... Но от этого никто не застрахуется пока что.*

– *Этого не может быть разве что если ты действительно сам полез раскрывать образы и раскрыл 1 диск не с тем образом. Так вот не надо было крутого изображать.*

– *Еще раз повторю – когда я ставил WC с CD, я выбрал правильный образ первого диска – с поддержкой Panasonic CD-ROM. И обломился. У меня адрес контроллера был 320, а осевый драйвер по умолчанию ищет этот CD на адресе 230, и поиска контроллера на других адресах не делает. Я, конечно, не буду вспоминать про то, что linux ищет этот контроллер примерно на 10 адресах. И находит.*

– *Я не буду конечно вспоминать, что к линуксу надо выбрать дискету из 40! Потом сделать еще 2 непонятно зачем, и после этого он встает только с харда, сидюка или локалки. Фря же почему-то грузится с одного флопаря и позволяет мне поставиться по PPP...*

– *Блин, и что он там нюхает собака... Ведь никакой активности нету при его*

загрузке. Кстати, если в вынь95 сделать "залогиниться другим юзером", то нюхает ничуть не меньше, впрочем как и дос, NT...

– Ну уж три файла *io. sys, msdos. sys* и *command. com* можно ради такого дела на диске оставить и целый FAT раздел, да еще как я понял Primary?

– технолоджи, который без мсдоса просто не жилец. Крутая бредятина.

– Да уж... Так вот, наверное, почему она называется New Technology!

– Гыгы, будто ни ты ни Кирюша никогда на новый винт NT не ставили, что так думаете. Ей DOS также нужен, как собаке пятая нога. Прямо в сетепе разбиваешь винт и ставишь. Какой там нахрен DOS, чушь какая...

Ср. также образчик другого диалога, более бытового свойства:

– Че-то меня все чаще на субж стало прошибать...

– А меня всегда на него прошибает. Я вообще в последнее время раньше четырех никогда не ложусь – бабы дома нету, почты много. Монитор мерцать перестал (глаза теперь не устают – на 90 герц его забубенил). Вот щас раскупорил две бутылки "Каберне" и сижу от фидо офигеваю. Правда, вот хавчик-то у меня как раз кончился. Кстати, это вообще загадка – почему фидо ночью читать лучше. Я этого до сих пор понять не могу.

Или далее: – Не правда ваша! На фирменном диске... счас гляну... есть батники и каэмдешники для инсталляции с дискет и инсталляции с CD...

В заключение хотелось бы еще раз отметить значимость использования оппозиций "регулируемое – нерегулируемое речевое поведение" и "монологическая – диалогическая речь" при рассмотрении проблемы дифференциации диалогической речи. Комплексное применение этих оппозиций позволяет получить более адекватное представление о реальном многообразии явления, именуемого "диалогической речью", и, в частности, о ее дифференциации на исконный и неисконный диалог.

Высокая частотность использования диалогических включений в языке официальной публичной коммуникации, особенно в средствах массовой информации, приводящая к появлению феномена "вторичной публичности", несомненно, оказывает влияние на характерный для этой сферы коммуникации стилиевой стандарт, сигнализирует намечающийся пересмотр соответствующей речевой эстетики в сторону ее большей усредненности, "массовизации", общедоступности. Сказанное еще более усиливается в результате возрастания вербальной ангажированности пользователей литературного языка, зачастую не являющихся его подлинными носителями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Výbor z české literatury. Od počátků po dobu Husovu. Praha, 1957. S. 250.
2. Staročeské satiry Hradeckého rukopisu a Smilovy školy. Praha, 1962. S. 80–81.

© 1998 г. ШАВИНСКАЯ Л.Л.

КНИГИ И БРОШЮРЫ КРУПНЕЙШЕГО ПРАВОСЛАВНОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ – ВАРШАВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ¹

Продолжая начатую в № 2 "Славяноведения" за 1996 г. публикацию репертуарного перечня основных православных книжных изданий в межвоенной Польше [1], мы рассчитываем дать в руки исследователей лаконичный и вместе с тем всеобъемлющий путеводитель по обширной, но все еще неизвестной православной литературе Польши 1918–1939 гг.

Мы уже подробно писали, с какими трудностями пришлось столкнуться при сборе необходимых материалов для создания каталогов православной литературы межвоенной Польши [1]. Многие, очень многие ее произведения видимо утрачены навсегда. Кое-что, хранящееся в основном в частных и церковных собраниях, не выявлено до сих пор и существует надежда отыскать эти произведения в будущем. Таким образом настоящий перечень носит предварительный характер. В него не включены серийные народные издания, описанные нами ранее [1], а также многочисленные календари на русском, украинском и польском языках [2]. Для удобства пользования издания перечислены в алфавитном порядке с указанием, там, где это известно, года выхода в свет.

Преобладающее число приведенных в перечне изданий просмотрено нами *de visu*, значительная часть сведений взята из достоверных архивных источников и различных каталогов [1]. К сожалению, данные об изданиях православной литературы Польши 1918–1939 гг. до сих пор практически отсутствовали даже в специальных библиографических указателях. Самый характерный пример, знаменитый двухтомник С.П. Постникова [3]², в котором указана всего лишь одна книга с обозначением, что она издана в Синодальной типографии в Варшаве – "Воссоединение униатов с православной церковью и конкордат Рима с Россией в 1847 году" (Варшава, 1931) [3. Т. 1. С. 183] и кратко упомянут с ошибкой в годах издания один журнал – "Воскресное чтение" [3. Т. 2. С. 330]³. Об остальных библиографических указателях говорить

Шавинская Лариса Леонидовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 94-06-19676).

² Автор этого важнейшего подробнейшего труда – бывший заведующий Русским заграничным историческим архивом в Праге – описал в своей "Библиографии" около 5000 книг и брошюр, 1435 журналов, 1029 газет на русском и других языках.

³ Необходимо подчеркнуть, что ничего подобного еженедельно выходившему в Варшаве с 1924 по 1939 гг. на русском языке с многочисленными приложениями самого разнообразного характера иллюстрированному журналу "Воскресное чтение" в мировой славянской православной среде этого времени не существовало.

prosto nie приходится, за исключением начавшей недавно выходить "Bibliografii polskiej 1901–1939", включающей некоторую часть изданий православной литературы межвоенной Польши, хранящуюся в крупнейших современных польских библиотеках [1].

Отечественным исследователям эта литература практически совершенно незнакома. Даже церковнославянские литургические издания, сохранившиеся, пожалуй, лучше всего, не попадали в поле зрения наших ученых, много внимания уделяющих в последние годы изучению церковнославянского языка XX в. Так А.Г. Кравецкий писал, что "в настоящее время у нас нет материалов, связанных с церковнославянскими изданиями зарубежья, так что эта тема ждет своего исследователя" [4. С. 116]. По его мнению, "выявление и каталогизация созданных в эту эпоху церковнославянских текстов – дело будущего" [4. С. 133].

Почти парадоксально, но и в польской аналитической литературе сведения о православной книжности межвоенного периода мягко говоря более чем скудные. В последние годы, например, получило распространение мнение Я. Хоиньского, писавшего в двухтомном коллективном исследовании "Православная Церковь в Польше в древности и сегодня" буквально следующее: "В 1923–1939 годах Синодом было издано более 50 названий книг" [5].

Таким образом, публикуемый перечень вводит в научный оборот многие сотни неизвестных произведений и их изданий. Кроме того, перечень этот – первый опыт собирания и каталогизации памятников восточнославянской и западнославянской письменности и литературы XX столетия.

Aleksy, biskup. Kanony Św. Apostołów i ich stosunek do obecnego życia Kościoła Prawosławnego i dyscypliny w związku z głównym zadaniem Prawa Kanonicznego, 1928. Odbitka z Ks. IV "Ελπις".

Arsenjew M. Doświadczenie religijne Apostoła Pawła, 1935.

Bidnow W. Preoświadczeni Episkop Wasilij Bohdaszewski-Wasilij Iljicz Ekzemplarski (Wspomnienia pośmiertne), 1933.

"Boże! Coś Polskę". Polski hymn narodowy.

Codziennie modlitwy dla dzieci wyznania prawosławnego, 1935.

Dionizy, metropolita. Archeologia chrześcijańska, jej charakter i jej metoda naukowa, 1928.

Dionizy, metropolita. Autentyczność dzieł Świętego Dionizego Areopagity, 1933.

Dionizy, metropolita. Improwizacja i jej znaczenie w kaznodziejstwie kościelnym według dzieła Arcybiskupa Ambrożego Kluczarewa "Żywoje Słowo", 1928.

Dionizy, metropolita. Najnowsze wykopaliska i odkrycia w katakumbach rzymskich. Sanctuarium męczenników greckich w katakumbach Św. Kaliksta na Via Appia, 1928.

Dionizy, metropolita. Najnowsze wykopaliska i odkrycia w katakumbach rzymskich. Nowe małowidło żałobnej wieczery miłości, czyli agapy w katakumbach Św. Piotra i Marcellina przy Via Labicana, 1929.

Dionizy, metropolita. Objawienie jako źródło prawdziwego poznania Boga. Odczyt wygłoszony w dniu 28 maja 1937 r. w Państwowym Internacie dla Studentów Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie, 1937.

Dionizy, metropolita. Pomnikowe dzieło naukowe, – Dictionnaire d'Archeologie Chrétienne et de Liturgie, publié par du R-me Dom Fernand Cabrol, abbé de Saint-Michel de Farnborough (Angleterre) et du R.P. Dom Henri Leclercq, 1932.

Doroszenko D. Miejsce dziejów Kościoła w Historii Powszechnej. (Wykład inauguracyjny z Historii Powszechnego Kościoła, wygłoszony w dniu 29.IV.1936 roku na Uniwersytecie Józefa Piłsudskiego w Warszawie), 1936.

Grzegorz (Peradze), archimandryta. List apokryficzny Dionizego Areopagity do Biskupa Efeskiego Tymoteusza o męczeńskiej śmierci Apostołów Piotra i Pawła, 1937.

Grzegorz (Peradze), archimandryta. Nieznana Ewangelia Apokryficzna, pochodząca z kół monofizyckich, 1935.

Grzegorz (Peradze), archimandryta. Dokumenty, dotyczące zagadnień odnalezienia i tekstu Kodeksu Synajskiego, 1934.

- Grzegorz (*Peradze*), archimandryta. Pojęcie, zadanie i metody Patologii w Teologii Prawosławnej, 1934.
- Hilarion (*Basdekas*), archimandryta. Wiara i wiedza, 1935.
- Hilarion (*Basdekas*), archimadryta. Streszczenie obrad I-go Kongresu Teologii Prawosławnej w Atenach, 1937.
- Hilarion (*Basdekas*), archimandryta. Filozofia i jej stosunek do nauki i religii, 1934.
- Hilarion (*Basdekas*), archimandryta. O tradycji świętej. Wykład inauguracyjny, wygłoszony w dniu 9-go grudnia 1932 r. w auli Uniwersytetu Warszawskiego, 1932.
- Historia Święta Nowego Testamentu. Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1938. Wydanie czwarte, poprawione i uzupełnione.
- Historia Święta Starego Testamentu. Podręcznik dla nauki Religii Prawosławnej, 1938. Wydanie czwarte, poprawione i uzupełnione.
- Historia Kościelna. Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej w szkole powszechnej, 1939.
- Imiona prawosławne w brzmieniu cerkiewno-słowiańskim i polskim, 1934.
- Instrukcja dla o.o. wizytatorów religii prawosławnej powszechnych i średnich szkół, państwowych i prywatnych Rzeczypospolitej Polskiej, 1930.
- Katechizm. Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1938.
- Kiryłowicz S. Acta S. Thomae Apostoli, jako źródło historyczne, 1931. Odbitka z czasopisma "Ελληνες", kn. V, 1931.
- Kiryłowicz S. Przedmiot i zadanie Liturgiki, jako nauki, 1937.
- Kiryłowicz S. Świadectwa historyczne o chrześcijaństwie w Indjach w związku z apostołem Św. Tomasza, 1932. Odbitka z czasopisma "Ελληνες" za r. 1932.
- Kisiel-Kisielewski S. Prawo agrarne w Izraelu według Pentateuchu, 1935.
- Kisiel-Kisielewski S. Starozakonnny pogląd na świat i przyrodę w świetle nowej egzegezy biblijnej. Wykład inauguracyjny, wygłoszony w Uniwersytecie Warszawskim dnia 11 lutego 1927 r., 1927.
- Korowicki I. Stan Kaznodziejstwa Prawosławnego na przełomie ww. XVI–XVII w państwie Litewsko-Polskim, 1935.
- Kratke modlitwy pro szkolni dorost, 1926.
- L'églises orthodoxes, 1928.
- Lebidiew E. Czy istniał Prezbiter Jan, jako osobistość, różna od Apostoła Jana, syna Zabedeusza?, 1933.
- Lotocki A. Początki organizacji kościelnej na Rusi, 1934.
- Mały modlitewnik dla dzieci prawosławnych, 1929.
- Modlitewnik prawosławny, 1927.
- Modlitwa domowa i cerkiewna chreścijanina prawosławnego. Podręcznik szkolny w językach polskim i słowiańskim, 1931. Ułożył dla swoich uczniów i uczenic Protoierej Mikołaj Kusznierek, nauczyciel religii prawosławnej w szkołach powszechnych i średnich M.St. Warszawy.
- Modlitwy codzienne dla dzieci prawosławnych, 1936. Wydanie dziesiąte.
- Nabożeństwo dziękczynne w dniach świąt Państwowych, 1936.
- Naukanie i wyjaśnienie modlitw. Podręcznik do nauki Religii Prawosławnej, 1934. Wydanie drugie.
- Nauka o Nabożeństwach Prawosławnych. Podręcznik dla IV-tej klasy szkoły powszechnej, 1938. Wydanie czwarte, poprawione i uzupełnione.
- Obszerny Chrześcijański Katechizm Św. Kościoła Prawosławnego, 1927.
- Ogijenko I. Paleografia cyrylicka, 1928.
- Ogijenko I. Powstanie alfabetu oraz języka literackiego u Słowian, 1927.
- Ogijenko I. Wzory pism Cyrylickich X–XVII w.w. Seminarium paleografii Cyrylickiej Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego, 1927.
- Pannichida, czyli Nabożeństwo za spoczywających w Panu, 1936.
- Pokrowski N.W. Archeologia Chreścijańska w związku z Historią Sztuki Kościelnej, 1930.
- Rocznik Koła Teologów Prawosławnych, Studentów Uniwersytetu J. Piłsudskiego w Warszawie, 1938.
- Sajkowicz D. protojerej. Dogmat odkupienia, 1937.
- Sakowicz E. Kościół Prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788–1792, 1935.
- SENEK. Что такое уния?, 1931.

Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewnym uzgodniony z Ministerstwem Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, 1936.

Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego za rok akademicki 1932–1933, przedstawione przez Kierownika Studium, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii Księdza Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1933.

Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego za rok akademicki 1933–1934, przedstawione przez Kierownika Studium, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii ks. Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1935.

Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie za rok akademicki 1935–36, 1937.

Sprawozdanie z działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Józefa Piłsudskiego w Warszawie za rok 1936–37, 1937.

Sprawozdanie działalności Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego, przedstawione przez Kierownika Studium Teologii Prawosławnej, Prof. Zw. Mag. Św. Teologii Prawosławnej księdza Metropolitę Dionizego (Waledyńskiego), 1932.

Święta Liturgia Świętego Jana Złotoustego. Z błogosławieństwa Świętobliwego Synodu Św. Autokefalonego Kościoła Prawosławnego w Polsce, 1936.

Teofan, archimandrita. Podróż do Rumunii Jego Eminencji, Najbłogosławieńskiego Dionizego, Metropolity Warszawskiego i całej Polski, w r. 1937, 1938.

Uroczystość obchodu drugiej rocznicy otwarcia Studium Teologii Prawosławnej Uniwersytetu Warszawskiego 1925–8. II–1927, 1928. Odbitka z ks. IV "Емтс".

Zajikin W. Chreścijaństwo w Europie Wschodniej od czasów apostołskich, 1926.

Zakon Boży pro obecne školy, 1926. Podle výkladu Cirkve Východni vzdělal protojerej Vladimir Zach.
Zyzykin M. Kościół a prawo międzynarodowe (W związku z międzykościelną Konferencją Chreścijaństwa Praktycznego w r. 1937 w Oksfordzie "Church, state and Society"), 1936.

Zyzykin M. Nauki mechaniczne o społeczeństwie a Socjologia Chreścijańska, 1935.

Zyzykin M. O prawie kościelnem. (Wykład inauguracyjny wygłoszony na Uniwersytecie Warszawskim dn. 17 maja 1929 r.), 1929.

A.A. Памяти Высокопреосвященного Митрополита Михаила Ермакова, 1932.

Арсеньев Н. Несколько слов о Мистике, особенно Христианской, 1931.

Акафист Божественным Страстям Христовым, 1928.

Акафист Божией Матери "Светлей Обители странников бездомных", 1934.

Акафист Воскресению Христову, 1930.

Акафист Всем Святым от века Богу благоугодившим, их же память совершается Православною Церковью в первую неделю по Святой Пятидесятнице, 1928.

Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Иову, Игумену и Чудотворцу Почаевскому, 1928.

Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму, Саровскому Чудотворцу, 1929.

Акафист Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому, 1929.

Акафист Пресвятой Богородице пред Ее Чудотворною Иконою Жировицкою, 1937.

Акафист Пресвятой Богородице перед Святою Иконою Ее "Неувядаемый Цвет", 1926.

Акафист Пресвятой Богородице, 1928.

Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице "Взыскание погибших и всех скорбящих Радости", 1929.

Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице "Всех скорбящих Радости", 1928.

Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Почаевскою, 1928.

Акафист Пресвятой Владычице перед Ее чудотворною Иконою Холмскою, 1930.

Акафист Пресвятой и Животворящей Троице, 1928.

Акафист Покрову Пресвятой Богородицы, 1929.

Акафист Святителю Христову Николаю, 1928.

Акафист Святой Великомученице Варваре, 1929.

Акафист Святой Равноапостольной Марии Магдалине, 1928.

Акафист Святому Архангелу Михаилу, 1929.

- Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову, 1926.
- Акафист Святому Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову, 1929.
- Акафист Святому Великомученику и Победоносцу Георгию, 1929.
- Акафист Святому Великомученику и Целителю Пантелеймону, 1928.
- Акафист Святому Иоанну Предтече и Крестителю Господню, 1928.
- Акафист Святому Преподобному Афанасию, Игумену Брестскому, 1929.
- Акафист Святому Пророку Божию Илии, 1923.
- Акафист Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу, 1928.
- Акафист Трем Святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому, 1929.
- Акафист Успению Пресвятой Богородицы, 1929.
- Акафист Честному и Животворящему Кресту Господню. Творение иеромонаха Пахомия, святогорца обители Вознесения Господня, 1931.
- Акафист Честному и животворящему Кресту Господню, 1929.
- Алексий (Громадский)*, архиепископ. К истории Православной Церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего Митрополита Дионисия (1923–1933), 1937.
- Алексий*, архиепископ. К вопросу о составе нашего Церковного Собора и значении на нем епископов, 1930.
- Алексий*, архиепископ. Митрополит Георгий (Ярошевский), 1932.
- Алексий*, архиепископ. Отношение Митрополита Петра Могилы к Унии с Римом, 1932.
- Алексий*, архиепископ. Преподобный Серафим Саровский, Великий Угодник Божий и Чудотворец. Издание Миссионерского Комитета при Свящ. Синоде.
- Алексий*, епископ. О каноничности "Положения о внутреннем устройстве Православной Церкви в Польше", 1927.
- Алексий*, епископ. Посещение Его Блаженством Блаженнейшим Митрополитом Дионисием Святых Православных Автокефальных Восточных Церквей, 1928. Оттиск из журнала "Воскресное Чтение" за 1928 г.
- Антоний*, митрополит. В чем продолжалось отражаться влияние Православия на последних произведениях гр. Л.Н. Толстого, 1929.
- Антоний*, митрополит. Исповедь. Из воспоминаний по моим лекциям. Записано в 1919 г. в плену, 1928.
- Антоний*, митрополит. Творения Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, 1928.
- Апокалипсис или Откровение Апостола Иоанна Богослова с кратким толкованием, 1936.
- Арсеньев Н.* Античный мир и раннее христианство, 1933. Ч. II.
- Арсеньев Н.* Об искуплении нашем, 1928. Оттиск из книги IV-й журнала "Елпис".
- Арсеньев Н.* Православная Церковь и Западное Христианство, 1929. Часть I. Православие и Католичество.
- Арсеньев Н.* Просветление мира и жизни в христианской мистике Востока и Запада, 1934.
- Арсеньев Н.* Работа единения Церквей и современный мир, 1937.
- Арсеньев Н.* Работа смешанной Богословской Комиссии по вопросу о сближении Англиканской и Православной Церквей, 1932.
- Арсеньев Н.* Религиозный опыт Апостола Павла, 1935.
- Арсеньев Н.* Философский идеализм в древней Греции, 1927.
- Арсеньев Н.* Эдинбургская Конференция Христианских Церквей, 3–18 августа 1937 г., 1938.
- Арсеньев Н.* Еще несколько слов к софиологическому спору.
- Арсеньев Н.* Конгресс Православного Богословия в Афинах, 1938.
- Арсеньев Н.* Мудрование в богословии?
- Арсеньев Н.* О Хомякове, 1938.
- Біднов В.* Адам Зернікав і його догматичні трактати, 1934.
- Біднов В. К.В.* Харлампович (1870–1932), 1933.
- Біднов В.* Короткі історичні відомості, 1931.
- Біднов В.* Московській митрополит Макарії, 1932.
- Білоусенко О.* Старий Заповіт. Біблійна Історія для шкіл середніх, 1927. Видання перше.
- Білоусенко О.* Новий Заповіт. Біблійна Історія для шкіл середніх, 1927. Видання друге.

- Баторевич С.*, священник. Пойдем за Христом!, 1935.
- Бернская Всехристианская Конференция 1928 г. и участие в ней Высокопреосвященнейшего Митрополита Дионисия, 1927.
- Белайц С.* Без креста, без молитвы, 1930. Рассказ из советского быта.
- Белайц С.* Божья кара, 1929.
- Белайц С.* На пароходе, 1929.
- Белайц С.* Отшельник, 1929.
- Белайц С.* Проклятие странника, 1929.
- Белайц С.* Стрелочник, 1929.
- Беларуска-славянскі лемантар і першая навука Закону Божага, 1933.
- Благодатная Икона Божией Матери "Взыскание Погибших", обновившаяся 12 апреля 1927 года на хуторе Белеве, Ровенского уезда, на Воляни, 1928.
- Богогласник с нотами, 1935.
- Богомысленные размышления извлеченные из творений Святого Отца нашего Ефрема Сириянина, 1938.
- Богоявления Господне, 1927.
- Божественная Вратарница, 1926.
- Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Иоанна Златоустого, 1926.
- Божественная Литургия иже во Святых Отца нашего Василия Великого, 1926.
- Божественная Литургия Преждеосвященных Даров Святого Григория Двоеслова, 1926.
- Брешко-Брешковский Н.* Ряса и кровь, 1925.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Сборник церковных поучений, 1928. Выпуск I. О Правосл. Церкви, ее таинствах и некоторых установлениях (против штундистов). Составил Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Сборник церковных поучений, 1928. Выпуск II. Проповеди по преимуществу вероучительного содержания. Составил Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Сборник церковных поучений, 1928. Выпуск III. Проповеди по преимуществу содержания нравоучительного. Составил Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Сборник церковных поучений, 1928. Выпуск IV. Поучения преимущественно о храме и о том, что в нем совершается. Составил Червяковский Е.О.
- В помощь пастырям и в назидание пасомым. Сборник церковных поучений, 1928. Выпуск V. Поучения преимущественно по разнообразным обстоятельствам церковно-общественной жизни паствы. Составил Червяковский Е.О.
- Вечерня и утренняя, 1926.
- Витязевский С.* Любовь и правда, 1929.
- Воссоединение униатов с Православной Церковью в 1839 г. и конкордат Рима с Россией в 1847 г., 1931. Материалы для защиты интересов Православной Церкви против исков, возбужденных р.-католическим епископатом в Польше.
- Гарднер И.* Забытое богатство (О пении на подобен), 1930.
- Гарднер И.* Об инструментальной музыке и о хоровом полифоническом пении в Православном Богослужении, 1931.
- Гарднер И.* Таинственный смысл утрени Великой Субботы, 1930.
- Гаврилков К.*, священник. Беседы по Закону Божию с детьми младшего возраста, 1936.
- Гаврилков К.*, священник. Церковная жизнь в С.С.С.Р, 1938.
- Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии, 1928.
- Годичное собрание Исполнительного Комитета и Комитета Продолжения Стокгольмской Всемирной Конференции Практического Христианства 5–9 сентября 1929 г. в городе Эйзенах (Германия), 1930.
- Годичное собрание Комитета Продолжения Лозанской Всемирной Конференции Веры и Церковного Строя в Moloja (Engaline) в Швейцарии, 27–30 августа 1929 года, 1930.
- Граббе Ю.* Алексей Степанович Хомяков, 1929.
- Граббе Ю.* Англикане и Православная Церковь.

- Граббе Ю.* Истинная соборность, 1930.
- Граббе Ю.П.* Культура, прогресс и Церковь, 1931.
- Граббе Ю.П.* Свобода с христианской точки зрения, 1931.
- Д.Ц. "О единстве Церкви". По поводу брошюрки под вышеуказанным заглавием бывшего православного протоиерея Аркадия Никольского, 1929.
- Двенадцать Евангелий Святых Страстей Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, читаемых во Святой и Великий Пяток на Утрени, 1937.
- Деяния I-го Вселенского Собора. Собор Никейский первый, 1925.
- Динько-Никольский Й.*, протоиерей. Служба Бога для мирян, 1930.
- Дионисий*, митрополит. Новейшие раскопки и открытия в римских катакомбах Св. Каллиста на Аппиевой дороге, 1928.
- Дионисий*, митрополит. Божественное Откровение, как источник истинного Богопознания, 1938.
- Дионисий*, митрополит. Евхаристичный культ на Україні, 1936. Библиотека "Нашої Культурі".
- Дионисий*, митрополит. Пасторология Св. Иоанна Лествичника, 1927.
- Дионисий*, митрополит. Пастырское изучение людей и жизни по святоотеческим творениям, 1926. Отрывок из вступительной лекции Высокопреосвященного Митрополита Дионисия по Пастырскому Богословию в Варшавском Университете 4 мая 1925 г.
- Дионисий*, митрополит. Христианская археология, ее характер и ее научный метод, 1928.
- Дионисий*, митрополит. Христианство и искусство, 1935.
- Дополнительный требник, 1929.
- Его Блаженству, Блаженнейшему Дионисию, Митрополиту Варшавскому и Волынскому и всея Польши, Священно-Архимандриту Почаево-Успенской Лавры, в день его юбилеев: двадцатилетнего епископского (1913 Фомино/воскресение 1933) и десятилетнего митрополичьего (1923 23/IV 1933), "Слово" и "Воскресное Чтение", 1933.
- Житие Св. Великомученицы Параскевы по руководству Четьих-Миней, 1926.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Іоана Богослова, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Луки, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Марка, 1927.
- Життя та страждання Святого Апостола і Евангелиста Матфея, 1927.
- Жуковский С.*, митрофорный протоиерей. Вера и неверие, 1930.
- Заїкін В.* Проф. Іван Огієнко як церковни та громадський діяч і як учений, 1925.
- Заикин В.* К вопросу о положении Православной Церкви в Польском Государстве в XIV–XVII веках, 1935.
- Заикин В.* Униатский Архиепископ Марциан Белозор. Страницы из истории Униатской Церкви в эпоху ее побед и "расцвета", 1935.
- Заикин В.* Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и "соборность" в Киевской Митрополии в XVI и XVII веках, 1930.
- Замечания на проект брачного права, выработанный кодификационной комиссией Польской Республики, 1932.
- Записки по Православно-Христианскому Вероучению, 1928. Курс VII класса гимназий. Составил Протоиерей Антоний Миронович.
- Зноско К*, протоиерей. Виленская Островоротная или Остробрамская Чудотворная Икона Божией Матери. Исторический очерк ее происхождения и захват униатами и католиками, 1932.
- Зноско К*, протоиерей. Житие и страдания Святого Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестского (1595–1648), 1931.
- Зноско К*, протоиерей. Житие и страдания Святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия (1347), 1932.
- Зноско К*, протоиерей. Житие Преподобного Иова, Игумена и Чудотворца Почаевского (1550–1651), 1932.
- Зноско К*, протоиерей. Исторический очерк Церковной Унии, ее происхождение и характер, 1933. Часть I. Флорентийская уния. Часть II. Литовская церковная уния.

- Зноско К*, протоиерей. Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия, 1933.
- Зноско К*, протоиерей. Латинизация Православного Богослужения в Униатской Церкви, 1932.
- Зноско К*, протоиерей. Римская неправда о главе Вселенской Церкви. Разбор католического учения о папском примате в связи с книгой И.А. Забужного "Православие и Католичество", 1932.
- Зызыкин М*. Международное общение и положение в нем человеческой личности (Социологический очерк), 1934.
- Зызыкин М*. О каноническом положении правящего Епископа и областного первоиерарха – представителя в Православной Церкви, 1933.
- Зызыкин М*. Оксфордская Конференция Практического Христианства "Church, State and Society" 1937 года и ее постановления, 1938.
- Зызыкин М*. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи, 1931. Часть I. Историческая почва и источники Никоновских идей.
- Зызыкин М*. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи, 1934. Часть II. Учение Патриарха Никона о природе власти государственной и церковной и их взаимоотношении.
- Зызыкин М*. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи, 1938. Часть III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне.
- Зызыкин М*. Философия власти в свете христианской социологии, 1933.
- Зызыкин М*. Церковный канон и право государства в замещении епископских кафедр (Его юридическая природа), 1933.
- Зызыкин М*. Церковь и международное право (К межцерковной конференции практического христианства 1937 г. в Оксфорде "Church, State and Society"), 1938.
- Зызыкин М*. Функция церковной власти. Епископ, как ее орган, 1931.
- Иверий*. "Страстная Пятница", 1929.
- Игнатий (Озеров)*, иеромонах. На Конференции Русского Христианского Студенческого Движения в Латвии в августе 1928 г., 1929.
- Иоанн (Максимович)*, иеромонах. Учение о Софии Премудрости Божией, 1930.
- Иоанн (Шаховской)*, иеромонах. Легенда о Великом Инквизиторе (Опыт религиозного комментария), 1933.
- Иоанн*, иеромонах. О духовной жизни (Лекция), 1935.
- Ириней*, епископ Новосадский. Безопасность народов, основанная на их дружбе, вместо безопасности, основанной на вооружениях, 1929. Доклад на III Конгрессе Всемирного Союза нахождения дружбы между народами через посредство Церквей (Прага, 29.08.28).
- История Православной Церкви. Учебник по Закону Божию для VII класса семиклассных повшехных школ, 1932. Издание второе, исправленное и дополненное.
- Історія Православної Церкви. Підручник для православних учнів, 1934. Видання друге.
- Карташев А*. Практика апелляционного права Константинопольских Патриархов, 1936.
- Карташев А*. Церковь и Государство (Восточно-православная точка зрения), 1937.
- Карташев А*. Церковь и государство, 1938.
- Касперский Л.*, священник. Чудо Христова Воскресения, 1936.
- Катехизис. Учебник по Закону Божию для пятого класса семиклассных повшехных школ, 1929. Часть первая: о Вере.
- Катехизис. Учебник по Закону Божию для VI класса семиклассных повшехных школ, 1935. Часть вторая: О Надежде. Часть третья: О Любви. Издание второе.
- Катихізіс, або в що вірує православний християнин. Підручник релігії, для шкіл народніх, 1927. З російської мови переклав Прот. Йосиф Динько-Никольський.
- Кляевский Л.*, протоиерей. Новоградская Борисо-Глебская Церковь, 1927.
- Коновалов В.А.* Духовный суд и расторжение брака православных, 1929. Под редакцией и с разъяснением К.Н. Николаева, юрисконсульта Канцелярии Св. Синода.
- Котович А*. Про релігію та її необхідність, 1927.
- Краткий Молитвослов, 1926.

- Краткий Молитвослов, 1938.
- Краткия Жития Святых на весь год, 1929.
- Краткое толкование Апокалипсиса или Откровения Апостола Иоанна Богослова, 1925.
- Кулаков В. Новая жизнь во Христе (По Евангельским Блаженствам), 1937.
- Кулаков В. Грех и страдания по учению Св. Василия Великого, 1933.
- Кулаковский С. Белый клобук и шапка Мономаха, 1926.
- Кулаковский С. Коляда-Епифания, 1927.
- Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича, 1926.
- Кулаковский С. Сказания иностранцев о Московской Руси, 1926.
- Кулаковский С. Чудо Богоматери о Феофиле, 1926.
- Куницкий А. Заклик до Туркович, 1931. Вірші.
- Л.К., протоиерей. К вопросу о соединении Церквей, 1931.
- Лекции проф. Н.С. Арсеньева, читанные на Богословском факультете Варшавского Университета в 1926–1927 гг., 1927.
- Лелявский Б.Н. Религиозная полемика с коммунистами в XVI-м веке, 1933.
- Лотоцкий Г., священник. Христос, как историческая личность, 1936.
- Лотоцкий О. Автокефалия, 1938. Нарис історії автокефальних церков. Т. 2.
- Любарский С. Турковицкий Монастир, 1930.
- Любарский С. Тукровицкий Образ Божої Матери, 1930.
- Малая Лествица Преподобного Отца нашего Иоанна, Игумена Синайской горы, 1934.
- Мальшевский И. Правда об унии к православным христианам, 1928.
- Международная Христианская Организация. Курс лекций в Женеве 1–4 сентября 1926 г., 1927.
- Мельников Ф. Безбожие недоказуемо, 1933.
- Мельников Ф. Безбожники сами верующие, хотя и бессознательно. Непредвиденный диспут при приеме на пчеловодные курсы в Советской России, 1933. Выпуск первый. Издание второе.
- Мельников Ф. Основы безбожия, 1933.
- Меч духовный, 1927.
- Молебное пение о гонимых и страждущих за веру в Советских Републиках, 1928.
- Молитва разрешительная, от иерея над представившимся читаемая.
- Молитва за Св. Церковь, в скорби и обстоянии сущую, 1931.
- Молитви щоденні для православних дітей, 1937.
- Н.В., протоиерей. К вопросу о так называемой общей исповеди, 1934. (Написано в Советской России одним из исповедников Св. Веры).
- На память о первом пятилетии Православного Митрополитального благотворительного общества в Варшаве, 1929.
- Наука про Службу Божу. Підручник для класи IV семиклясових початкових шкіл, 1938. Видання третє, виправлене і доповнене. Начало христианства на Холмщине, 1938.
- Начатки Христианского Православного Учения, 1924.
- Непрошенные радители, или около автокефалии Православной Церкви в Польше, 1929.
- Никитюков Н., митрофорный протоиерей. Вышний Покров над миром, 1937.
- Никитюков Н., митрофорный протоиерей. Заживо погребенный. Быль, 1938.
- Николаев К.Н. Суд присяжных в России 1864–1917 гг. Опыт характеристики, 1927.
- Николаев К.Н. Правовое положение Православной Церкви в Польше и ее имущественные права с точки зрения административной практики, 1929.
- Николаев К.Н. Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше, 1927.
- Новые материалы об Оптинском старце Амвросии, 1935.
- О Православных Церковных Братствах в Юго-Западной России, 1932. Доклад Архиепископа Алексия (Дородницына) Первому Всеукраинскому Православному Церковному Собору в Киеве.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Дискант.

- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Альт.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Тенор.
- Обиход нотного церковного пения для четырехголосного смешанного хора, 1931. Часть 1. Воскресное всенощное бдение. Бас.
- Огієнко І.* Начатки християнства серед українського народу, 1925.
- Огієнко І.* Новочасний церковно-слов'янський правопис. Історичний нарис з палеографії та палеотипії, 1926. З семинара церковно-слов'янської мови Православного Богословського Відділу Варшавського Університету.
- Огієнко І.* Дерманська друкарня. Історично-літературний нарис з культурного життя давньої Волині, 1925.
- Огієнко І.* Константин і Мефодій. Їх життя та діяльність, 1927. Ч. 1.
- Огієнко І.* Константин і Мефодій. Їх життя та діяльність, 1928. Ч. 2.
- Огієнко І.* Константин Философ. Спроба характеристики на основі історичних матеріалів, 1927.
- Огієнко І.* Методологія перекладу Св. Письма та Богослужбових книг на українську мову, 1927.
- Огієнко І.* Приєднання церкви української в 1686 р., 1925.
- Огієнко І.* Присяга молодих на вінчанні, 1925. Бібліотека "Духовної Бесіди".
- Огієнко І.* Пам'ятки старо-слов'янської мови X–XI віків, 1929.
- Огієнко І.* Повстання азбуки й літературної мови у слов'ян, 1927.
- Огієнко І.* Св. Мефодій в вязниці. Історичний нарис з часу боротьби триязичників проти богослуження живою мовою в IX віці, 1927.
- Огієнко І.* Слов'янська палеографія, 1928.
- Огієнко І.* Триязична ересь за часів Константина й Мефодія. Історично-літературна розвідка про боротьбу живої мови за право бути мовою церкви в IX віці, 1927. Видбитка з журналу "Духовний Сіяч" за 1927 р.
- Огієнко І.* Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці. Нарис с історії української фонетики, 1926.
- Огієнко І.* Фонетика церковно-слов'янської мови, 1927.
- Огієнко І.* Хрещення українського народу, 1925.
- Огієнко І.* Оповідання ченця Хороброго про письмена словянські. Текст і додатки, 1927. Відбитка з журналу "Елпс" кн. III за 1927 р.
- Огицкий П.,* протоиерей. Пренепорочность Богоматери. Опровержение латинского догмата о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии, 1932.
- Підручник Закона Божого для семиклясових початкових шкіл. Кляса пята і шоста. Катехизис, 1928. Частина перша: Про Віру. Частина друга: Про Надію. Частина третя: Про Любовь. Видане друге.
- Памяти в Бозе почившего Патриарха Антиохийского Григория IV, 1929.
- Пантелеймон,* архиепископ. Крест Христов в православном понимании, 1933.
- Пантелеймон,* архиепископ. Против безбожия, 1933.
- Пападопуло Г.* Апология библейской космогонии, 1926.
- Пастырское служение или душепопечение по слову Божию и разумению свв. отцов Вселенской Церкви, 1927.
- Первоначальное Наставление в Законе Божию. Учебник по Закону Божию для первого класса семиклассных повсехных школ, 1929. Издание третье, исправленное и дополненное.
- Петрухин И.* Богоматерь. Полное описание ее земной жизни, 1930.
- Певницкий В.* Основные пункты об учении о пастырском служении, 1926.
- Первое собрание представителей духовенства и мирян святой Польской автокефальной Православной Церкви. 10–15 января 1917 года в Варшаве.
- Петрухин И.* Обновляются иконы. Повесть наших дней, 1927.
- Полный Молитвослов Православного Христианина с переводом на русский язык всех

молитв и песнопений и с приложением духовных песен и краткого Православного Катехизиса, 1929.

Полный требник, состоящий из Требника и Дополнительного Требника.

Помазанский М., протоиерей. Христос, Церковь и Государство. Доклад, прочитанный в XIII Духовном Собрании, организованном в Варшаве Братством Православных Богословов, 1938.

Поминание, 1930.

Помятник. С последованием общего молебна и панихиды по усопшим, 1930.

Последование в Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу, 1926.

Последование молебного пения о обращении заблудших, певаемого в неделю Православия и во иных потребных случаях, 1926.

Последование молебных пений, 1930.

Последование освящения Храма, егда творить е иерей, избранный на сие от архиерея и искусный, 1925.

Последование Парастаса сиречь Великия Панихиды и Всенощного Бдения, певаемого по усопшим, 1929.

Поснов М. Митрополит Антоний, как православный богослов-догматист. По поводу 40-летия его учено-литературной деятельности.

Похорон світських людей, 1935.

Початкова наука Закону Божого для кляси I семиклясових народніх шкіл, 1930.

Правовое положение святой Автокефальной Православной Церкви в Польше. Доклад I-му Поместному Собору Православной Церкви в Польше, 1931.

Православие в мировом христианском движении, 1926.

Православний Молитовник, 1930. Переклав проф. Іван Огієнко.

Православно-Христианское Нравоучение или Христианская Этика, 1934. Издание второе, исправленное и дополненное.

Православно-Христианское Вероучение, 1934. Издание второе, исправленное и дополненное.

Православное Богослужение. Учебник по Закону Божию для четвертого класса семиклассных повшехных школ, 1931. Издание третье, исправленное и дополненное.

Православное учение о спасении, 1927.

Притеснение религии в России. Речь, произнесенная в Палате Лордов Архиепископом Кентерберийским 2 апреля 1930 года.

Прорвич С. Песня соловья. Рассказ для детей, 1933.

Проскомидия Литургии Святой или Чин приношения церковного, предложенного в жертву Богу, 1926.

50 картин для наглядного преподавания Закона Божия. По благословиению Его Блаженства, Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши.

Религии против войны. Протоколы Подготовительного Комитета "Всемирного Религиозного Конгресса Мира", состоявшегося в Женеве 12–14 сентября 1928 года, 1929.

Речь. М.В. Зызыкина перед диспутом в Париже 26 февраля 1929 года на защите диссертации "Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи", 1929.

Рогальский Н., протоиерей. Краткий очерк религиозно-философских систем теософии и антропософии.

Рошицкий Ю. Всемирная Конференция Веры и Строя Церковного. Собрание Комитета Продолжения в Праге в сентябре 1928 года, 1929.

Рошицкий Ю. Всемирная Конференция Практического Христианства. Годичное собрание Исполнительного Комитета Продолжения 31 августа – 5 сентября 1928 года в Праге, 1929.

Рошицкий Ю. Всеобщая Религиозная Конференция Мира в Женеве 12–14 сентября 1928 года, 1929.

Русско-Славянский Букварь и первое наставление в Законе Божиим. Подарочек добрым деткам, 1933. Издание третье, исправленное и дополненное.

Савостьянов А. Светлое Христово Воскресение и празднование Святой Пасхи в изображении русской поэзии, 1929.

Сагайдаковский А., протоиерей. Святой Великий и Славный Пророк Божий Илия, 1937.

- Сагайдаковский А.*, священник. Молитвы и мелодии, 1925.
- Сайкович Д.*, протоиерей. Богословствование в Бозе почившего Блаженнейшего Митрополита Антония Храповицкого, 1938.
- Сайкович Д.*, протоиерей. Что ожидает нас за гробом?, 1935.
- Св. Великий Князь Владимир и Холмская Икона Божией Матери, 1938.
- Светлой памяти Епископа Чарльза Брента, 1929.
- Святе Евангеліє, 1938.
- Священная история Ветхого Завета. Учебник по Закону Божию для второго класса семиклассных повшехных школ, 1930. Издание четвертое, исправленное и дополненное.
- Священная История Нового Завета. Учебник по Закону Божию для III-го класса семиклассных повшехных школ, 1935. Издание четвертое, исправленное и дополненное.
- Священна Історія Старого Заповіту. Підручник для класи II семикласових початкових шкіл, 1937. Видання п'яте.
- Священна Історія Нового Заповіту. Підручник для класи III семикласових початкових шкіл, 1937. Видання п'яте, виправлене і доповнене.
- Серафим*, архиепископ. Церковь и Советская власть, 1933.
- Серафим*, игумен. Светлой памяти столпа Православия Блаженнейшего Дамиана Патриарха Иерусалимского (Венок на могилу), 1932.
- Сельское хозяйство, 1925.
- Семенюк А.*, священник. Записки по Православно-Христианскому Нравоучению. Пособие для второго курса лица (VII класса гимназии), 1936.
- Семенюк А.*, священник. Записки по Православно-Христианскому нравоучению. Пособие для второго курса лица (VIII класса гимназии), 1936.
- Скворцов М.* Воскресение Христово, как чудо истории христианства, 1929.
- Служба и акафист Святому Равноапостольному Князю Владимиру, 1938.
- Служба на каждый день Первой Седмицы Святой Четырнадцатницы, 1927.
- Служба Преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому, Пустыннику Египетскому, 1929.
- Служба Преподобному Отцу нашему Стефану, Епископу Владимировольнскому, игумену Печерскому, 1928.
- Служба Преподобномученику Афанасию, Игумену Брестскому, 1929.
- Службы на каждый день Страстных Седмицы, 1929.
- Страсти Христовы и плач Пресвятыя Богородицы при Кресте Спасителя, 1928.
- Тарасий*, иеромонах. Перелом в древнерусском богословии. С предисловием Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония (Храповицкого), 1927.
- Таубе М.А.* Аграфы. О незаписанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа, 1937.
- Теодорович Т.*, протопресвитер. К сорокалетию пастырства. 1895 17(30)/IX 1935, 1935.
- Теодорович Т.*, протопресвитер. Пасха. Светлая седмица. Изложение порядка Пасхальных служб с объяснением их внутреннего содержания, 1933.
- Теодорович Т.*, протопресвитер. Почаевская Успенская Лавра и ее святыни, 1930.
- Теодорович Т.*, протопресвитер. Руководственные пастырские советы молящимся относительно поведения за богослужением, 1930.
- Теодорович Т.*, протопресвитер. Страстная Неделя. Воспоминания великих дней Страстной Недели с кратким изложением содержания церковных служб ее, 1932.
- Типикон, 1938.
- Требник, 1925.
- III-й Конгресс Всемирного Союза насаждения дружбы между народами посредством Церквей в Праге Чешской, 24–30 августа 1928 года, 1929.
- Троцкий С.* Что такое живая Церковь?, 1927.
- Тучемский М.*, протоиерей. На защиту христианства. Социализм и марксизм, как проводники пропаганды безбожия, 1934.
- Українсько-Слов'янський Букварь, перше навчання в Законі Божому. Подарунок добрим діткам, 1933.

- Учебник по Закону Божию для седьмого класса повсехных школ, 1925. Седьмая книга. Краткая история Православной Церкви.
- Феодосий*, архиепископ. Можно ли христианину согласиться с учением теософов о перевоплощении людей?, 1928.
- Феофан*, архимандрит. Пастырское делание на приходе, 1934. (Реферат прочитанный на Варшавско-Холмском Епархиальном собрании духовенства и мирян 20 декабря 1933 г.).
- Феофан*, архимандрит. Путешествие в Румынию Его Блаженства, Блаженнейшего Дионисия, Митрополита Варшавского и всея Польши в 1937 году, 1937.
- Феофан*, архимандрит. Святитель Феофан, затворник Вышенский, как образ православного архипастыря, 1934.
- Филарет*, митрополит. Православный Христианский Катехизис Митрополита Филарета в общедоступном изложении, 1935.
- Филипп (Гарднер)*, иеромонах. Два забытых подобна, 1932.
- Филипп (Гарднер)*, иеромонах. Догматическое содержание Канона Великой Субботы, 1935.
- Филипп (Гарднер)*, иеромонах. К вопросу о переложениях церковных распевов для хора, 1932.
- Филипп (Гарднер)*, иеромонах. Религиозные черты в творчестве Есенина, Клюева и в опере "Сказание о невидимом граде Китеже и о деве Февронии", 1932.
- Филипп (Морозов)*, иеромонах. Религиозно-философское мировоззрение Вл.С. Соловьева, 1928.
- Холмская Чудотворная Икона Божией Матери, 1930.
- Храцевский Ф.*, священник. Божественность Иисуса Христа, 1937.
- Церковные торжества в гор. Гродне 13–15 октября 1934 года, 1934.
- Часослов, 1925.
- Червяковский Е.О.* Катехизические беседы о святом Храме со всеми его необходимыми принадлежностями и о всех церковных службах круга суточного христианского богослужения, 1929.
- Чернавин И.*, протоиерей. О бытии Божиим, 1937.
- Чин наречения и хиротонии во епископы, 1931.
- Чин присоединения и помазания Св. Миром приходящих ко Православной Церкви от Римско-Латинского Вероисповедания, 1934.
- Чин поклонения Святой Плащанице, совершаемый в Варшавской Митрополичьей Пещерной Церкви во имя Страстей Христовых, 1931.
- Чин последования Божественным Страстям Христовым (Пассий), 1934.
- Шамардин С.*, священник. Мировое значение Православия и задачи Масонства, 1930.
- Шамардин С.*, священник. Раскрытие тайн так называемой теософии или антихристианософии, 1930.
- Ярмолюк И.*, протоиерей. Стоит ли жить? (Смысл жизни), 1935.
- Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь, 1937.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щавинская Л.Л.* Народные листки и брошюры, напечатанные православной церковью в межвоенной Польше // Славяноведение. 1996. № 2. С. 75–86.
2. *Лабьнецв Ю.А.* Народная литература православной Польши: 1918–1939 // Славяноведение. № 2.
3. *Постников С.П.* Политика, идеология, быт и ученые русской эмиграции (1918–1945): Библиография. Нью-Йорк, 1993. Т. 1–2.
4. *Кравецкий А.Г.* Дискуссии о церковнославянском языке (1917–1943) // Славяноведение. 1993. № 5.
5. Kościół Prawosławny w Polsce dawnej i dziś. Warszawa, 1993. [Cz. 1]. S. 150.

© 1998 г.

БЕРНШТЕЙН С.Б.

ИЗ "ЗИГЗАГОВ ПАМЯТИ"

Скончался патриарх российского славяноведения, один из основателей современного славянского сравнительного языкознания, новейшей болгаристики и палеославистики Самуил Борисович Бернштейн. Родившись в 1911 г. в дальневосточном Баргузине в семье ссыльных революционеров, он был воспитан в лучших интеллигентских традициях. Еще в школьные годы Самуила Борисовича серьезно заинтересовал мир науки. Он мечтал стать философом, но судьба распорядилась по-иному...

Сотрудникам Института славяноведения и балканистики РАН М.Ю. Досталь и А.Н. Горяинову удалось познакомиться с обширными воспоминаниями ученого "Зигзаги памяти". Воспоминания доведены до 1983 г. и представляют собой две объемистые папки машинописного текста с авторской правкой, охватывающие, по существу, период с первых десятилетий XX в. Мемуары обработаны в форме погодных записей на 1943 и последующие годы с обширными вставками о событиях предшествующей жизни автора. Они содержат много интересных эпизодов творческой деятельности ученого, впечатления о встречах с коллегами, выдающимися деятелями науки и культуры. С.Б. Бернштейн рассказывает о положении интеллигенции в 30–50-е годы XX в., размышляет о смысле жизни, сути различных культурных и нравственных явлений. Портреты современников иногда не лишены элементов субъективизма, а в отдельных случаях даны "с перцем", ярко характеризую бескомпромиссную нравственную позицию автора.

В публикуемых с разрешения С.Б. Бернштейна отрывках говорится о том, как мемуарист избрал свою специальность, о трудных условиях, в которых ему довелось получать высшее образование, об организации учебного процесса на этнологическом факультете Московского университета, в том числе на цикле южных и западных славян. Ранее и сам Самуил Борисович [1], и другие ученые [2] уже писали в журнале "Славяноведение" и иных изданиях о судьбах славяноведения в сложные для отечественной науки 1920–1930-е годы. Публикуемые отрывки воссоздают обстановку, в которой проходило становление первых советских славяноведов. Думается, что они будут интересны как для истории науки в целом, так и для биографии одного из видных ее представителей.

К печати воспоминания подготовлены А.Н. Горяиновым и М.Ю. Досталь.

[...] 4 августа 1943. Отчетливо всплывают в памяти все события лета 1928 года. Прошло с тех пор 15 лет, а память цепко держит не только основные факты, но и все переживания, все эмоции. Тогда решалась моя судьба, вся моя будущая жизнь. И все зависело не только от удачи, внешних обстоятельств, но в еще большей степени от собственного выбора, от собственных решений. Все сложилось так, что верный путь был найден не мною, а теми случайными людьми, которые в тот момент казались мне моими злейшими врагами.

Стучат... Стучат... Стучат... Ритмично стучат колеса вагона, с каждой минутой приближая меня к Москве. Стучит... Стучит... Стучит... Стучит сердце юноши. Каждый его удар приближает юношу к осуществлению его заветной мечты – получить высшее философское образование в Первом Московском университете¹. Юноша читался не только общедоступной философской литературы, но прикасался к трудам Гегеля, Фейербаха, Шопенгауэра, Бергсона²... Он глубоко убежден, что сможет сказать в этой науке свое слово. Его сочинение "Опыт критики эстетики Писарева" во многих списках ходило по рукам не только учеников, но и учителей. Прощай Владивосток!

[...] Душа провинциала наполнена восторгом. Прежде между мной и русской культурой существовала многослойная пленка. Теперь я могу дотронуться до этой культуры, она рядом. В этом доме часто бывал Пушкин, а в этом ветхом строении родился Лермонтов... И так каждый день. Вот крупно шагает по улице Маяковский, вот в букинистическом магазине разглядывает огромный фолиант Мейерхольд, вот в фойе театра читает афишу Вересаев... И так каждый день. Провинциал с душой, наполненной счастьем, смотрит в театре живых и реальных знаменитых актеров, посещает доклады и диспуты, на которых можно услышать Луначарского, митрополита Введенского³, профессора Сакулина⁴... Голова идет кругом. Волнуют не только живые люди, но и исторические здания. Как жаль, что нельзя пройти в Кремль! Но и без Кремля много интересного.

Знакомлюсь с родственниками отца. Среди них наибольший интерес вызывает семья Голомб. Глава семьи – известная личность среди издателей, журналистов, актеров. Здесь я могу встретить Михаила Кольцова⁵, Зорича⁶, певца Мигая⁷, Льва Никулина⁸... Шумная, веселая публика. От встреч со знаменитыми людьми я наполняюсь новым чувством собственного величия. Мне кажется, что я сам стал умнее, значительнее...

Время бежит стремительно, а на носу главное – университетские дела. С каждым днем им приходится уделять все больше и больше времени: с первого августа начинаются экзамены. Пока же нужно оформить документы и подать их в приемную комиссию. Меня почему-то радует, что председателем приемной комиссии является проф[ессор] Сержников, книжку которого о Канте [3] я читал еще в школе.

¹ Так нынешний Московский университет именовался в 1918–1930 гг. в связи с существованием в Москве Второго и Третьего университетов.

² Бергсон А. (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Профессор Колеж де Франс. Член Французской академии (1914), Нобелевский лауреат по литературе (1927).

³ Введенский А.И. (1888–1946), идеолог русской обновленческой церкви.

⁴ Сакулин П.Н. (1868–1930), литературовед, профессор Московского университета, с 1929 г. – академик. Участник Международного съезда славистов в Праге (1929). Пытался приблизить литературоведение к марксизму, что иногда сопровождалось вульгарно-социологическими формулировками и методологическим схематизмом.

⁵ Кольцов М.Е. (псевдоним М.Е. Фридлянда, 1898–1942), журналист, писатель, редактор ряда журналов.

⁶ Зорич (псевд. Т.В. Локтя, 1899–1937), писатель и журналист, известный фельетонист.

⁷ Мигай С.И. (1888–1959), певец и педагог, Народный артист РСФСР (с 1939 г.). Пел в театрах Москвы и Петербурга, был солистом Всесоюзного радио.

⁸ Никулин Л.В. (1891–1967), писатель, автор романов, книг о людях искусства, мемуаров.

В [19]20-е годы двери высших учебных заведений для детей интеллигенции фактически были закрыты. Мой двоюродный брат, сын известного в Москве врача, четыре года подряд выдерживал успешно все вступительные экзамены, но каждый раз получал отказ в приеме. Лишь проявив поразительную настойчивость, он в пятый раз поступил в Институт им. Плеханова, очень далекий от его подлинных интересов. Поступающих экзаменовали спокойно, справедливо, выставляли заслуженные баллы, но в приеме отказывали при любых оценках. Существовала даже специальная печатка с трафаретным текстом, которую ставили на почтовой карточке: "Сообщаем, что Вам в приеме отказано за отсутствием мест". Наоборот, принимали при самых слабых ответах на экзаменах выпускников рабфаков, детей рабочих и крестьян, молодых рабочих. Строже экзаменовали представителей партийной интеллигенции, но и здесь достаточно было иметь самый низкий положительный балл (т.е. удовлетворительно). Были специальные решения правительства о детях членов Общества старых большевиков, Общества полит. каторжан, детей [лиц], работающих на Далеком Севере и др. Их приравнивали к первой группе (т.е. к детям рабочих). При положительных баллах на экзаменах их обязаны были принять. Но только при положительных баллах. Вот в этом-то и была вся загвоздка.

Каждый поступающий в университет обязан был подать заявление с указанием факультета и отделения, автобиографию, анкету и аттестат об окончании среднего учебного заведения. Кроме того, имеющие привилегии при поступлении должны были представить соответствующие справки. Таким образом, я должен был представить справку о том, что я – сын члена Общества полит. каторжан. Для получения этой справки нужно было пойти в Лопухинский переулок, где в то время находилось правление Общества.

В Обществе меня направили к небольшому тучному человечку с копной рыжих волос. Фамилия его была Баум. Среди его многочисленных мелких обязанностей была и та, в которой в данный момент я испытывал потребность. Равнодушно взглянув на меня, Баум взял уже заготовленную справку, на которой нужно было проставить только фамилию, поставить печать и подпись старосты Общества. Маска равнодушия слетела с лица Баума, когда он узнал, что я являюсь сыном Бориса Самойловича Бернштейна⁹.

Дело в том, что в журнале Общества "Каторга и ссылка" совсем недавно Баум опубликовал статью, в которой сообщал о революционной деятельности отца¹⁰. Теперь Баума нельзя было узнать. На его полном широком лице сияла улыбка, глаза светились любовью, он беспрестанно обнимал меня. Лицо его стало озабоченным, когда я напомнил о справке.

– Мне очень хочется помочь сыну Бориса Самойловича – сказал Баум. Помолчав, он неожиданно тоном заговорщика сказал:

– Приходи ко мне домой завтра вечером. Твой вопрос нужно обсудить всесторонне.

На другой день вечером я уже сижу в комнате Баума. Идет серьезная беседа. Говорит Баум:

– В прошлом году я выдал справки двенадцати молодым людям. Никто из них не поступил в высшие учебные заведения, так как никто не выдержал всех экзаменов. А среди них были способные и хорошо подготовленные ребята. [...] Есть указание не засорять университет социально неполноценными молодыми людьми. Поэтому вопреки специальным постановлениям делают все возможное и невозможное, чтобы не принимать детей интеллигенции. А для этого есть разные способы...

Поступающему нужно было пройти через пять испытаний: сочинение, устный экзамен по русской литературе, физику, математику и, наконец, историю (в те годы

⁹ Бернштейн Б.С. (1887–1938), участник революционного движения в России, член Бунда, затем РСДРП.

¹⁰ В статье [4] наряду со сведениями о суде над писателем А. Соболев публикуются документы о его осуждении совместно с Б.С. Бернштейном.

этот предмет назывался обществоведением). Первые четыре испытания идут нормально, справедливо. Какая-то часть неугодных будет отсеяна уже на этих этапах. Но часть подойдет к последнему барьеру со щитом... И вот здесь начнет действовать секретная инструкция проваливать на экзамене всех тех, против фамилии которых экзаменатор увидит легкий след от хорошо отточенного карандаша.

Все это было для меня неожиданным и новым. Впервые в жизни я узнал, что принадлежу к неполноценным в социальном отношении людям.

Баум продолжает:

– У меня есть план. Ты подаешь все документы без справки от нашего Общества. В автобиографии напиши, что отец – член Общества полит. каторжан. Это необходимо. Обычно в автобиографии читают только до того места, где сообщается социальное происхождение. То, что ты – сын служащих, напиши разборчиво на первой строчке, а о членстве отца в нашем Обществе – на третьей или четвертой. До этих строк не дойдут. Таким образом, ты не попадешь в крамольный список, и экзамены пройдут нормально. Затем ты получишь отказ. Вот тогда мы начнем действовать. Конечно, мы идем на риск, но другого выхода я не вижу.

Так и порешили. Среди поданных документов справки не было.

Экзамены полностью подтвердили слова Баума. Все стало очевидным на последнем экзамене по истории.

За сочинение "А.П. Чехов как представитель русской интеллигенции 80-х годов" я получил отличную оценку. Специально было отмечено отсутствие грамматических ошибок и большое число точных цитат из произведений Чехова. Помню, такой отзыв меня даже обидел. Устный экзамен по литературе быстро из обычного экзамена превратился в беседу двух специалистов. Экзаменатор, проф[ессор] А.С. Орлов¹¹, скоро в обращении стал называть меня коллегой. Речь шла о творчестве Пушкина, о Байроне, о фальсификации Мериме¹², о Загоскине, о знаменитом письме Гоголя¹³ и о многом другом. Беседа продолжалась больше часа. В заключение проф[ессор] Орлов поставил мне "отлично", пожал мне руку и выразил надежду, что я буду принят в университет. Успешно прошли экзамены по математике и физике. На экзаменах было очень много провалов (особенно по математике и физике), но нарочитых подвохов не было. Экзамены шли спокойно. И вот, наконец, последний экзамен. Число поступающих заметно сократилось к этому последнему рубежу.

Экзамен по истории проходил возле знаменитой Коммунистической аудитории. Приглашают сразу человек шесть-семь. Каждый экзаменующийся сидит за отдельным столиком. Экзаменуют двое, каждый за своим столиком. Я взял билет, по которому могу отвечать без подготовки, но я медлю, так как хочу проверить слова Баума. И они скоро полностью подтвердились. К одному из экзаменаторов подходит молодой человек. Он блестяще, уверенно отвечает на вопрос о русско-японской войне. [...] [Но] чем увереннее и интереснее отвечал экзаменующийся, тем хуже чувствовал себя экзаменатор [...] После ответа на первый вопрос начинается совещание экзаменаторов. Второй экзаменатор бросает своего подопечного и приходит на помощь. Они вдвоем должны выполнить грязное дело. К глубокому огорчению экзаменаторов, и на второй вопрос о крестьянской реформе дан исчерпывающий ответ. Я с большой пользой для себя слушал рассказ о деятельности Н.А. Милютин¹⁴. Перед экзаменаторами сидел не будущий студент, а уже хорошо

¹¹ Орлов А.С. (1871–1947), литературовед, профессор Московского университета. С 1931 г. – академик. Автор трудов по древнерусской литературе.

¹² Имеется в виду сборник "Гюзла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине", составленный из песен, сочиненных П. Мериме, но выданных им за переводы югославянских фольклорных текстов.

¹³ Имеется в виду не письмо Гоголя, а письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю (1847) с резкой критикой его книги "Избранные места из переписки с друзьями".

¹⁴ Милютин Н.А. (1818–1872), государственный деятель, активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

подготовленный историк. И ответ на третий вопрос был безупречным. Оба экзаменатора имели жалкий вид. Они должны были поставить "неудовлетворительно" человеку, который в данной области был выше их. И они после совещания поставили "неудовлетворительно". Весь красный, не глядя на собеседника, экзаменатор сказал:

– Материал Вы знаете хорошо, но Вы стоите на антимарксистских позициях, и стоите на них уверенно и твердо. До университета Вам будет очень полезно поработать на заводе, получить рабочую закалку.

Для меня нет сомнений, что тогда был убит будущий историк нашей Родины. До сих пор я не могу забыть морды убийцы.

Не обнаружив против моей фамилии зловещей точки, он спокойно начал экзаменовать меня. Он был так утомлен борьбой, что мои ответы почти не слушал. Через пятнадцать минут в моей зачетной книжке красовалась отличная оценка. [...]

Итак, все экзамены успешно сданы. Первая часть задуманной операции выполнена. Теперь осталась вторая – более сложная. Через несколько дней я получаю зловещую почтовую карточку с известным текстом – "В приеме на Историко-этнологический факультет Первого Московского университета за отсутствием мест Вам отказано". В тот же день я у Баума. Начинается второй этап операции. Видно по всему, что мой новый доброжелатель – азартный игрок. Вся задуманная им авантюра его волнует и будоражит.

Теперь в операцию должен быть включен Миней Израилевич Губельман, широко известный под псевдонимом Емельяна Ярославского¹⁵, поскольку он был старостой Общества. Баум передает ему почтовую карточку с отказом в приеме, экзаменационный лист с оценками. Сообщил Ярославскому, что молодой провинциал написал в автобиографии, что его отец является членом Общества, но что он не знал ничего о справке. Это было правдоподобно, так как, действительно, никаких официальных сообщений о подобных справках не было. Здесь помогло еще и имя моей матери¹⁶. Дело в том, что мама была близко знакома с Ярославским, вместе они выполняли одно весьма ответственное партийное поручение в самые первые годы XX в. Они оба были членами РСДРП, а принадлежность мамы к меньшевикам в то время существенного значения не имела. Конечно, Баум и это обстоятельство бросил на чашу весов.

Трудно в приемной старосты Общества ждать решения. Время тянется нудно и медленно. Но вот, наконец, появляется в дверях Баум. Не нужно спрашивать – его доброе лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Все в порядке. Беги в приемную комиссию прямо к Серезникову. Он тебя ждет.

Тут же Баум передает мне справку, подписанную Ярославским.

Обычно попасть на прием к председателю приемной комиссии было невозможно. Между ним и поступающими был плотный барьер из различного рода чинуш. Однако теперь было достаточно назвать фамилию, чтобы двери были распахнуты. Я вошел в тот круглый зал в старом здании, в котором позже уже в роли профессора университета провел много часов.

За столом сидел уже немолодой мужчина. В его лице было что-то кошачье. Он часто облизывал свои полные губы. Глаза ехидно смотрели на меня. Перед ним на столе лежала папка, на которой четко была написана моя фамилия.

– Почему Вы нарушили правило и не представили справку из Общества, членом которого является Ваш отец?

Ответ уже готов:

– В автобиографии я написал, что мой отец состоит членом Общества, а о справке я ничего не знал. Об этом нет никаких объявлений.

Положил перед ним полученную только что справку.

¹⁵ Ярославский Е.М. (1878–1943), партийный и государственный деятель, публицист, историк. Член Коммунистической партии с 1898 г., с 1939 г. – академик.

¹⁶ Урожденная Дубникова Софья Моисеевна (1883–1974).

– Предположим, – ехидно промямлил Сережников. – Хотя я в это мало верю. Вы тут схитрили, возможно, не без помощи опытных людей.

Я принял решение молчать.

– Ну, – продолжал Сережников, – я прочитал в Вашем заявлении, что Вы непременно хотите поступить на философский цикл Исторического отделения. Что Вас толкнуло на это?

– Я уже давно интересуюсь философией.

– Давно? Глядя на Вас, в это трудно поверить. Что же Вы читали?

Я называю несколько книг, не без подхалимства называю и книгу Сережникова о Канте. Завязывается беседа о Канте. Профессор задает несколько вопросов. Судя по его реакции, ответы ему нравятся. Случайный поворот, и речь идет уже о философии Бергсона. Итог беседы совершенно неожиданный. Сережников заявляет, что мне нечего делать на философском цикле.

– Поймите, молодой человек, мы готовим на этом цикле не философов, а диаматчиков. [...] Мы готовим диаматчиков, которым Бергсон не нужен и которые никогда Бергсона читать не будут. Судя по данным Вашей анкеты, Вы не член партии, даже не комсомолец. Что Вы будете делать после окончания университета? В лучшем случае будете работать в библиотеке. Вы мне симпатичны, поэтому на философский факультет я Вас не пушу. Сейчас Вы меня ругаете, а очень скоро повесите мой портрет над своей кроватью. Вот так то!

Я решительно отказываюсь последовать совету Сережникова. На этом беседа завершается.

Через несколько дней вывешены списки дополнительно принятых. Среди счастливых моей фамилии нет. А уже начались лекции и семинары. Я записался на семинар к проф[ессору] К.Н. Корнилову¹⁷ по психологии.

Новая встреча с Баумом. Этот маленький рыжий человечек мечет громы и молнии:

– Ты совершенно спятил. Не думай, что мы наш фокус сможем повторить в будущем году. Соглашайся на любой вариант, а там позже видно будет.

Что делать? Всесторонне оценив обстановку, принимаю решение согласиться с проф[ессором] Сережниковым. Однако вторично попасть на прием к Сережникову оказалось чрезвычайно трудным. Наконец, он меня принял.

– Ну, одумались? Беда теперь только в том, что при первой нашей встрече я мог Вам предложить любой вариант. А сегодня уже нет. Могу теперь Вам предложить этнографическое отделение или отделение изобразительных искусств. Все остальные отделения уже полностью укомплектованы. Соглашайтесь сейчас, завтра будет поздно.

С унылым видом я называю этнографическое отделение, о котором не имел никакого представления. Сережников вызывает секретаря и отдает ему необходимые распоряжения. Через несколько дней вывешивают новый список дополнительно зачисленных. Их уже совсем мало. На первом месте я нахожу свою фамилию.

Начинается новый, весьма ответственный период моей жизни. Университет! Университет, в котором учились Белинский, Герцен, Лермонтов, Гончаров, где преподавали выдающиеся русские ученые, с которыми связано так много замечательных событий в прошлом моей Родины. В Актовом зале университета Пушкин взволнованно доказывал подлинность Слова о полку Игореве, здесь велись горячие споры между западниками и славянофилами... Я должен отдать все свои силы, все свои интеллектуальные возможности, чтобы оправдать право на звание студента Московского университета.

¹⁷ Корнилов К.Н. (1879–1957), психолог, возглавлял методологическую перестройку психологии на основе исторического материализма.

14 февраля [1945]. [...] Я вошел в университет с чистым сердцем, с глубокой верой в то, что великие принципы братства, равенства получили, наконец, реальное осуществление. Однако очень скоро я столкнулся с вещами, которые вступали в резкое противоречие с теми принципами, которыми руководствовались все борцы за социальную справедливость. Основное противоречие между общими декларациями и реальной жизнью состояло в том, что боролись за осуществление высоких нравственных постулатов безнравственными приемами. Во внутренней жизни университета новой власти удалось осуществить то, что не смогли провести в жизнь прежние властители в периоды самой жестокой реакции. На каждом шагу студенты сталкивались со словом *бдительность* [...] Нужно было разоблачать тех, кто не имел по существующим порядкам права учиться в университете, но кто, воспользовавшись связями своих родителей, сумел найти путь сюда. В огромном большинстве это были все дети врачей, инженеров, учителей, которые имели только одно желание – учиться. Сразу же после начала учебного года специальные "активисты" получали доступ к личным делам первокурсников. Вместо того, чтобы учиться, посещать лекции, практические занятия, языки, эти "активисты", исходя бешеной слюной от ненависти, тщательно изучали дела. Какое на их лицах появлялось ликование, когда они находили следы высокого покровительства сильных мира сего (напр[имер], записки наркома просвещения Луначарского, который раздавал подобные записки щедрой рукой)! Сразу же возникало шумное дело, которое обычно завершалось изгнанием из университета. Организаторы дела отлично знали, что Луначарский свою честь защищать не будет. [...] В таких случаях сильные мира сего никогда не вступались за своих подопечных. [...]

Нет ничего удивительного в том, что и моя особа не оставила "активистов" равнодушными. [...] ["Активист"] Крайнюк основательно изучил и мое дело. Но тут он столкнулся с двумя трудностями. Первое – я по закону имел право поступить в университет, как сын члена Общества полит. каторжан. Второе – справка была подписана самим Ем[ельяном] Ярославским, а Ярославский среди многих своих обязанностей и должностей был еще и председателем общества "Безбожник". Крайнюк был связан с этим обществом, в будущем после завершения курса предполагал там работать. Поэтому в его планы никак не входило осложнять свои отношения с Ярославским, и очень скоро Крайнюк потерял ко мне всякий интерес [...].

На втором курсе я подал заявление в профком для получения стипендии. В те годы стипендии распределяли сами студенты, а не деканат. Нужно было заполнить анкету. На вопрос о социальном происхождении я написал – "из интеллигенции". Мой случайный покровитель в профкоме некто Сорокин с ужасом на меня посмотрел. Он молча порвал анкету и сказал:

– Я ничего не видел. Ты что, сошел с ума? Перепиши анкету! Напиши, что отец – революционер, член Общества полит. каторжан.

Вероятно, это помогло, так как я действительно получил стипендию (12 рублей в месяц). [...]

Вся эта обстановка создавала на факультете крайнюю напряженность. Каждый в той или иной степени чувствовал себя объектом внимательной слежки. Это, естественно, формировало замкнутые характеры. Откровенные разговоры могли быть только между близкими друзьями. А ведь не один раз близкие друзья оказывались провокаторами. И эти провокаторы были героями, светлыми личностями, их фотографии помещались в стенных газетах. [...]

На факультете имена "активистов" были всем хорошо известны. "Академисты" же не пользовались никаким признанием, хотя именно среди них были те, которые через два-три десятка лет стали крупными учеными. Из "активистов" мало кто вошел в науку. Все годы моего обучения в университете были до краев насыщены всякой мерзостью и гнусностью. Естественно, что такая обстановка порождала много

различных трагедий. Прошло много времени, а лица многих студентов стоят передо мной, отражая переживания тех лет. Михаил Шор. Поступил в университет, проработав несколько лет рабочим на заводе. Пришел с огромным желанием учиться, стать историком. [...] Ему повезло. Он попал в семинарий С.Д. Сказкина¹⁸. Очень скоро определилась основная область его интересов. Он стал под руководством заботливого и умелого учителя специализироваться по истории Австрии. [...] Шора потрясла та обстановка, в которой проходила "дискуссия" об азиатском способе производства [...] Наша последняя встреча состоялась на квартире у Шора [...] Он убедительно и беспощадно характеризовал положение в исторической науке. Историческая наука полностью ликвидирована, – сказал Шор. Он с негодованием говорил об историках, возглавивших историческую науку после смерти Покровского, о современном преподавании истории в высших учебных заведениях. На мой вопрос о его работе ответил: – Серьезным делом не занимаюсь. Все пошло прахом.

Это была наша последняя встреча. Он умер от белой горячки, умер 28 лет. Умер человек, который в нормальных условиях жизни мог бы стать крупным историком. [...] На Этнографическом отделении в мои годы блистал студент Алексеев. Якут по национальности, он отлично знал народный быт якутов, тунгусов и орочен. Человек могучего интеллекта, выдающихся способностей, необыкновенного трудолюбия и высокой принципиальности, Алексеев уже в студенческие годы был фактически молодым ученым. В памяти сохранился такой эпизод. В семинарии проф[ессора] Преображенского¹⁹ мне нужно было познакомиться с теорией немецкого этнолога Гребнера²⁰, автора известной книги "Die Methode in der Ethnologie" [5]. Я никак не мог разобраться в его критерии формы, чем в этом пункте его взгляд отличается от взгляда Фробениуса²¹. Этот вопрос освещался Преображенским в его лекциях, но очень неопределенно и туманно. Я обратился за помощью к Алексееву. Он тут же подробно и очень толково объяснил мне суть всей проблемы. Мне приходилось не раз слушать выступления Алексеева по различным вопросам этнологии и этнографии. В 1929 г. на факультете начался поход против этнологии и, естественно, против проф[ессора] Преображенского. Для этого нужно было среди студентов найти толкового человека, который бы возглавил этот поход. Обратились к Алексееву, но он с возмущением отверг это. Тогда решили бороться не только с Преображенским, но и с его учениками. Уже речь пошла об организованной антимарксистской группе во главе с антимарксистом Преображенским. [...] Судьба всей четверки была печальной. Алексееву и ему подобным противостояли Крайнюк и ему подобные. Вот краткий портрет "активиста" Кобецкого. [...] Он с большой неприязнью относился к славянскому циклу, к славянам, к студентам-славистам. Уже на первом курсе он часто уговаривал меня уйти со славянского цикла. Аргументы у него были следующие: славяноведение – это славянофильство, а славянофильство – это черносотенство. Однажды я нашел способ избавиться от его общества. На Дальнем Востоке широкое распространение получили папиросы "Забава" харбинских фабрикантов Кобецкого и Плюскулю. Я однажды с самым невинным видом спросил нашего Кобецкого – не родственник ли ему харбинский фабрикант? [...]

1 августа [1945]. В мои студенческие годы велась оживленная дискуссия о пользе и вреде лекций. [...] Определилось два лагеря сторонников и противников лекций. Каждая сторона имела свой запас аргументов. [...] Слабость позиции защитников

¹⁸ Сказкин С.Д. (1890–1973), историк, профессор Московского университета, с 1958 г. – академик. Автор работ по проблемам средневекового западноевропейского крестьянства, еретических движений, абсолютизма.

¹⁹ Преображенский П.Ф. (1894–1941), историк и этнограф, в 1921–1937 гг. – профессор Московского университета.

²⁰ Гребнер Фриц (1877–1934), немецкий этнограф, основатель культурно-исторической школы в этнографии.

²¹ Фробениус Лео (1873–1938), немецкий этнограф-африканист, автор идеалистической теории морфологии культуры.

лекций состояла в том, что огромное большинство наших профессоров и доцентов не отличалось красноречием Ключевского²². Кроме того, обычно в лекциях излагались сведения, о которых могли прочитать в различных пособиях еще наши отцы. Как правило, лекции читались нудно, вяло, по запискам. Бывали и такие случаи. Проф[ессор] Любавский²³ раскрывал перед собой свою книгу "История западных славян" [6] и самым бесстыдным образом читал из нее. Мы по своим экземплярам следили за его чтением. Когда он ошибался, кто-нибудь из нас поправлял его. Профессор отрывался от книги и вежливо благодарил. Конечно, были и отличные лектора. Посещение их лекций давало очень много. В памяти остались лекции по философии Н. Карева²⁴, по этнологии Преображенского, особенно лекции Селищева²⁵ по специальным славяноведческим дисциплинам. Посещение лекций Селищева давало студентам очень много. Их не могли заменить никакие самостоятельные занятия в библиотеке. Но это было исключение. А правило – это были лекции этнографа Максимова²⁶, который бубнил себе что-то под нос, лекции историка Мороховца²⁷, историка Косминского²⁸, литературоведа Когана²⁹, слависта Ильинского³⁰ и многих, многих наших деятелей науки. Я не участвовал в дискуссиях о ценности лекций, но для себя решил свести посещение лекций к минимуму. Как правило, лекции на факультете ничего не давали. [...]

[Ш]

26 августа [1944]. [...] Еще в стране был голод, шла изнурительная и кровавая гражданская война, а новая власть активно вторглась в университетскую жизнь. Начались бесконечные эксперименты, реорганизации. Все это делалось руками интеллигентов (Луначарским, Покровским, Лебедевым-Полянским, Волгиным, Вышинским и мн[огими] др[угими]). [...] Они видели перед собой только задачи революции, а старую науку и структуру образования считали буржуазными. Пусть будет хуже, но свое. Пусть новая интеллигенция будет полуграмотной, но она будет защищать новый строй, которому она всем обязана. [...]

По решению правительства были отменены все ученые степени, ликвидированы кафедры, которые были заменены т[ак] н[азываемыми] предметными комиссиями. Шла активная реорганизация самой структуры факультетов. Были организованы в университетах факультеты общественных наук (ФОНы) или факультеты социального воспитания. [...]

²² Ключевский Василий Осипович (1841–1911), крупнейший отечественный историк второй половины XIX – начала XX в. был, по общему признанию современников, блестящим лектором, художественно владевшим русской речью.

²³ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк, академик, исследователь истории Литовско-русского государства. Был профессором Московского университета, где, в частности, читал курс истории западных славян, опубликованный отдельной книгой.

²⁴ Карев Н.А. (1901–?), философ и логик, профессор Московского университета и Института красной профессуры, заведующий кабинетом философии Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

²⁵ Селищев А.М. (1886–1942), филолог, член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.), профессор Московского университета. Подробнее о нем см. [7].

²⁶ Максимов А.Н. (1872–1941), этнограф, специалист по общим вопросам семьи, рода и хозяйства. В 1919–1930 гг. – профессор Московского университета.

²⁷ Мороховец Е.А. (1880–1941), профессор Московского университета, ученый секретарь Института истории РАНИОН. Специалист по истории русского крестьянства.

²⁸ Косминский Е.А. (1886–1959), историк, профессор Московского университета, с 1946 г. – академик. Лауреат Государственной премии СССР (1942). Специалист по истории средневековой Англии.

²⁹ Коган П.С. (1872–1932), историк литературы и литературный критик. В 1920-х гг. – президент Государственной академии художественных наук и профессор ряда высших учебных заведений, в том числе Московского университета.

³⁰ Ильинский Г.А. (1876–1937), славист – филолог, историк, археолог. Член-корреспондент АН СССР (с 1921 г.). С 1927 г. – профессор Московского университета по Циклу истории южных и западных славян.

В годы НЭПа наступило некоторое ослабление беспочвенного экспериментирования. 17 мая 1925 г. постановлением СНК РСФСР факультет общественных наук Московского университета был реорганизован. На его основе возникло два факультета: факультет этнологический и факультет советского права. Примечательно, что еще боялись восстановить прежние названия: историко-филологический и юридический. Нужно было еще время, чтобы эти старые названия были реабилитированы.

Этнологический факультет состоял из четырех отделений: исторического, этнографического, литературоведческого и изобразительных искусств. Структура отделений была разной. [...] Специализация на историческом отделении определялась выбором специальных курсов и семинариев. В течение обучения без особого труда можно было менять специализацию. Для этого даже не требовалось специального разрешения деканата. Совершенно иной была структура этнографического отделения. Здесь каждый первокурсник в течение двух месяцев должен был выбрать цикл, на которые четко распалось Отделение. Циклы были: Восточных славян, Южных и Западных славян, Кавказский, Тюркский, Иранский. Границы между циклами были четкими, что связано было прежде всего с изучением соответствующих языков. Переходить с одного цикла на другой практически было весьма затруднительно, так как нужно было иметь необходимые знания языков. [...] Циклы этнографического отделения имели существенные различия по своим задачам и структуре. Так, цикл восточных славян был чисто этнографическим. В противоположность этому цикл южных и западных славян готовил специалистов по славянскому языкознанию и по истории славян (в зависимости от выбора специальных курсов и семинариев). Здесь специальная этнографическая подготовка ограничивалась прослушиванием элементарного курса этнографии южных и западных славян. Этот курс бесцветно читал П.П. Свешников³¹. [...]

На факультете существовали дисциплины, которые читались студентам всего факультета. [...] По всем этим предметам студенты освобождались от зачетов, если они принимали участие в соответствующих семинариях при положительной оценке доклада. Так я избежал зачета по политической экономии и по диалектическому и историческому материализму. Кроме общефакультетских предметов, существовали общеотделенческие дисциплины. На этнографическом отделении к ним принадлежали: общая этнография, этнология, антропология, землеведение, археология, история Западной Европы (средние века), введение в языкознание.

Основное место в подготовке специалистов занимали, конечно, специальные предметы. На цикле южных и западных славян к ним относились: введение в славянскую филологию, старославянский язык, славянские языки (история, диалектология, практическое их изучение), сравнительная грамматика славянских языков, история западных и южных славян, этнография зарубежных славян, этнография восточных славян, история и диалектология русского языка. Четкого разграничения между подготовкой лингвистов и историков не было. Историки обязаны были сдавать все лингвистические дисциплины. Обязательных курсов по славянскому литературоведению не было. В мое время проф[ессор] Г.А. Ильинский читал небольшой факультативный курс истории сербской литературы.

Обязательным было лишь посещение семинариев и языковых занятий. Однако никто не вел учета посещения. Было немало студентов, которые месяцами не появлялись в университете. Во время моего обучения экзамены были заменены зачетами. В зачетной книжке профессор писал "Зачет сдан", ставил число и подпись. Иногда он мог написать "Зачет сдан отлично", но это было скорее для студента, нежели для деканата. Проходили две экзаменационные сессии – зимняя и весенняя. Однако разрешалось сдавать зачеты в течение всего года в любой последовательности. Поэтому на деле фактически существовала не курсовая, а предметная

³¹ Свешников П.П. (1895–1943), филолог-славист и этнограф, доцент Московского университета.

система, что, однако, официально не признавалось. Помню, я все зачеты по всем видам своих обязательств (лекции, семинарские занятия, языковые лектуры) на втором курсе сдал в феврале 1930 г. и безо всяких затруднений был переведен на третий курс, вместе с которым уже весной того же года сдал все положенные зачеты. Эти порядки были очень хороши для всех: для серьезных студентов, для разгильдяев, для администрации. Серьезным студентам они давали возможность много времени проводить в библиотеках, самостоятельно строить своей учебный план. Нужно иметь ввиду, что среди специальных предметов возможен был самостоятельный выбор. [...] Для перевода на следующий курс нужно было сдать т[ак] н[азываемый] минимум (обычно 4–5 зачетов). В таком случае перевод был условным. В следующем учебном году студент в течение первого семестра обязан был погасить свою задолженность. Этот порядок был удобным и для деканата, так как не требовал строгого контроля. В мое время всеми деканатскими делами ведали только два человека. А нужно иметь в виду, что этнологический факультет соответствовал современным филологическому, историческому и философскому факультетам. Деканат составлял расписание лишь общефакультетских и общеделенческих предметов, [ведал] организацией и проведением зачетных сессий. Все остальное шло самотеком. Многие профессора читали лекции и проводили зачеты у себя дома. Деканат [...] не занимался дисциплиной студентов, их общественной работой, стипендиями и пр[очим]. Всеми этими вопросами ведали профком и партком. Не было на факультете аспирантуры. [...]

[IV]

[...] 21 апреля [1944]. Я не сразу отказался от мечты стать философом. Первые два-три месяца на первом курсе я в основном занимался философскими предметами. [...] Окончательный удар по моим философским иллюзиям был нанесен преподавателем Маньковским³². Он руководил на этнографическом отделении семинарием, участие в котором было обязательным. [...] Темой моего доклада был Гельвеций. Я очень плохо знал этого великого французского философа и потому решил познакомиться с его идеями. В октябре 1928 г. я основательно засел за изучение произведений Гельвеция. Уже первая консультация у Маньковского меня насторожила. Он мне посоветовал самого Гельвеция не читать, прочитав о нем в общих историях философии, а также изучить труды Плеханова о французских материалистах. [...] Однако я так работать не привык. Я познакомился с основными сочинениями ученого, начал штудировать капитальную французскую монографию Кайма [8]. [...] На семинаре доклад был сделан.] Руководитель долго говорил об опасности читать буржуазных авторов, что наша задача – крепко усвоить труды марксистов, их идеи. От нас никто не требует самостоятельных суждений в вопросах марксистской теории, где все уже ясно. Не приведя ни одного доказательства, он начал обвинять меня в идеализме и прочих грехах. Однако, не желая обострять отношений со всей группой, он дал общую положительную оценку. После доклада я принял окончательное решение навсегда похоронить свои мечты стать философом. Позже я понял, что это было единственное разумное решение не только потому, что в те годы нельзя было заниматься свободным творчеством в этой области человеческой деятельности. Став старше, я смог более объективно оценить потенции своего интеллекта, лучше понять свои возможности и свои подлинные склонности. [...]

19 ноября [1944]. После своего злополучного доклада о Гельвеции хожу как в воду опущенный. Что делать? Лекции по литературоведению В.Ф. Переверзева³³,

³² Маньковский Л.А. (1900–?), философ, преподаватель Московского университета. Автор работ о марксизме, его буржуазных и социал-демократических интерпретациях.

³³ Переверзев В.Ф. (1882–1968), литературовед, глава так называемой "переверзевской школы", обвиненной в 1929–1930 гг. в ревизии марксизма. В 1921–1938 гг. – профессор Московского университета.

И.И. Гливенко³⁴, П.С. Когана и др. вселяют уныние. Скука смертная. Лекции по историческим дисциплинам не лучше. [...] Пока я во власти этнографии, но желания заниматься этнографией нет. [...] В первых числах ноября по совету одного старшекурсника иду слушать лекции проф[ессора] Селищева по введению в славянскую филологию. Иду безо всяких надежд, так как о славянах не имею ни малейшего понятия. Никогда не изгладится в моей памяти первое впечатление от встреч с Селищевым. Я пришел на очередную лекцию курса "Введение в славянскую филологию" для студентов-славистов первого курса. Профессор читал в небольшой аудитории в здании возле консерватории [...] Помню и содержание первой лекции. В ней речь шла о переселении славян на Балканский полуостров. Впечатление было очень сильным. Не от содержания лекции, а от личности профессора. О нем нельзя сказать, что он читал лекцию. Глагол "читать" здесь неуместен. Он взволнованно и убежденно сообщал нам сведения, без знакомства с которыми нельзя жить, которые важнее всего окружающего. Так думал профессор, так очень скоро начали думать и мы, его студенты. Самым главным во всем его облике, в его поведении была какая-то магическая сила, неумная страсть. Он мало напоминал по манере чтения профессора. Перед нами стоял проповедник, который призывал нас к подвижнической жизни. Такого чтения лекций ни до, ни после мне никогда не приходилось слушать. Мне сейчас, через много лет, очень трудно восстановить весь ход моих мыслей, еще труднее – чувств... . Помню отчетливо лишь одно – после второй лекции я уверенно попросил в деканате зачислить меня на цикл южных и западных славян. Никогда позже я не жалел о принятом решении. Я не только нашел ту область занятий, для которой родился, но я встретил человека, человека необыкновенного, который стал моим духовным отцом [...]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. М., 1989. № 1. С. 77–82; *Бернштейн С.Б.* О Луначарском (по данным дневниковых записей) // Славяноведение. М., 1993. № 1. С. 79–85.
2. *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ (1928–1930) // 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С. 13–42; *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2. С. 78–89; *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. М., 1991. № 5. С. 83–93; *Робинсон М.А.* Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 111–134; *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994; *Горяинов А.Н., Петровский Л.П.* Тоталитаризм и славяноведение: К изучению источников по истории советской науки 20 – начала 30-х годов // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995 и др.
3. *Сережников В.К.* Кант. М.; Л., 1926.
4. *Баум Я.Д.* Андрей Соболев перед военным судом // Каторга и ссылка. М., 1927. № 6(35). С. 193–203.
5. *Grübner F.* Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.
6. *Любавский М.К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917.
7. *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.
8. *Keim A.* Helvetius, sa vie et son oeuvre. Paris, 1907.

³⁴ Гливенко И.И. (1868–1931), историк западноевропейской литературы, представитель психологической школы в литературоведении.

Słownik prasłowiański, opracowany przez zespół Instytutu slawistyki PAN. Pod redakcją F. Sławskiego. T. VII. GA-GOBYDZŁ. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1995. 206 с.

Праславянский словарь. Т. VII¹

Шесть опубликованных ранее томов "Праславянского словаря" (далее – SP) создали ему репутацию выдающегося вклада в славянское языкознание. Ее в полной мере оправдывает VII том, где читатель находит близкий к исчерпывающему охват славянского материала, скрупулезность его анализа и классификации по выделяемым лексическим рубрикам (статьям). Успешно реализуется стремление к осторожному, вдумчивому уточнению корпуса "классических" этимологий славянских слов, которое осуществляется на основе предельного внимания к собственно славянским ресурсам, не исключая, однако, экскурсы – всегда обоснованные – в балтийский и иной индоевропейский материал (об этих и других достоинствах SP см. еще [1; 2]). Сказанное можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Распространенное сравнение **gleziti* 'ласкать, баловать' с лит. *glèžti* 'дрябнуть, слабеть' обоснованно подвергается сомнению на семантических и географических (подозрительно узкий ареал **gleziti*) основаниях в пользу толкования славянского слова как экспрессивного деривата с суффиксом *-ez-* от **galiti* 'желать'. Разрабатывается ранее недооцененная мысль о родстве **gleznъ* 'лодыжка, щиколотка' с лит. *slėsnas* и др. 'подъем (ноги), тыл стопы'.

Большой интерес представляет уточненная реконструкция и новая этимологическая интерпретация адъективов **gluxъ*, **glutъ* и **glupъ*, исходные значения кото-

рых восстанавливаются соответственно в виде 'сдавленный, стиснутый, закрытый; заткнутый; с заткнутыми ушами, глухой', 'тупой, не понимающий, глупый (> 'глухой'), глуповатый' и 'без доступа света' (ср. **glupa nokl'ъ* 'беспросветная ночь' = **gluxa nokl'ъ*), темный; безумный, с затемненным рассудком; глупый'. Не раз отмечавшуюся близость этих слов друг к другу хорошо объясняет их этимология из и.-е. **g(e)leu-* < **gel-* 'сжимать, сдавливать'.

Правдоподобными представляются отказ от попыток усмотреть в **glybokъ* 'глубокий' рефлекс и.-е. *-ū-* и объяснение вокализма *-u-* как вторичного, вероятно, под влиянием **vysokъ* 'высокий'.

Весьма убедительные и во многом новые этимологические трактовки получают лексемы **gnatъ* – обозначение длинных костей, конечностей, **gnědъ* 'гнедой', **gněvъ* 'гнев'. Интересна реконструкция праслав. **glamati* (**gl'amati*) 'громко есть, чавкать', 'есть медленно, с трудом и др.', объединяющая славянские факты, которые до этого рассматривались раздельно.

Недостаток места вынуждает отказаться от перечисления удачных решений и находок в области этимологии и реконструкции, в изобилии представленных в SP-VII, а немногочисленным спорным или сомнительным моментам.

На фоне характерного для SP пристального внимания к лингвогеографии и умения убедительно истолковать ее данные бросается в глаза частое цитирование славянских фактов (особенно русских), помеченных как "диалектные", без указания мес-

¹ Рецензия подготовлена при финансовом содействии РГНФ, проект № 96-04-06257.

та их распространения, что обедняет массив лексических данных. Как и в предшествующих томах, ощущается некоторая недооценка западнобалтийского языкового материала и тех результатов, которые были получены при его анализе.

Относительная ограниченность круга привлекаемой в SP этимологической литературы, вероятно, обусловлена оправданным нежеланием повторять то, что уже изложено в "Этимологическом словаре славянских языков" [3] и в словаре Ф. Славского [4]. Кроме того, SP свойственно стремление опираться при объяснении слов прежде всего на материал как таковой, привлекая из этимологической литературы лишь наиболее авторитетные труды. Тем не менее не всегда понятно, почему в одном случае комментируется предлагавшееся в литературе явно неприемлемое решение (например, идея о монгольском происхождении праслав. *gajъ 'лес, роща'), а в другом оставляется без внимания решение, обладающее степенью вероятности. В SP-VII (и в предшествующих томах SP) отражены слабо или совсем не отражены затрагивающие славянский материал труды современных ученых Литвы и Латвии, в частности, этимологические словари В. Мажюлиса [5] и К. Карулиса [6].

Несколько замечаний к интерпретациям конкретных лексем.

*gabati 'хватать, брать': др.-инд. *gābhasti*- 'Arm, Hand', вероятно, из *gavasti- [7. С. 65] и в этом случае к *gabati отношения не имеет. Не свободно от затруднений сравнение с вост.-лит. *guōbti* 'собирать, сгребать', корневая гласная которого, возможно, входит в апофонический ряд *uo*: *au*: *ū*, ср. *gaūbti* 'накрывать, покрывать, закутывать' [8. Р. 194–195, 208].

*gaditi 'гадить': оставлено без комментариев внешне правдоподобное сопоставление с лит. *gadinti* 'портить' [3. Вып. 6. С. 79–80], к которому можно было бы добавить прус. *po-gadint* 'то же'. Подобное невнимание можно было бы мотивировать тем, что речь идет о независимо возникших словах: *gaditi – исходный каузатив к *zadati (*sq*) 'испытывать отвращение' < и.-е. **gʷēdh-* ~ **gʷōdh-*, откуда и праслав. *gadъ. Лит. *gadinti* – каузатив от *gēsti* 'распадаться, ухудшаться, гнить, портиться'. Последнее не

раз связывали с праслав. *gadъ (ср. [5. Р. 361]).

*ga-ga 'га-га!': в перечень параллелей этого "первичного междометия" следует добавить лтш. *ga ga ga*, ср. *zuosis – ga ga ga* [9. Bd. I. S. 578]. Междометия этого типа предполагаются и для индоевропейского *gha gha, *ghe ghe, *ghi ghi [10. S. 407].

*gaga 'вид птицы': "праславянскость" данной лексемы едва ли подтверждается единственным русским диалектным примером (*gāga*), почерпнутым в словаре Л.Е. Элиасова [11]. Нельзя исключить, что этот составитель взял слово *gāga* у Даля, сочинил к нему "забайкальские" контексты (в том числе и фольклорные), создав таким образом диалектное слово-артефакт. Примеров такого рода в упомянутом словаре немало.

*gajъ 2 'крик': рус. *гай* 'беда, несчастье' дается без указания места распространения. Между тем, слово – забайкальское, не принадлежит к исконному фонду, будучи заимствовано из бурят. *гай* 'несчастье, беда, горе, напасть', ср. родственное монг. *гай* 'то же' (ту же неточность см. в [3. Вып. 6. С. 96], где, однако, указано место бытования рус. *гай*).

*gala 2: 'галка, ворона': при цитировании прус. *kole* 'галка' и *colwarnis* 'грач' обойден вниманием весь комплекс относящихся к этим словам проблем. Не оговаривается, что *kole* – исправленная форма. В Эльбингском словаре дается *kote*, которое Я. Эндзелин исправлял на *kose*, читая *colwarnis* как *koswarnis* (12. Sēj. IV. D. 2. L. 243). Обходя эти и другие сложности, можно было бы сослаться на подробный анализ прусских слов у В.Н. Топорова [13. Т. 3. С. 117].

*garkati 'ворчать, гаркать': неточно обозначены интонации у литовских слов. Надо лит. *gaŕgti*, *gaŕ*, а не *gārgti*, *gār*.

*gata, *gaty, *gaty 'гать': следует считаться с тем, что и.-е. **gʷā-* 'идти', вопреки обычному мнению [10. S. 463], может быть генетически отделено от и.-е. **gʷem-* 'то же' (ср. [14. S. 208–210]). В этом случае не очевидны такие существенные параллели славянских фактов, как др.-инд. *gātá-* 'gegangen', греч. βατός '(удобо)проходимый' < и.-е. **gʷm̥-to-*, др.-инд. *gāti-* 'ходьба, ход, уход' < и.-е. **gʷm̥-ti-*. Помимо лтш. *gāts*

‘путь, проход, отверстие’, *gātis* мн. ‘то же’ было бы уместно упомянуть о *gātis* ‘леток в улье’, а также о лтш. диал. *gāte* ‘водный путь в тростниковых зарослях; леток в улье; проход’, *gātnieks* ‘бродяга’ [12. Sēj. III. D. 1. L. 475-476; 6. Sēj. 1. L. 294]. С помощью этих фактов Я. Эндзелин опровергал мнение о заимствовании лтш. *gāts* из немецкого.

*gava 2 ‘ворона’: не упоминается возможность связи с лтш. *gaura* ‘крохаль, гагара’, лит. *gauti* ‘выть’, прус. *geauris* ‘название какой-то водной птицы’ (ср. [15. P. 30; 13. T. 2. С. 81; 5. P. 332–333]).

*gaziti ‘брести по грязи, топи’: признавая сомнительным сравнение с лит. *gōžti* ‘опрокидывать, валить; выливать’, ‘поспешно идти, катить’, ‘горячиться’, *gōžtis* ‘очень хотеть; быстро, некрасиво идти’ и близкими фактами, не лишне было бы упомянуть аргументы в пользу этого сравнения у В.Н. Топорова [13, Т. 2. С. 280–281], например, сопоставление прус. *Gosepelk*, лит. *Gožurpūs* и с.-хорв. *Gāzibara*, *Gāzivoda* (см. и [5. P. 392]; правда, В. Смочиньски [16. S. 317] видит в прус. *gosen* немецкое заимствование). Употребление неудачного сокращения “Mühlenbach” для известного словаря К. Мюленбаха – Я. Эндзелина [9] фактически приводит к тому, что принадлежащее последнему [9. Bd. I. S. 620; 12. Sēj. 2. L. 70] сближение лтш. *gāzt* с др.-инд. *gāhate* приписывается в SP Мюленбаху (“Mühlenbach... łączy”).

*glēbīti **glēb’q* ‘втыкать, внедрять’, *glibati ‘идти, увязая’: не пояснен статус производящих глаголов *glbbēti, *glbbnqti ‘тонуть, вязнуть (в болоте)’. В “Этимологическом словаре славянских языков” (который в данном случае не упоминается) дают праслав. *glbbēti > рус.-слав. *гльбѣти*, *гльбѣти* ‘тонуть, вязнуть’, *glbbnqti > ст.-польск. *glnąć* ‘быть топким (о болоте)’ [3. Вып. 6. С. 161–162; 4. Т. I. S. 284]. Правдоподобные параллели *glēbīti – лит. *glaibūtis* ‘укрываться’, лтш. *gliēbtīēs* ‘цепляться, прижиматься’, ‘защищаться, спастись, выносить’; сюда же, вероятно, и др.-в.-нем. *klēbēn*, нем. *kleben* ‘липнуть, прилипать; клеить’, др.-в.-нем. *klīban* ‘завязнуть; держаться’ < герм. **kleib-* < и.-е. **glei-bh-* [10. S. 363].

*glina ‘глина’: справедливо сопоставляется с греч. γλίνη ‘клей, клейкое вещество’ и т.п. Из балтийских данных приводится глагол *gliēti ‘замазывать, залеплять’, но упускаются указанные Савукина-сом лит. *gléinia* ‘скользящая земля, грязь’, *gléinė* ‘мокрая глина’, *gleinūs* ‘размякший, липкий, скользкий’, гидроним *Glynas* (озеро), ср. лтш. *glinu-ežers* и др. Показательная прослеженная Савукина-сом и Топоровым близость этих фактов и топонимического материала, образованного на основе балт. **gli-t-* – прус. *Glitteynen*, лит. *Glytežeris*, *Glitupis*, лтш. *Glite* и др. [13. Т. 2. С. 265].

*globiti ‘сжимать, скреплять’, ‘долбить’: правдоподобное предположение об исчезнувшем праслав. *glebti подтверждается литовским *glēbti* ‘обнимать, брать в охапку’, но в литовском как будто есть только *glēbti* (*glēbti*) ‘о(б)хватывать’, с *-ē-* в корне. Степень *-e-* предлагалось усматривать в лит. *glēbti* ‘опадать, дрябнуть, слабеть, вянуть’ (‘опадать’ < ‘съезживаться’ < ‘сжиматься’ [5. P. 316]), что едва ли неубедительно. При анализе слав. **glob-* едва ли правомерно игнорирование прус. *ab-globte* ‘род свадебного венка с платком’ (см. о последнем [13. Т. 1. С. 48–49], ср. рус. арх. *о-глобѣлки* ‘боковая часть женского головного убора’ [17. Вып. 22. С. 371]). Стоило бы упомянуть о том, что в балт., наряду с *glab-* и др. есть факты типа лтш. *klēpis* ‘лоно’, прус. *ab-klopte* (*-ab-globte*) и т.п. – при наличии параллелизма **glob-/*klop-* и на славянской почве, ср. словен. *z-glob* и *s-klep* ‘сустав’. Следует помнить и о ср.-в.-нем. *lāfter* ‘сажень’ (< *hlāfter) наряду с нем. *Klafter* ‘то же’. Косвенным свидетельством в пользу выделения в прус. *arglobis* ‘темя, макушка’ префикса *ar-* ‘с’, *ārā* ‘вне, снаружи’ и корня *-glob-* в значении купола, покрытия [13. Т. 1. С. 103] могут служить связанные с слав. **klep-* рус. *с-клен* ‘свод’, чеш. *po-klop* ‘покрышка’, слов. *klenút* ‘выводить свод’ (см. о последних [18. С. 152]). С анализом основы **glob-* в SP связаны также и другие спорные или неясные моменты, о которых см. ниже.

*glqboкъ ‘глубокий’: предпочтение отдается объяснению из и.-е. **glo-m-bho-*, формы с носовым инфиксом от основы **gelebh-*. Не совсем ясно, как при этом понимаются

отношения между традиционно устанавливаемыми омонимами: и.-е. **gelebh-* ‘сжимать(ся)’ и **gelebh-* ‘скрести, выкапывать, строгать’ [10. S. 359, 367]. То же касается интерпретации в SP лексем *globa, *globati, *globiti, где объединяются славянские слова в значениях ‘давить, угнетать’ и ‘долбить, выкапывать’, и первый из двух рядов значений признается первичным. Оставлена без комментариев версия [3. Вып. 6. С. 133], принимающая “первичное глагольное значение вроде ‘рыть, грести, с силой нажимать’” и сопоставление слав. **gleb-/gloб-* и лит. *glėbti* ‘обхватывать’ с греч. γλάφυ ‘рою’ (последнее – не надежная основа для сравнения, лучше опираться на греч. γλάφυ ‘пещера’, γλάφυρος ‘выдолбленный, польный’ [14. S. 311]).

*gludъкъ ‘гладкий, ровный, скользкий’, *gludъ ‘гладкость, скользкость; гололед’: к приводимым в SP балтийским параллелям можно добавить лит. *gluodis* ‘гладкий, ровный’, *gluodas* ‘то же’, *gliuōdnas* ‘нежный; ровный, гладкий’. Последнее интересно в виду рус. *глюдкий/глюдкий*, *глюдь/глюдь* [8. P. 214].

*glbъ (= *gъlbъ) ‘лебедь, Cygnus’: для рус. *гольбец* ‘пристройка печи, отгородка, помост и др.’ осторожнее все-таки объяснение из др.-сканд. *golf* ‘пол; отделение’ [19. Т. I. С. 427]. Констатация родства *gъlbъ и *kъlpъ (= *kъlpъ) ‘Cygnus’ с прус. *gulbis*, лит. *gulbis*, лтш. *gūlbis* ‘то же’ не сопровождается какими-либо комметариями, которые, вероятно, будут даны в статье *kъlpъ. Но в статье *galēbъ (*kalēbъ) ‘чайка, Lagus’ упоминается, что *gъlbъ и *gulbis* восходят к тому же и.-е. **ghel-* ‘блестеть’, что и праслав. *galēbъ. Складывается впечатление, что в SP остался не учтенный подробный анализ отношений балт. *gulbis* и слав. *kъlpъ, проделанный А.П. Непокупным [20. С. 81–86]. Его аргументация хорошо подтверждает толкование данных фактов как звукоподражательных образований, мотивируемых германским материалом – швед. *galpa-* ‘кричать (о птицах)’, дат. *galpe*, *gulpe*, *gulpe* ‘рыдать’, ‘кричать (о вороне)’ и др., ср. лтш. *gulbis gudžina*, *guldžina*, лит. *gulbis ulduo ja lėkdamas* (см. еще [13. Т. 2. С. 333; 5. P. 422; 6. S. 1. L. 322–323]).

*gnězdo ‘гнездо’: включение в число рефлексов данного слова русских диалектизмов

типа *утиное (утичыё) гнездо* ‘созвездие Плеяды’ нуждаются в оговорках. Значение этих слов, скорее всего, сложилось под влиянием некоторых названий Плеяд в уральских языках, ср. коми *Утка-поз*, букв. ‘гнездо утки’ (*Утка* < рус.) и сходные пермские и обско-угорские факты (см. подробнее [21. С. 96]). Сюда примыкает и нен. *Нябы сар’ню* ‘Плеяды’ = ‘яйцо утки’. Названию Плеяд по принципу ‘гнездо (яйцо) утки’ в некоторых регионах соответствует название типа ‘курица (с цыплятами)’, ср. рус. диал. *насѣдка*, укр. *квѣчка*, венг. *Fiastyúk* и др. [21. С. 98]. Вполне возможно, что “куриное” наименование сменило в венгерском более древнее “утиное”, обско-угорского происхождения.

*gniti ‘гнить’: как досадное недоразумение можно расценить реконструкцию праславянской семантики в терминах ‘...подвергаться процессу химического распада под действием бактерий...’.

**gn’aviti*: дается англосакс. *chūrian*, надо: *cnūwian*.

Неточность вкралась в список сокращений (S. 7): не Б.П. Нерозняк, а В.П. Нерозняк.

В последние годы SP издается крайне медленно, и SP-VII этому подтверждение. В томе содержатся отсылки к упомянутым выше лексемам *žadati и *kъlpъ. Если в темпах публикации словаря не наступит перелом, рецензент расценивает свои шансы прочитать статьи SP об этих словах как весьма призрачные...

© 1998 г. Аникин А.Е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин А.Е. Рец.: Słownik prastłowiański. T. VI. Wrocław etc., 1991 // Славяноведение. 1, 1993.
2. Аникин А.Е. Замечания на полях “Праславянского словаря” // Принципы составления этимологических и исторических словарей языков разных семей. Тез. докл. конф. М., 1993.
3. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–22. М., 1974–1995.
4. Słowski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków, 1953–1979.

5. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1. Vilnius, 1988.
6. *Karulis K.* Latviešu etimologijas vārdnīca. T. 1–2. Rīga, 1992.
7. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины. (Плечевой пояс.) М., 1996.
8. *Karaliūnas S.* Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987.
9. *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I–IV. Riga, 1923–1925.
10. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1949.
11. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
12. *Endzelins J.* Darbu izlase. Sēj. I–IV. Rīga, 1971–1982.
13. *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. Т. 1 (А–D), 2 (E–H), 3 (I–K), 4 (K–L), 5 (L). М., 1975–1990.
14. *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955–1965.
15. *Urbutis V.* Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
16. *Smoczyński W.* Etymologie staropruskie 1 // Acta Baltico-Slavica XX, 1989.
17. Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1966–1995. – Вып. 1–29.
18. *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
20. *Непокупный А.П.* Лингво- и зоогеографические замечания к взаимосвязи балт. *gulbis* и слав. *кълрь* // Baltistica II/1, 1966.
21. *Erdödi J.* Uráli czillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest, 1970.

Славяноведение, № 1

S. GRANDA. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo mesto. 1995. 522 S.

С. ГРАНДА. Нижняя Крайна в революционном 1848/49 году

События 1848 года в словенских землях относятся к числу наиболее подробно исследованных словенской историографией тем. Первая (и до сих пор не превзойденная по богатству источниковой базы и широте охвата проблематики) монография Й. Апиха "Словенцы и 1848 год" увидела свет еще в 1888 г. И с тех пор интерес историков к этому периоду не ослабевает. Это естественно, т.к. именно 1848 год стал крупной вехой в истории словенского народа – словенцы впервые вышли на политическую сцену австрийской монархии со своей, тогда же и оформившейся, национальной программой – программой Объединенной Словении, став-

шей руководящим принципом словенской политики вплоть до I мировой войны. Революция 1848 г. дала словенцам, как и другим народам империи, освобождение от феодального гнета, создала благоприятные предпосылки для экономического развития.

Казалось бы, что события этого знаменательного года у столь маленького народа (словенцев в то время насчитывалось около 1 млн человек) после ста с лишним лет изучения не оставляют уже простора для исследователя. Однако это не так – многие конкретные темы еще нуждаются в дальнейшей разработке. Одна из них – специфика национального и крестьянского дви-

жений в различных областях Словении. Эту лагуну отчасти заполняет вышедшая накануне 100-летнего юбилея революция обширная монография С. Гранды. Доктор С. Гранда, сотрудник (ранее – директор) Исторического института Словенской Академии наук в г. Любляна, много лет посвятил изучению словенской проблематики 1848 г. Его перу принадлежит ряд статей, посвященных различным ее аспектам – деятельности общества "Словения" в Граце, дебатам о национальной и государственной принадлежности Истрии, соотношению национального и социального вопросов у словенцев, и, конечно, событиям в Нижней Крайне. Книга Гранды – первое монографическое исследование, освещающее события 1848 г. с точки зрения специфики одного из словенских регионов.

Книга С. Гранды обладает рядом неоспоримых достоинств. Во-первых, она написана на основе новых архивных материалов, найденных автором в архиве Республики Словения (г. Любляна), в областном архиве Нижней Крайны (г. Ново Место) и в австрийском Государственном архиве (г. Вена). В монографии использован широкий круг печатных источников, среди них – распоряжения областного управления, листовки и петиции, газеты, протоколы заседаний австрийского рейхстага. Ряд этих документов впервые подвергается серьезному исследовательскому анализу (например, первая областная газета Нижней Крайны "Sloveniens Blatt"), некоторым уже изученным материалам автор дает новую интерпретацию. С. Гранда опирается в своей работе на богатейшую историческую литературу, посвященную проблематике 1848 г., прежде всего – словенскую, хорватскую, чешскую и немецкую.

Во-вторых, книга написана чрезвычайно живо и увлекательно. Исследователи, как правило, делали акцент на социальном либо национальном аспекте проблематики. С. Гранда выбрал "личный" подход (С. 20), стремясь как можно полнее раскрыть особенности восприятия революционных событий различными слоями населения. Конечно, прежде всего он показывает те стороны деятельности нижнекрайнецев, которые характеризуют их отношение к социальному и национальному вопросам, важнейшим в жизни словенцев в 1848 г. Наряду с этим С. Гранда уделяет немало внимания живописанию работы, быта и нравов нижнекрайнецев той поры, особенностям их психологии. Это удается ему превосходно – ведь автор сам уроженец Нижней Крайны, он прекрасно знает ее специфику, знаком с

людьми, чьи предки являлись участниками описываемых событий.

Нетрадиционная подача автором собранного им материала. Он группирует его не хронологически, а тематически. В различных параграфах говорится о горожанах и крестьянах, чиновниках, землевладельцах, священниках. Удачным решением оказалось рассмотрение в отдельных главах выборов во Франкфуртское национальное собрание и в австрийский рейхстаг и деятельности в них нижнекрайнецев депутатов, петиционного движения, издания газеты "Sloveniens Blatt". Такое построение книги позволяет автору избежать схематизации и обезличивания персонажей, выпукло осветить интересующее его явление или событие.

Однако этот подход, на наш взгляд, имеет свои недостатки. Например, главы "Буржуазная революция в Нижней Крайне" и "Сельская местность в революции", несмотря на ряд очень интересных разделов – о деятельности Национальной гвардии в городах области, об отношении крестьян к революции и к вопросу о феодальных повинностях и др., оставляют впечатление фрагментарности. Восприятию их отчасти мешает хронологическая разбросанность – с событий марта 1848 г. и образования Национальных гвардий повествование переносится на функционирование первого Словенского читального общества, основанного уже в декабре, когда газета "Sloveniens Blatt" (о которой рассказывается лишь в последней главе книги) прекратила свое существование. Цельное представление об откликах нижнекрайнецев на развитие революции в течение 1848 г. складывается с трудом. К тому же, подчас ускользает масштаб происходивших событий. Например, о крупнейшем в словенских землях крестьянском восстании в Ижанах (март 1848 г.) С. Гранда упоминает вскользь, ссылаясь на то, что в историографии этот вопрос хорошо изучен (С. 138). В то же время многие мелкие события сугубо местного значения описываются излишне подробно. Это понятно – автору интересно прежде всего опубликовать найденные им новые материалы, все они – драгоценные свидетельства истории нижнекрайнецев. И все же кажется, что для создания целостной картины следовало бы больше выделить события такого крупного масштаба, не допуская диспропорции. Существенным недочетом работы, на наш взгляд, является отсутствие заключения, в котором автор бы подытожил основные выводы своего исследования.

Отмеченные недочеты никоим образом не умаляют ценности труда С. Гранды, они естественны при освоении нового, нетрадиционного подхода к освещению этой темы.

С. Гранда справедливо указывает, что в Нижней Крайне в 1848 г. доминировали не национальные, а социальные проблемы, главной из которых был вопрос об отмене феодальных повинностей. Автор уделяет большое внимание положению крестьян Нижней Крайны и формам их борьбы за уничтожение гнета помещиков. Не умаляя значения того известного факта, что эта область была наиболее обременена феодальными повинностями среди словенских земель, он видит дополнительную причину тяжелого положения крестьян в их консервативности, лени, недостатке предприимчивости. Описывая отношения крестьян с помещиками, С. Гранда приходит к интересному выводу: хуже всего они складывались с владельцами, получившими землю недавно (представителями чиновничества и буржуазии). "Старые, настоящие помещики почти не имели проблем с крестьянами" (С. 89). Исследователь справедливо отмечает, что крестьяне восприняли революцию как конец феодальной зависимости, именно это определяло их поведение в 1848 г. Крестьянские волнения весной 1848 г. не переросли в массовое восстание благодаря мерам властей: императорскому патенту об отмене феодальных повинностей, введению расправы на месте, размещению в деревнях воинских частей.

Одной из форм борьбы крестьян за свои права стало составление петиций императору и отправление делегаций в Вену (наибольшее их количество, согласно полицейским документам, пришлось на вторую половину июля). Петиционное движение С. Гранда рассматривает как одно из важнейших проявлений революции у словенцев. Особое внимание он уделяет так называемым "хорватским петициям", в которых крестьяне наряду с требованием отмены феодальных повинностей высказывались за объединение с Хорватией. В отличие от хорватского исследователя П. Корунича, связывающего составление этих петиций с деятельностью словенских патриотов, со словенским "иллиризмом", С. Гранда аргументированно доказывает, что петиции были составлены выходцами из простых слоев, и в них нет "ни следа политического и языкового иллюризма" (С. 296). Он подчеркивает антифеодальный характер "хорватских петиций" и объясняет высказанное в них стремление к объединению с хорватами тем,

что в Хорватии к тому времени уже были отменены феодальные повинности.

Новую форму политической жизни империи – выборы сначала во Франкфуртское национальное собрание, затем в австрийский рейхстаг нижнекрайские крестьяне восприняли серьезно, выказывая свое отношение к ним как участием, так и бойкотом. К первым выборам они не проявили заинтересованности (за исключением района Коचेстье). К выборам в рейхстаг отнеслись с большим вниманием, ожидая от него принятия закона об отмене феодальных повинностей. Как верно отмечает С. Гранда, выборы в Венский рейхстаг не удовлетворили ни властей, ни патриотов, дольщики могли быть только крестьяне, пославшие туда двух своих представителей, последовательно выступавших в рейхстаге с левых позиций.

Отмечая, что отмена феодальных повинностей не удовлетворила крестьян из-за необходимости выплачивать выкуп, С. Гранда усматривает причину пассивности крестьян в двойственности их положения: с одной стороны, они испытывали недоверие к властям, считали себя обманутыми, с другой – боялись потерять ту свободу, которую уже получили (С. 186).

Большое внимание уделяет С. Гранда и проблемам национального развития нижнекрайских словенцев. Наличие национального самосознания (часто в форме регионального) он видит среди представителей разных слоев населения – крестьян, светской и духовной интеллигенции, чиновничества. Важным представляется наблюдение автора о том, что среди нижнекрайских немцев не было врагов словенского языка, настороженность вызывали лишь политические идеи. Это характерное отношение немцев к национальному развитию славян: до тех пор, пока оно не выходит за просветительские рамки, ему не препятствуют, часто поддерживают. Когда славянские и немецкие национальные движения выступили в 1848 г. каждое со своими политическими требованиями, началась конфронтация. По мнению С. Гранды, словенский национальный вопрос в 1848 г. расколол до тех пор единый круг горожан, интеллигенции, представителей дворянства, который до революции поддерживал словенское культурное возрождение. "Этой широкой культурной поддержки позже уже не было, или почти не было, последствия этого для словенцев были главным образом негативны" (С. 464). Вероятно, автор прав, но такое развитие скорее всего было неизбежным, обусловленным особенностями формирования как немец-

кой, так и словенской национально-политической идеологии.

Говоря об уровне национального развития Нижней Краины, автор отмечает ее своеобразную "закрытость", отстраненность от основных центров, где формировалась словенская политика. Вместе с тем, эта область не осталась безразлична к национальному вопросу. Здесь удалось собрать много подписей за Объединенную Словению (агитацию среди крестьян проводили студенты – члены венского общества "Словения"). Выборы в австрийский рейхстаг показали, что область еще не готова выдвинуть кандидата, способного решительно защищать прежде всего национальные интересы. Казалось, что уровень культурного развития нижнекрайнецев не позволял надеяться и на то, что там появится первая областная газета, защищающая словенскую программу. Однако благодаря усилиям горстки патриотов в Новом Месте с июля по декабрь 1848 г. издавалась "Sloveniens Blatt". Характерно, что эта словенская газета выходила на немецком языке – интеллигенция не хватало словенской терминологии, писать о политике было проще по-немецки. С. Гранда дает подробную характеристику публикациям этой газеты. Он делает вывод о том, что она была органом либеральной буржуазии, выступала в поддержку завоеваний революции и симпатизировала программе Объединенной Словении. После ее закрытия дело словенского национального просвещения продолжило первое нижнекрайнее Словенское читальное общество, деятельность которого, впрочем, тоже скоро прекратилась. Нижняя Краина на долгие годы выпала из политической жизни.

Характеризуя словенскую национальную программу 1848 г., С. Гранда делает ряд важных наблюдений. В частности, он указывает, что она "не была наивной, но слишком радикальной для того времени". Наиболее трезвые патриоты быстро поняли, что требование создания Объединенной Словении преждевременно, и сосредоточили свои усилия на борьбе за достижение более реальных пунктов программы – введении словенского языка в школах и канцеляриях, невхождении словенских земель в состав Германской империи (С. 463–464). Со справедливостью этих выводов трудно не согласиться.

Монография С. Гранды – глубокое и серьезное исследование, написанное на основе богатейшего архивного и печатного материала. Ряд выводов автора важен для осмысления не только нижнекрайней, но и общесловенской проблематики 1848 г. Подробное описание местных коллизий, подчас мелких и незначительных по сравнению с общесловенскими и тем более общеавстрийскими, помогает создать живую и реальную картину того, какой отклик находили революционные события в этом регионе Австрийской империи, острее почувствовать масштаб происшедшего по тому, насколько глубоко оно затронуло даже отдаленную и консервативную окраину.

Читатель, не знающий словенского языка, может ознакомиться с кратким содержанием книги и основными выводами автора, прочитав обширное (50 страниц) резюме на немецком языке.

© 1998 г. Кирилина Л.А.

Славяноведение, № 1

История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960 гг. / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 1995. 696 С.

Литературы, представленные в этой книге, еще совсем недавно современные, сегодня принадлежат истории тех европейских народов, которые назывались то странами народной демократии, то социалистическим лагерем, а позднее – социалистическими странами. Причем название это не было формальным: на протяжении почти полувека в этом регионе целенаправ-

ленно насаждалась определенная культурная политика и даже метод искусства был нормирован. И отступать от нормативов было небезопасно. Зона влияния СССР определилась как заметная на литературной карте Европы, как культурное пространство, в котором была очевидна зависимость литературы от общественно-социальных условий. После распада содружества развитие лите-

ратур вернулось на круги своя: в контекст национальной литературы, литератур европейской и мировой.

Изменились оценки культурного наследия, стало закономерным желание избавиться от столь неславного прошлого, захотелось забыть о слабых художественных произведениях, навязанных программах и схемах, о допущенных ошибках и очевидных компромиссах, идеологических перекосах, нарушавших гармонию этического, идейного и эстетического. Однако подлинно научный подход не совместим с переписыванием истории, как это делалось в романе Оруэлла. Из истории необходимо извлекать уроки. Именно такой – профессионально-исторический интерес, как представляется, лежит в основе идеи написать историю стран, находившихся после второй мировой войны в социалистической зоне.

Заслуживает внимания глава, посвященная Восточной Европе как литературному региону. Ее автор, С.А. Шерлаимова, справедливо считает, что "межлитературная общность, о которой идет речь в книге, образовалась на основе формационного признака: после окончания второй мировой войны и до политической перестройки Восточной Европы на рубеже 80-х и 90-х годов литературы Венгрии, Болгарии, Румынии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии, Албании развивались в странах, социально-общественный строй которых именовался социалистическим" (С. 10). Подчеркивая разность языковых групп, к которым принадлежат рассматриваемые литературы, другие географические и этнические разности, автор вступительной главы рассуждает о том, что "близость исходных культурно-политических установок и государственных идеологических позиций породила во всех этих литературах многие общие черты" (С. 10). При этом автор подробно исследует энтузиазм масс, подогреваемый средствами пропаганды и агитации в первые годы после потрясений военных лет, назревание кризиса, конфликтные ситуации в Югославии, Венгрии, Чехословакии, попытки "очеловечить" сталинско-жdanовский социализм, и со временем все более очевидная деградация всей системы.

Издан первый том истории "экс-социалистических" литератур, охвативший четверть века: от 1945 до конца 60-х годов; во втором будут исследованы 70-е и 80-е годы.

Возникает немало вопросов, и среди них – в какой мере независима от политической конъюнктуры будет попытка писать историю литературы периода крайне политизированного в судьбе ряда европейских госу-

дарств, который приходится на годы выхода из второй мировой войны и пересмотра ценностей под непосредственным влиянием этих событий. Нельзя не вспомнить, что литературы социалистических стран не были обойдены вниманием исследователей и, в частности, коллективом, который создал рецензируемую книгу. Не будем забывать, что эти труды не могли опираться только на свободное выражение исследовательской мысли – они в той или иной степени были зависимы от официального курса, что переносило клишированные оценки антифашистского движения и политические аспекты общественной жизни на суждения о культуре и литературе. Поскольку "История литератур Восточной Европы" выходит уже в другое время, после советской империи, в чьей зоне происходило испытание искусства слова советскими критериями, то очевидно, что и этот аспект пересмотра и форм, и роли идеологии в культуре должен быть в поле зрения авторов книги. Таким образом, создание истории европейских литератур после второй мировой войны – замысел, имеющий спустя полвека многоаспектный, профессиональный интерес.

Это время, когда литература была политикой, очевидно, в большей степени, чем когда-либо в истории. Время насаждения социалистического реализма, из которого искусственно создавался колосс на глиняных ногах. Как говорится во вступительном слове "от редколлегии": «Можно констатировать, что на протяжении почти полувека – вплоть до конца 80-х годов – в этих странах, объединяемых обычно условным понятием "Восточная Европа", проводился сопровождавшийся драматическими конфликтами широкомасштабный эксперимент по построению социализма, что предопределило специфический характер их культур, многие общие особенности литературного развития. Относительная завершенность этого историко-литературного периода позволяет сегодня исследовать его без идеологической предвзятости, во всей противоречивости присущий ему философско-эстетических тенденций, художественных обретений и потерь» (С. 7).

Изучение этого эксперимента на примере изначально далекой от политики сферы – искусства – само по себе важно. Если человечество хочет и может учиться на своих ошибках, то этот небольшой отрезок истории должен быть изучен как попытка утвердить идеал диктатурой. Был ли этот идеал ложным изначально или его изуродовали насильственные формы внедрения? Чего стоят мистерии процессов против "врагов

народа" в 40–50-е, чешский и венгерский опыт, подавление личности, в том числе особенно болезненное в отношении к личности творческой? Подавление свобод... Цензура... Диктаторские и тоталитаристские штампы... Кто же был ближе к истине: те, кого цитировали и переиздавали, щедро отпуская награды и премии? Или те, кто жил с приклеенными броскими ярлыками для устрашения обывателя? Кто обозначался наводившими тогда ужас терминами "авангардист", "модернист", буржуазный ревизионист, а позднее – диссидент и аутсайдер... Все эти аспекты присутствуют на страницах "Истории литератур Восточной Европы", состоящей из весомых очерков по каждой из включенных в нее литератур.

Авторский коллектив, авторитетная группа ученых, подготовившая этот труд, издала за последние десятилетия не один коллективный сборник, накопила необходимый опыт, огромный исследовательский материал: оговорены на ряде конференций принципы периодизации развития литературы в каждой из стран, возможные типологические подходы, неоднократно выверена концепция. Именно такому коллективу оказалось по силам восстановить целостную картину литературного процесса, не утратив при этом очень важного качества, назовем его – аутентичностью. Живое прикосновение и участие во многих процессах, наблюдения, сделанные современниками и скорректированные с учетом новейших процессов. Занавес истории, который опустился над этим периодом после развала СССР, затемняет какие-то устаревшие концепты и высвечивает новые имена, произведения, точки зрения.

Национальные литературы представлены всеохватно и с максимальным стремлением к исторической беспристрастности. Наряду со ставшими уже хрестоматийными писателями восстановлены те имена, которые прежде находились под постоянным прицелом официальной критики и были представлены фрагментарно, а порою вообще не были представлены, как диссиденты или эмигранты. Это Ч. Милош, Г. Херлинг-Грудзинский, В. Гомбрович, С. Мрожек – в польской литературе, И. Коларж, Ф. Пероутка, Й. Шкворецкий, Б. Грабал, Л. Вацулик – в чешской, Л. Тяжкий и Й. Цигер-Гронский – в словацкой, Р. Маринкович, М. Булатович, Ж. Чинго – в литературах Югославии.

Очерки об отдельных национальных литературах с восстановленными почти в полном объеме именами, дают представление о векторе направлений национальных культур, раскрывают характер острых полемик,

анализируют наиболее характерные произведения. Основа очерков – богатый фактический материал, документы, постановочные, резолюции съездов, конгрессов, материалы дискуссий. Все те реалии литературной жизни, которые сопровождали так называемый выбор пути культур, имевший место, как правило, лишь в короткий период сразу после победы над фашизмом – до утверждения компартий и последовавшего неуклонного закрепления тоталитарного режима.

Авторы очерков справедливы в своих оценках значительных достижений, созданных на основе национальных культурных традиций, развития реалистических форм познания истории в эпоху войн и революций. Вместе с тем авторы отмечают явный перекос между утверждением героического антифашистского идеала, который доминировал не только в литературе о второй мировой войне, и усеченным подходом к изображению трагизма этой войны в ее общечеловеческом измерении и жизни человеческой. Здесь свою репрессивную роль сыграли официальный метод и догматическое усвоение навязанных извне идеологий.

Убедительно исследован в очерках период после 1956 г., общая направленность которого сформулирована В.А. Хоревым: "это – тенденция к восстановлению в правах человеческой личности, к осознанию писателями той истины, что человек не только продукт истории, но и ее творец..." (С. 137). На пути эстетического воплощения как бы заново открытого гуманизма – произведения В. Маха, Е. Анджеевского, Т. Конвицкого, Т. Брезы и многих других не только польских писателей. При существенных отличиях в развитии литератур, собранных в этой книге, свой ренессанс пережили и венгерская, и словацкая, и сербская. «В условиях "оттепели", начавшейся после 1953 г., венгерская поэзия начала постепенно возвращаться к своему истинному предназначению, сменив одномерный взгляд на действительность, тягу к иллюстративности и риторике на поиск новых форм гражданственности и новых художественных средств. Ощущение гармонии и довольства уступило место горьким расчетам с иллюзиями, драматизму переживания все более полно раскрывающейся правды о действительном положении дел в стране, об имевших место репрессиях и лишениях, выпавших на долю народа» (С. 430) – пишет автор раздела о венгерской литературе В. Середа. По-новому вписываются в контекст национальной литературы имена Л. Надя, Д. Ййеша, Ш. Вереша.

Аналогичные процессы в прозе и других литературных жанрах отмечают Н. Пономарева (в болгарской литературе), Г.Я. Ильина (литература Югославии); ослабление "тисков авторитарной культурной политики" в Румынии к середине 50-х годов фиксирует М.В. Фридман. В совершенно особых условиях в литературе ГДР на разных этапах усиливался идеологический контроль, временами отмеченный "целым комплексом мероприятий репрессивного характера". Подробно проследив канву литературной жизни ГДР, А. Гугнин пишет, что накопление внутрилитературной энергии "шло в совершенно определенном направлении – в направлении отказа от идеологического диктата в художественном творчестве и отказа от сугубо утилитарного взгляда на литературу" (С. 483). Авторы разделов и очерков разных национальных литератур убедительны и едины в своем стремлении акцентировать абсурд многих явлений советизированной литературной жизни в странах Европы.

Изучение литературы в экстремальных условиях – едва ли не первейшая цель рецензируемой "Истории", – результатом которого должно стать восстановление в полном объеме исторического, по возможности нейтрального и объективного, взгляда на литературу и ее место, изучение ее ликов и масок, которые возникают в предполагаемых обстоятельствах, как правило, от нее не зависящих. Стремление к всеохватности полезно и крайне необходимо, ибо приближает к панораме постижения целого, ранее известного на фрагментах или в искаженном виде.

Итак – восемь стран, еще больше языков и литератур. "Авторы не ставили своей целью дать обзор всех многообразных фактов развития литератур Восточной Европы второй половины XX в., с исчерпывающей библиографической полнотой охватить писательские имена и произведения. Наша задача – выявить применительно к каждой национальной литературе основную направленность ее движения во времени, борьбу и смену литературных тенденций, объединений, эстетических концепций, дать анализ наиболее значительных и характерных художественных произведений и творческих индивидуальностей" (С. 8). Несмотря на эту оговорку, думается, что "История литератур Восточной Европы" – наиболее полный и соответствующий научной концепции труд, предпринятый зарубежными исследователями.

Рецензируемое издание будет настольной книгой, необходимой славистам, литерату-

роведам, исследователям европейских литератур второй половины XX в. Она сможет стать ценным справочным пособием для студентов, аспирантов как дающая панораму целого и содержащая бесценный опыт суждения современников, и в этом смысле ее значение несомненно возрастет с течением времени. "Создавая во многом предварительный характер предлагаемого читателю опыта систематического научного осмысления еще слишком близкой к нам послевоенной литературной истории Восточной Европы, авторский коллектив не стремился к неперменной унификации исследовательских подходов, оценок и выводов: в рамках единой общей концепции каждый автор располагал правом на самостоятельную точку зрения" (С. 8). В этом – проявление специфики данного исследования, искавшего новые методологические основы и новую методику.

Еще одна особенность этого труда в том, что наряду с классическими для "Истории" главами, посвященными каждой из национальных литератур, в нем есть глава "Литература стран Восточной Европы в СССР". Само ее присутствие фиксирует данный труд во времени и конкретизации взгляда, несомненно прежде всего – из России. Автор этой главы – Т.П. Агапкина, ставит своей целью осмыслить саму проблему рецепции и обращается к опыту всех республик СССР, к сравнительному анализу театральным постановкам, переводов, научных изданий, критических публикаций. Обстоятельность этой главы, прежде всего насыщенность библиографическим материалом, подводят к аналитическому осмыслению самого процесса восприятия книг писателей европейских стран в республиках бывшего Советского Союза.

А теперь об "условном понятии" "Восточная Европа", которое у нас вызывает несогласие. Возможно взгляду из России оно представляется приемлемым в отношении к части Германии, Чехии и даже Польши, но оно не соответствует общепринятому европейскому стандарту. И уже даже из Беларуси кажется натянутым. Помнится М. Кундера весьма убедительно рассуждал в эссе "Похищение Европы" об одном из итогов Ялтинской конференции, печальном для его страны. В результате известных политических соглашений чешская культура вдруг стала частью Востока, пусть и в Европе, что уже тогда вызвало несогласие многих интеллектуалов в Чехии, а позднее обнаружило свою несостоятельность в процессе искусственного интегрирования разных стран – и соответственно культур – в

единый блок. Правда, нам трудно подсказать какое-то более удачно и лаконичное определение для тех стран Европы, которые после войны оказались на пути к социализму. Печально, но самое точное – социалистические. Другое дело, что они таковыми не стали, или становились как бы подневольно... Но все соответствовало эксперименту, о котором уже шла речь.

Не все, разумеется, бесспорно в "Истории литературы Восточной Европы", написанной коллективом ученых Института славянове-

дения и балканистики АН России и не может быть бесспорно, когда речь идет о столь близком времени и столь неоднозначном опыте, имеющем как защитников, так и противников. Однако я хочу поздравить авторов первого тома с успешным осуществлением колоссального замысла, потребовавшего не только труда немалого, но и мужества, и пожелать успехов при завершении второго тома.

© 1998 г. *Шабловская И.*

Славяноведение, № 1

Jezik in čas. Zbornik / Zbrala in uredila A. Vidovič-Muha. Ljubljana, 1996. 325 S.

Язык и время. Сборник / Ред. и сост. А. Видович-Муха

Международный лингвистический проект "Новейшая история славянских языков (1945–1995)", инициированный в 1992 г. Польской академией наук (координатор проф. Ст. Гайда, Институт польской филологии Университета в Ополе), нашел отклик во всех славянских странах. Сложилась исследовательские коллективы, прошли международные обсуждения программы и методологии Проекта. В 1996 г. опубликованы первые сборники исследований, стимулированные Проектом. Один из них о сербском языке [1], второй – "Jezik in čas" – о словенском. Сборник вышел под редакцией А. Видович-Муха, профессора словенистики университета в Любляне, члена Редакционного комитета проекта "Новейшая история славянских языков".

Если "Српски језик" под ред. М. Радовановича содержит систематический обзор основных тенденций и фактов новейшей истории сербского языка, имевших место на всех языковых уровнях (обзор заканчивается разделом о графико-орфографических инновациях), то рецензируемая книга о словенском языке построена иначе. Это не столько коллективная монография, сколько сборник разножанровых, разнотемных и различных по методу работ, объединенных, однако, общим социолингвистическим интересом – увидеть историю и проблемы словенского языка в их обусловленности временем. Диапазон 22 работ сборника широк:

это ряд программных статей по теории словенского литературного языка; сведения о языковом существовании словенцев в диаспоре; функциональная стилистика: обзор лексико-фразеологических и грамматических средств, дифференцирующих функциональные стили, а также наблюдения над конкретными фактами языкового варьирования; отмечены достаточно частные (на общем фоне сборника) семантические закономерности (например, видо-временные своеобразие словенских перформативов). В силу "разнокалиберности" публикаций, ljubljanski сборник "Jezik in čas" не так целостен, как панорамный "Српски језик", однако он проблемнее и поэтому интересен специалистам самых разных профилей – от словенистов и типологов до социологов и историков науки.

"Jezik in čas" подтверждает одну замечательную особенность словенской языковой практики: вопросы языка и культуры речи занимают словенское общество в гораздо большей степени, чем это можно наблюдать в культурах других южных, а также восточных славян. Чтобы убедиться в этом, достаточно видеть, с какой интенсивностью в Словении (насчитывающей 1,9 млн жителей) издаются научные и популярные книги и журналы о языке, как часто по радио, телевидению, в массовых газетах спорят о языковом воспитании и культуре языка.

Повышенное внимание словенцев к

языку объясняется исторически: во-первых, словенский язык отличается сильным диалектным разнообразием (возможно, максимальным в Славии, особенно если принять во внимание, на какой малой земле представлено это разнообразие). При этом все диалекты отличаются от литературного языка гораздо заметнее, чем, например, любой русский или белорусский говор от литературных языков. Поэтому для большинства словенцев требуются значительные усилия (прежде всего в годы обучения), чтобы говорить на литературном языке без диалектного акцента. Во-вторых, словенский язык веками находился в состоянии "национальной самообороны" (А.В. Исаченко), и пишущие на нем люди всегда чувствовали себя "на страже" языковой чистоты и самобытности словенской речи.

Первый из пяти разделов сборника "Jezik in čas" посвящен общим вопросам языкового нормирования и социолингвистического развития Словении. В статье А. Видович-Муха содержится периодизация истории нормирования словенского языка, начиная от времени словенского национально-религиозного возрождения (протестантизм XVI в.) и до наших дней, при этом в центре внимания – динамика идеалов и лингвистических интенций в языковой политике XX в. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев (межвоенная "первая Югославия") и в СФРЮ ("вторая Югославия", распавшаяся в 1991 г.) государственный фактор (и прежде всего школа) усиливал унитаристские тенденции в ущерб словенскому языку. Вместе с тем и в довоенной и в послевоенной Словении десятилетия языкового существования не были однородными по своим лингвистическим идеологиям. Автор обнаруживает внутреннее сходство между 30-ми годами и рубежом 70–80-х годов – как в основных коллизиях языковой практики, так и в подходах к нормированию языка.

В добившейся независимости Словении словенский язык обладает статусом государственного, однако словенских языковедов по-прежнему волнует его судьба как онтологического начала общественного бытия словенского народа. Об опасности, которая угрожает словенскому языку со стороны международного английского, а также немецкого языков, пишет в резюмирующих абзацах и А. Видович-Муха.

В статье Б. Погорелец "Языковое планирование и языковая политика у словенцев в 1945–1995 гг." представлены формы и организационные структуры, которые занимались языковой политикой в прошлом и в особенности в последние полвека.

Помимо ряда институций, связанных с языковым воспитанием граждан и поддержанием определенного уровня языковой культуры (органы руководства образованием, академический Институт словенского языка, Славистическое общество Словении, филологические отделения вузов, редакторские службы в книгоиздании и средствах массовой коммуникации), в послевоенной Словении в разное время существовало свыше десяти общественных комитетов, комиссий, советов, рабочих групп, занимавшихся вопросами языка и культуры речи. Важно, что деятельность таких объединений включала не только лекции, конференции, дискуссии, но и книги, выступления в печати, публичные обращения к высшим органам власти. В частности, широкий резонанс получила деятельность "Совета по языку" и инициированные им сборник "Словенский язык в общественной жизни" и "Письма о языке" [2]. В 80-х годах сложились группы, стремившиеся привлечь внимание общественности к вопросам языковой культуры в науке, искусстве, к судьбе словенского языка за рубежом [3]. В начале 80-х годов заседал "Языковой арбитраж" ("Jezikovno gazsodišče"), также обнародовавший сборник своих материалов [4]. При новом парламенте Словении, в составе Совета по культуре, образованию и спорту, имеется Рабочая группа по языковому планированию и языковой политике.

В статье Й. Топоришича "Социальность словенского языка от второй мировой войны до наших дней" дан сжатый очерк социолингвистической истории словенского языка. В годы, когда Словения входила в СФРЮ, основные факторы лингвистических тревог словенского общества Топоришич видит в следующем: угрозе для словенской этничности и словенского языка со стороны унитаристской идеологии "югославянства", которую навязывало народам Югославии руководство СФРЮ; экспансии сербскохорватского языка, что сужало функции словенского языка и снижало его престиж; сужении свободы печати и публичного общения в условиях однопартийного бюрократического государства; этно-языковым неблагополучии в существовании словенских меньшинств за рубежом. Однако и после провозглашения независимости словенская языковая культура и языковая самобытность, по мысли Топоришича, находятся в опасности. Более того, эта опасность возросла: "Сейчас словенский язык защищен меньше, чем требуется, и чем был защищен в недавнем прошлом", – пишет Топоришич (S. 75). В этом пафос статьи автори-

тетнейшего современного словениста – открыто выразить свою тревогу за будущее словенского языка.

В целом мотивы защиты чистоты словенского языка преобладают в публикациях по культуре речи (хотя ряд авторов, и в том числе М. Калин Голоб, видят в пуризме лингвистический романтизм и идеализм). Характерна тревога, звучащая в работе А. Гложанчев о именах словенских предприятий: констатируя заметный в последнее десятилетие рост английских источников фирменных наименований, автор предлагает ряд законодательных и пропагандистских мер, призванных сдержать поток заимствований в столь репрезентативной области языковой практики. Статья Т. Корошеца "Словенский воинский язык: традиции и изменения" (как и другие публикации автора по данной теме) защищает словенское начало в оппозиции к сербскохорватскому языку.

В ряде работ сборника характеризуются черты функциональных разновидностей языка (газетно-журнальные тексты, официально-деловая речь, язык публикаций по естественным наукам и компьютерной технике, тенденции в развитии художественного языкового творчества) вплоть до текстовых особенностей конкретных речевых жанров (например, обвинительного заключения, рассмотренного в статье М. Стабея).

Проблемы словенского языка в диаспоре рассмотрены в статьях Ж. Груден (о словенцах в Италии), Н. Шабес (в США), Х. Глушич (в Аргентине), а также в работе М. Бештер, исследующей динамику этноязыкового сознания словенских эмигрантов (на основе специального анкетирования слушателей летних школ словенского языка для словенцев, живущих за рубежом).

Говоря о словенском меньшинстве в Италии, обычно указывают на неблагоприятные для словенцев политические условия, в том числе давление в средствах массовой коммуникации, что приводит к вытеснению словенского языка даже из домашнего общения в сельской местности (Beneška Slovenija). Однако наблюдается и противоположная тенденция, имеющая культурно-образовательную основу: активизация этноязыкового самосознания словенцев и, как следствие, – сознательное обращение к литературному словенскому языку. Что касается США, то здесь и без политического ассимилирующего давления на словенских иммигрантов процесс утраты словенского языка усиливается. Если до второй мировой войны переход на английский язык

происходил в третьем поколении переселенцев, то сейчас – во втором. Сказывается удаленность от основной территории словенского языка и отсутствие компактных поселений словенцев в Америке. Однако расстояние может быть не столь важным, если вступают в действие культурные факторы. Так, эмиграция словенцев в Аргентину после первой и второй мировых войн (более 30 тыс. человек) была вызвана в значительной мере национально-религиозными и политическими причинами. В среде переселенцев, особенно после 1945 г., был высок процент интеллигенции. Эти обстоятельства объясняют культурно-образовательную активность словенской общины (организация в Буэнос-Айресе "Словенского дома", школы словенского языка при словенской церкви, издание нескольких журналов и альманахов, более 150 названий книг, еженедельная радиопередача и т.п.).

Таковы основные социолингвистические проблемы словенского языка, представленные в сборнике "Jezik in čas".

Что касается проекта "Новейшая история славянских языков (1945–1995)", а также межславянских исследований литературных языков, то словенский сборник ценен тем, что показывает возможности разных подходов к теме. Более того, "Jezik in čas" убеждает, что общая терминология таких исследований потребует уточнений при встрече с конкретными фактами социальной жизни языков. Например, с таким: разговорная маркированность словенской речи (без ущерба для нормативности) создается не лексическим выбором, но преимущественно произношением; или таким: еще 40 лет назад театральные критики, актеры и языковеды спорили: возможна ли словенская разговорная литературная речь без диалектной окрашенности? Речь идет о статьях Я. Хонзак-Яхич "Словенский литературный язык в интерпретации Божо Водушека" в заключительном разделе рассмотренной книги.

© 1998 г. Мечковская Н.Б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Српски језик. Opole, 1996.
2. Slovenščina v javnosti: Posvetovanje o jeziku. Portorož, 14. in 15. maja 1979. Gradivo in sporočila. Ljubljana, 1983.
3. Slovenski jezik v znanosti. T. 1. Ljubljana, 1986; T. 2. Ljubljana, 1989.
4. Jezikovno razsodišče 1980–1982. Trst, Celovec, 1984.

Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996. 94 С.

Издание монографии было осуществлено Институтом славяноведения и балканистики РАН как знак уважения и памяти крупного специалиста по истории России и Польши, истории славяноведения доктора исторических наук, профессора В.А. Дьякова. Ее подготовили к печати Л.Е. Горизонтов и А.Н. Горяинов при участии Б.Б. Дьяковой.

Основное место в книге занимают научная биография ученого и библиография его трудов. Очерк научной деятельности, написанный Л.Е. Горизонтовым, освещает жизненный и творческий путь историка и проникнут большой любовью и уважением ученика к учителю. Показывая "необыкновенную разноплановость исследовательских интересов" В.А. Дьякова, автор очерка часто обращается к дневниковым записям, воспоминаниям, письмам и другим документам из личного архива ученого (частично подготовленным к печати). Материалы научной биографии рисуют образ увлеченного человека, который "проявил редкое упорство в осуществлении своей давней мечты о научной работе", преодолевая серьезные трудности на пути к достижению цели. Войдя в науку уже в зрелом возрасте, В.А. Дьяков с удвоенной энергией взялся за осуществление своих научных планов. В

очерке подробно освещаются направления научных разработок ученого, отличавшиеся "небывалым тематическим и жанровым разнообразием"; показан исследовательский рост историка, его творческие, в том числе методологические, искания. Портрет В.А. Дьякова дополняется чертами, характеризующими его как замечательного, глубоко порядочного человека, авторитетного лидера, уважаемого коллегами.

Неотъемлемой частью книги является библиография трудов В.А. Дьякова, составленная А.Н. Горяиновым и содержащая около 350 позиций. Имея самостоятельное значение, она одновременно служит органичным дополнением к биографическому очерку, так как включает хронологическую роспись научных трудов В.А. Дьякова и насыщает конкретным содержанием те научные направления, о которых идет речь в очерке.

Немаловажную справочную роль играют приложения, в которых читатель найдет основные даты жизни и деятельности В.А. Дьякова, список литературы о нем и перечень аспирантов, подготовивших свои работы под его научным руководством.

© 1998 г. *Аксенова Е.П.*

Возвращение к традиции общеславянских изданий

После многолетнего перерыва в Словацкой Республике возобновлено издание научного журнала Словацкой Академии наук – "Slovanské štúdie" ("Славянские исследования"). Импульсом к его возрождению послужила подготовка к XI Международному съезду славистов в Братиславе, посвященному 200-летию со дня рождения Яна Коллара. Как бы возвращаясь к наследию автора идеи славянской взаимности, словацкие ученые взяли на себя нелегкий труд издания славистического органа. Несомненно, этот проект не стал бы реальностью без активной деятельности его ответственного редактора, сотрудника Института истории Словацкой Академии наук, президента Общества истории и культуры Центральной и Восточной Европы – Татьяны Ивантышиновой. В состав международной редколлегии журнала вошли словацкие, чешские, австрийские, итальянские и российские слависты. В состав редколлегии первоначально вошли: А. Авенариус, А. Цетнарович, Д. Броджи-Беркоф, Б. Ференчухова, А. Морич, З. Ненашева, М. Отченаш, В. Щастны.

Сегодня уже можно подвести некоторые итоги почти пятилетней деятельности "Slovenské štúdie". В первых номерах журнала было заявлено о принципиально новой концепции издания, которая подразумевает перенесение акцента на историю культурных связей славян и особое внимание к их ранней истории. Приоритетное место предполагалось отдать работам, соответствующим высокому теоретическому уровню издания, с использованием разнообразных методологических приемов, компаративной методике, культурной антропологии. В этой связи предлагаемый обзор публикаций журнала может позволить

составить представление об уровне и тематике представленных в нем статей, соответствию заявленной концепции.

Журнал выходит два раза в год, кроме того ежегодно издается один тематический сборник, посвященный или материалам международных научных форумов славистов, или представляющий собой публикацию новых архивных материалов по истории славян. В настоящее время вышли три тематических сборника, получивших высокую оценку специалистов.

Первый – "Славянская идея" ("Die slavische Idee") вышел на немецком языке; включил материалы симпозиума, проходившего в Вене в 1992 г. в связи со 100-летием со дня смерти словенского патриота М. Майяра. Редактор сборника – профессор Венского университета А. Морич.

Во второй сборник за 1993 г., опубликованный на словацком и французском языках, включены материалы чешско-словацко-французского коллоквиума историков, проходившего в Братиславе 12–13 ноября 1992 г. В названии сборника "Франция и Центральная Европа в 1867–1914 гг.: взаимосвязи и представления" определены его тематика и хронология. Редактор издания – сотрудница Института истории Словацкой Академии наук Б. Ференчухова. В сборнике отражен спектр тех проблем, которые обсуждались на братиславской встрече историков: чешский историк О. Урбан поднял вопрос о заграничной политике чехов накануне 1914 г.; словацкий ученый Д. Ковач рассмотрел словацкий вопрос в системе международных отношений с 1867 по 1914 гг. Большинство же помещенных в издании материалов посвящено контактам французских и словацких ученых и общественных деятелей накануне первой мировой

войны. Эти связи, изученные в конкретно-исторических исследованиях Б. Мишеля, М. Пиша, Б. Ференчуховой, Р. Голеца и других, помогли складыванию во Франции представления о жизни, истории и культуре народов Австро-Венгрии. С другой стороны, публикации сборника показывают, как воспринимали Францию и ее идеи славяне Австро-Венгерской империи.

Третий сборник, презентация которого состоялась в марте 1997 г. в посольстве Словацкой Республики в Москве, появился в результате совместной работы словацкого и русского историков-славистов – Т. Ивантышиновой и старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН М. Досталь. На русском и словацком языках опубликованы письма русского путешественника прошлого века В.А. Панова к матери; в них отражены впечатления славянофила от встречи со славянскими деятелями, реалий их жизни 1840-х годов. Сборник называется "Встреча с Европой", где последнее понятие представлено не как географическое, а как культурное и геополитическое. Значение этой публикации еще не оценено в полной мере исследователями. Незамеченные ранее архивные материалы, которые интересны не только в узкопрофессиональном смысле, представляют собой очень своеобразный, личностный образ России и Европы, представленный в письмах любящего сына к матери. Прочтение писем, их интерпретация требуют определенного времени. Здесь возможны дискуссии и по значимости помещенных материалов, и по сопровождающим их комментариям. Однако сегодня можно подвести главный итог издания – возобновление реального, практического сотрудничества словацких и российских славистов после многолетнего перерыва, возвращение их к теме "Россия и зарубежные славяне".

Все три сборника были изданы благодаря финансовой поддержке различных организаций и общественных движений. Первый – при помощи программы "Акция Австрия-Словакия: сотрудничество в науке и образовании"; второй – при финансовой поддержке словацкого государственного фонда культуры "Pro Slovakia", французского исследовательского центра общественных наук и французской фирмы "Gaz de France". Российско-словацкое издание поддержало общественное движение "Наш дом Россия". И в этом – тоже проявление нового направления журнала, его издатели идут на диалог не только с учеными-коллегам, но и находят поддержку в государственных струк-

турах, коммерческих кругах и общественных организациях.

Возвращаясь к номерам журнала "Slovenské štúdie", попытаемся дать краткий обзор публикаций. Среди них условно можно выделить три категории – работы теоретические, проблемные, эвристического направления и информационно-справочные.

Среди работ первого плана необходимо, в первую очередь, назвать статьи словацкого историка А. Авенариуса, посвященные византийскому символизму и роли монашеских орденов в формировании культур славянской Центральной Европы, "Слово и образ в восточноевропейской духовной традиции: к проблеме византийского символизма" ("Slovenské štúdie". 1992. № 2) и "Бенедиктинцы и культура славянской Центральной Европы" (1994. № 1). А. Авенариус обращается к проблеме гносеологического и онтологического отношения Бога и человека в духовной жизни Византии и проследживает эти духовные традиции в последующих церковных движениях вплоть до периода патриарха Никона в России. Вопрос о взаимодействии восточной и западной традиций словацкий историк рассматривает в другой статье, где проследживает влияние бенедиктинцев на славянскую духовную культуру в VIII–XI вв.

Ранняя история славян, объявленная в журнале как одна из приоритетных тем, стала предметом исследования российского историка А.Г. Горского в статье "Особенности эволюции общественного строя славян в эпоху Расселения (VI–VIII вв.)" (1993. № 1–2). Автор на основании исследования экономической и социальной ситуации ранних славян приходит к выводу о том, что славянское расселение VI–VIII вв., которое было частью Великого переселения народов, стало катализатором радикальных изменений в общественном строе. Его результатом стало формирование этнической карты славянства, основные черты которой сохранились до наших дней. Формирование славянских государств, по мнению А.Г. Горского, происходило на новой, постплеменной, сложившейся в результате расселения политической и социальной структуры общества.

В продолжение русской тематики написана статья австрийской исследовательницы, сотрудницы Института истории Восточной и Юго-Восточной Европы при Венском университете И. Илиевой-Шварц. Работа опубликована на русском языке. Здесь необходимо отметить, что большинство публикаций журнала осуществлено на языке оригинала. И в этом смысле общеславянское

издание не пошло по пути единого языка для всех помещенных материалов. Такой подход редакции не бесспорен, возможно, необходима языковая унификация на базе словацкого языка, главным образом для статей на немецком языке.

В работе И. Илиевой-Шварц "Характер власти московских государей в освещении и трактовке московского летописания конца XV – первой трети XVII в." обращено внимание на возросший интерес летописей к судьбе Византии и Балканских стран. Сам характер летописания в формировании официальной идеологии заметно меняется, уступая место самостоятельной официальной публицистике. Активная роль летописания, по мнению автора, проявлялась в формировании самодержавной идеологии.

Ранняя история славян широко представлена в работах словацких археологов А. и М. Рутткай, Д. Чапловича (1992. № 2). Все они являются сотрудниками Археологического института Словацкой Академии наук в Нитре. В работе А. Рутткай "О словацко-магьярских отношениях после распада Великой Моравии и накануне возникновения средневековой Венгрии" представлены археологические и исторические аспекты проблемы. Автор использует не только результаты археологических изысканий словацких ученых, но учитывает при этом исторические, историко-географические и лингвистические исследования. Подобные компаративные приемы использованы также в статьях Д. Чапловича и М. Рутткай.

В духе объявленной журналом концепции межславянских культурных взаимоотношений написана статья М. Шебестовой "К вопросу о межславянских культурных контактах в период раннего средневековья". Здесь затронуты некоторые аспекты отношений Великой Моравии и Руси начала XI в. Автор построила свое исследование на изучении текстов "Слова о Законе и Благодати", чешской легенды о св. Вацлаве и др. В приложении к статье дана таблица "моравизмов" в "Слове о Законе и Благодати". Главный вывод М. Шебестовой о существовании контактов двух славянских областей – Великой Моравии и Руси в начале XI в.

О контактах Византии и Словакии в XI в. пишет в своей статье словацкий автор Л. Матейко. При этом его основным источником стала надгробная надпись на ротонде в Михаловцах (Восточная Словакия), выполненная кириллицей на могиле старшего сына последнего царя Первого Болгарского Царства Ивана Владислава Пресиана.

В сдвоенном номере "Slovanské štúdie" за 1993 г. помещена статья словацкого язы-

коведа П. Шимы, где он пытается провести реконструкцию ранней словацкой молитвы, а в первом номере за 1994 г. – статья Л. Матейко "Обзоры раннеславянской гимнографии".

Проблемы XIX – начала XX в. не в меньшей мере представлены в журнале. При этом в публикациях, ограниченных данными хронологическими рубежами, преобладают работы эвристического и информационно-справочного направления. Часто публикуются новые архивные материалы по истории славян. Как отмечает редактор, издание архивных материалов является составной частью концепции журнала. Первые подобного рода работы представлены русскими славистами М.Ю. Досталь и доцентом кафедры истории южных и западных славян Московского университета Е.Ф. Фирсовым.

М.Ю. Досталь, известная славистам своими публикациями архивных материалов, автор многих работ по истории российского славяноведения представляет в словацком журнале неизвестный ранее исследователем исторический документ – письмо графа С.С. Уварова графу К.В. Нессельроде под названием "Славянский вопрос" от 26 декабря 1842 г. (хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея). Во вступительной статье к публикации М.Ю. Досталь подробно описывает обстоятельства появления этого письма, копия которого была представлена императору Николаю I. Письмо, по мнению редактора журнала, представляет интерес для исследователей, занимающихся проблемами славянской идеи и панславизма прошлого века, и может стать началом дискуссии о русском панславизме.

Проблеме славянской взаимности XIX в. посвящена работа Т. Ивантышиновой "Славянская идея в России и на Украине (Н.А. Ригельман и Я. Коллар)". Работа написана на основе исследования "Писем из Вены" Н. Ригельмана, помещенных в "Московском литературном и ученом сборнике за 1847 г." Анализ писем позволил автору сделать выводы о влиянии славянского вопроса на формирование русского славянофильства 1840-х годов. Оно стало возможно благодаря поездкам русских путешественников-славянофилов в славянские земли, где они и познакомились с идеями чешского и словацкого возрождения. При этом автор делает вывод о том, что к истокам славянской концепции славянофилов относятся идеи поэмы Я. Коллара "Дочь Славы". Именно в продолжение этой проблемы в 1996 г. Т. Ивантышинова вместе с

М.Ю. Досталь опубликовала письма другого русского путешественника В.А. Панова матери из славянских земель.

Вторая публикация архивных материалов в "Slovanské štúdie" представлена работой Е. Фирсова "Русские письма швейцарского критика-мецената В. Риттера о славянских культурах начала XX в.". Ученый дает краткую характеристику автора "Писем о словацком искусстве" в журнале "Аполлон" (1900–1910) и его публикации. Вместе с этой публикацией в журнале помещен очерк о В. Риттере сотрудника кафедры истории и архивистики университета им. П.И. Шафарика в Прешове Я. Мойдиса. Два взгляда на одну личность во многом дополняют друг друга и дают исторический портрет пропагандиста истории и культуры словаков начала XX в.

В кратком обзоре представлена лишь небольшая часть публикаций словацкого издания. Кроме научных статей в журнале также дается подробная информация о научных конференциях, новых изданиях по истории славян в европейских странах. Журнал во многом заполняет тот информативный вакуум, который стал ощутим в последнее время. Во втором номере журнала за 1992 г. опубликована библиография работ Исторического института Словацкой Академии наук за период с 1973 г. (составитель А. Седлякова). Кроме общих работ института избранная библиография включает работы А. Авенариуса, В. Матулы, Я. Тибенского, Т. Ивантышиновой, М. Крайчовича и др.

© 1998 г. *З.Н., Г.Р.*

К юбилею ЕЛЕНЫ ЗАХАРОВНЫ ЦЫБЕНКО

2 января 1998 г. исполнилось 75 лет ведущему отечественному полонисту, профессору Елене Захаровне Цыбенко, которую не только ее коллеги и ученики, но и весь славистический мир знают как неутомимого исследователя польской литературы, эрудированного ученого, неизменно требовательного к себе и готового оказывать всестороннюю помощь другим. Невероятно, но с годами творческая активность Елены Захаровны не только не снижается, но – напротив – возрастает, чем, возможно, объясняется и феномен ее поразительной молодости, которая восхищает всех ее коллег.

Не будет преувеличением сказать, что все ныне работающие полонисты России, Украины, Белоруссии, Литвы, Грузии прошли школу Елены Захаровны и не только с благодарностью вспоминают период своего ученичества, но и продолжают в той или иной форме сотрудничать с этим специалистом высокого класса, обращаются за советами и консультациями, ждут квалифицированного отклика на свои работы, ищут и находят у нее научную и человеческую поддержку.

Елена Захаровна в 1945 г. окончила филологический факультет МГУ, в течение всей своей жизни сохраняя верность alma mater: здесь в 1945–1948 гг. она училась в аспирантуре по специальности "Польская литература" (кандидатская диссертация о творчестве Болеслава Пруса была защищена в 1951 г.), здесь занимается педагогической деятельностью, пройдя путь от преподавателя (1948) до заслуженного профессора (1993), здесь стала доктором филологических наук (диссертация "Польский социальный роман 40–70-х годов XIX в.", 1969). Несколько поколений отечественных славистов слушали на филологическом факультете МГУ лекции Елены Захаровны по истории польской литературы, спецкурсы, посвященные польскому реализму (Б. Прус, Г. Сенкевич), творчеству Адама Мицкевича, польско-русским литературным связям двух последних столетий, современной польской прозе.

Не только будущие слависты, получающие образование в МГУ, имеют счастливую возможность посещать курсы Елены Захаровны – профессор Цыбенко читала лекции и в университетах Белоруссии и Украины, Польши (Варшавский, Ягеллонский Торунский и Силезский университеты) и Германии (Университет имени Гумбольдта, Берлин). Под научным руководством Е.З. Цыбенко написаны десятки дипломных работ и 14 кандидатских диссертаций, она консультировала многих будущих докторов наук, выступает в качестве внимательного, взыскательного, но при этом доброжелательного оппонента на защитах диссертаций, рецензирует научные труды по славистике. Преподавательская деятельность Елены Захаровны неизменно сочетается с научным творчеством – ее перу принадлежит более двухсот работ, опубликованных как в нашей стране, так и за ее рубежами и отражающих основные направления исследований ученого: история польской литературы и проблемы ее современного развития, польско-русские литературные связи. Среди них – известные в полонистике труды Елены Захаровны Цыбенко о творчестве Б. Пруса, Э. Ожешко, Г. Сенкевича, В. Реймонта, Я. Ивашкевича, Е. Анджеевского, исследования, посвященные взаимодействию русской и польской литератур (например, обобщающая монография "Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв.", 1978). Этой масштабной теме посвящены и многочисленные работы ученого, освещающие проблемы восприятия творчества польских писателей в России (Сенкевич, Пшибышевский, Берент) и русских (Тургенев, Бальмонт, Брюсов, Белый) – в Польше.

Елена Захаровна уделяет много времени и сил организации и редактированию коллективных трудов, выполняемых отечественными специалистами в сотрудничестве с учеными Варшавского университета ("Романтизм в славянских литературах", 1973, "Традиции и новаторство в славянских литературах XX в.", 1976, "Русская и польская литература конца XIX – начала XX вв.", 1981 и др.). Е.З. Цыбенко участвует в редактировании серии "Славянская филология", издаваемой кафедрой славянских литератур МГУ (1963, 1968), многих коллективных научных монографий (например, "Литература западных и южных славян XX в. Проза 60–70-х годов", 1994, и др.). Нельзя не восхищаться творческой активностью юбиляра, неутомимостью научного поиска, постоянным стремлением сблизить славянские культуры путем приобщения и широкого русского читателя к ценностям польской литературы: в публикации собраний сочинений Б. Пруса (1955, 1961) и Э. Ожешко (1991), в издании

многочисленных отдельных произведений польских классиков – огромная заслуга Елены Захаровны.

Деятельность выдающегося отечественного полониста по достоинству оценивается в стране, литературе которой посвящена вся научная жизнь Елены Захаровны: ее труды и научный вклад в полонистику постоянно получают отражение на страницах польской печати (см., в частности: "Slavia Orientalis", 1983, № 1–2), польское правительство наградило ее Кавалерским крестом ордена "Возрождение Польши", в течение десятилетия она является почетным членом литературного общества имени Г. Сенкевича.

Интерес к контакту культур, к междилитературному диалогу и взаимодействию стал основой еще одного направления научной и организационной деятельности Елены Захаровны – под ее руководством при филологическом факультете МГУ работает учебно-научная лаборатория "Русская литература в современном мире", занимающаяся проблемами литературы русского зарубежья, изучением западной русистики (см. выпущенный лабораторией под ред. Е.З. Цыбенко коллективный труд "Русская литература в зарубежных исследованиях 1980-х годов, 1994), организацией международных конференций. Елена Захаровна принимает также активное участие в конференциях за рубежом, постоянно выступает с докладами на международных съездах славистов, конгрессах МАПРЯЛ.

Полонисты Института славяноведения и балканистики, для которых Елена Захаровна служит примером неустанного научного поиска, творческой активности, отражаемой в многочисленных ежегодных публикациях в научных изданиях России и Польши, желают юбилюря долгих лет и новых достижений.

КОЛЛЕГИ

Славяноведение, № 1

К 70-летию РЫШАРДА ЛУЖНОГО

Корифей польской русистики, профессор Ягеллонского (г. Краков), им. М. Кюри-Склодовской и Католического университетов (г. Люблин), педагог, воспитавший несколько поколений славистов, пропагандист восточнославянской славистики за рубежом, ученый-культуролог и переводчик. Все это – Рышард Лужный, которому 10 сентября 1997 г. исполнилось 70 лет. Из них 45 отдано филологии. Рышард Лужный стоял у истоков современной польской русистики, способствуя созданию восточнославянской школы, подразумевающей исследование русской, украинской и белорусской литератур как самостоятельных дисциплин, но в неразрывном единстве.

Подобный *интердисциплинарный* подход был продиктован прежде всего изначальным интересом Р. Лужного к эпохе древней Руси как некоему культурологическому комплексу идей, связавшему в одно целое понятия духовности и литературы, религии и культуры. Он ввел в научный обиход памятники письменности, перевел на польский духовные стихи из русского фольклора, "Повесть о невидимом граде Китеже", письма и послания протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и других, умело использовал технику и методику формирующейся текстологии.

Нельзя не отметить чрезвычайно широкого литературоведческого диапазона польского профессора, в поле зрения которого наряду с неизменным вниманием к древности (в частности, старообрядчество, апокрифы, Киево-Могилянский Коллегиум, 1632 (Академия, 1701), философия Феофана Прокоповича), находились произведения и писатели других эпох (XVIII в. и романтизм, Пушкин, Тютчев, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, Бунин, Вересаев), вплоть до наших дней (В. Иванов, Пастернак, В. Максимов, Аверинцев). Эти имена не случайно объединены. Их соседство объясняется стремлением Р. Лужного понять и познать русскую литературу в свете традиций Библии и солунских братьев.

Трудно представить, что перу одного человека принадлежит свыше 560 различных в жанровом отношении работ: фундаментальные исследования русской литературы на протяжении всей ее истории, сравнительно-сопоставительного характера в объеме "Польша – восточнославянская славистика" (с выявлением особенностей восприятия и западных

воздействий), монографические труды (например, о русской драме), а также портреты-медальоны, написанные для "Католической энциклопедии", – Ахматовой, Ходасевича, Цветаевой, Чаадаева, Чехова, Чернышевского и др. И это – не считая учебных пособий для филолого-русистов по стилистике, поэтике и стихосложению, аналитических материалов по теории перевода, о польских (В. Ледницкий, В. Якубовский, Т. Колаковский) и русских филологах (П. Берков), переводы трудов ведущих русских теоретиков (В. Виноградов, В. Жирмунский), часто небольшие по объему, но концептуально содержательные статьи, итогово рассматривающие польскую славистику как науку. (Логика изысканий Р. Лужного органично и естественно включила в круг его проблематики "славянские" взгляды Иоанна Павла II.)

Р. Лужный – не просто специалист мировой величины, но и непосредственный создатель современной зарубежной русистики, под руководством которого возникли в Польше кафедры, отделения, наконец Институт русской филологии (г. Краков), по всей стране ныне ведут научную и педагогическую работу бывшие ученики, среди них профессора Я. Орловский (г. Люблин), Б. Муха (г. Познань), В. Мокрый, Г. Пшебинда (г. Краков). Невозможно всех перечислить, ибо в многогранной личности Р. Лужного чудесным образом сочетается живое отношение к литературе как феномену культуры, истории, бытия, с вниманием, подчеркну, к любому, проявившему тягу к тому, чем занимается он сам. Нет человека, кто, общаясь с ним, не получил поддержки, совета, помощи в виде нужных на данный момент книг, редакторской правки и т.п., что трудно переоценить.

© 1998 г. *Твердислова Е.*

САМУИЛ БОРИСОВИЧ БЕРНШТЕЙН

(1911–1997)

Отечественное славяноведение понесло тяжелую утрату. 6 октября 1997 г. на 87-м году жизни после продолжительной болезни скончался выдающийся ученый-славист, доктор филологических наук, профессор Самуил Борисович Бернштейн.

С.Б. Бернштейн родился 3 января 1911 г. в г. Баргузин в семье политических ссыльных. В 1928 г., после окончания средней школы, он поступил на историко-этнологический факультет Московского университета, где учился на отделении западных и южных славян, специализируясь в области славянского языкознания, прежде всего по болгарскому и польскому языкам. Среди его учителей были известные слависты Г.А. Ильинский и А.М. Селищев. В 1931 г. С.Б. Бернштейн был принят в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания. Первые годы в аспирантуре его руководителем являлся профессор А.М. Селищев. В 1933 г. институт был закрыт, а аспиранты переведены в Институт языкознания в Ленинграде. В 1934 г. С.Б. Бернштейн закончил аспирантуру под руководством профессора М.Г. Долобо и защитил кандидатскую диссертацию на тему "Тюркские элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв."

В 1934–1939 гг. С.Б. Бернштейн жил и работал в Одессе: заведовал кафедрой болгарского языка и литературы в пединституте, с 1938 г. также и кафедрой языкознания в университете, где одновременно являлся деканом литературного факультета. Осенью 1939 г. он был переведен в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), который в 1941 г. слили с Московским университетом. Здесь С.Б. Бернштейн читал лекции по различным славистическим дисциплинам (введение в славянскую филологию, старославянский язык, сравнительная грамматика славянских языков и др.). В 1941–1943 гг., когда университет находился в эвакуации в Ашхабаде, он исполнял обязанности заведующего кафедрой славяно-русского языкознания и был деканом филологического факультета. После возвращения в 1943 г. университета в Москву С.Б. Бернштейн участвовал в создании на филологическом факультете кафедры славянского языкознания, а с 1947 по 1970 г. заведовал ею. В 1946 г. он защитил докторскую диссертацию на тему "Язык валашских грамот XIV–XV ст.". В 1947 г. ему были присуждена ученая степень доктора филологических наук, а в 1948 г. присвоено звание профессора.

В конце 1946 г. С.Б. Бернштейн поступил на работу в только что созданный Институт славяноведения АН СССР, с которым в дальнейшем был неразрывно связан до последних дней жизни. В 1977–1981 гг. С.Б. Бернштейн возглавлял группу этнолингвистики и славянских древностей, в 1981–1986 гг. руководил группой Общекарпатского диалектологического атласа. После выхода на пенсию он продолжал работать в должности ведущего научного сотрудника-консультанта.

С.Б. Бернштейн состоял иностранным членом Болгарской Академии наук и Македонской

Академии наук и искусств. Он был награжден орденом "Знак Почета", медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "Ветеран труда", "В память 800-летия Москвы", а также болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени и медалью "25 лет народной власти".

За этими скупыми событийными вехами стоит долгая нелегкая жизнь и напряженная плодотворная работа яркого, незаурядного человека, крупного ученого, умелого организатора и блестящего педагога, которого по праву называли патриархом отечественной славистики.

С.Б. Бернштейн является автором около 400 опубликованных научных трудов, в том числе 18 индивидуальных и коллективных монографий, учебных пособий и болгарско-русских словарей. Круг его научных интересов был необычайно широк.

Одно из основных направлений научно-исследовательской работы С.Б. Бернштейна – изучение болгарских говоров и истории болгарского языка. С самого начала научной деятельности эта область славянского языкознания постоянно находилась в центре его внимания. При этом С.Б. Бернштейн выступал и как исследователь-новатор, и как инициатор и организатор крупных и важных исследований синхронического и диахронического плана. Достаточно назвать его монографию "Разыскания в области болгарской исторической диалектологии" (1948), серию статей об отдельных болгарских говорах и по истории болгарского языка, издание "Атласа болгарских говоров в СССР" (1958), "Болгарского диалектного атласа" (1964. Т. 1), подготовленного в сотрудничестве с болгарскими лингвистами, организацию серийного издания "Статьи и материалы по болгарской диалектологии" (1950–1962. Вып. 1–10), организацию фронтального полевого обследования болгарских говоров на территории СССР и др.

В научном творчестве С.Б. Бернштейна болгаристические исследования были тесно связаны со сравнительно-историческим и ареальным изучением славянских и балканских диалектов. Его интересовали проблемы балканского языкового союза, интерференции славянских и неславянских языков и т.п. Он внес ценный вклад в развитие лингвогеографии, в создание региональных лингвистических атласов. Вместе с Р.И. Аванесовым С.Б. Бернштейн был инициатором подготовки "Общеславянского лингвистического атласа". Под его руководством был составлен "Карпатский диалектологический атлас" (1967). По проекту С.Б. Бернштейна и под его руководством в течение двадцати лет велась (по планам международного научного сотрудничества) работа по составлению "Общекарпатского диалектологического атласа" (из семи запланированных выпусков пять уже издано). Можно сказать, что С.Б. Бернштейн явился основоположником особого направления в отечественном языкознании – карпатистики.

Велики и бесспорны заслуги С.Б. Бернштейна в развитии сравнительно-исторического славянского языкознания. После известной лингвистической дискуссии 1950 г. он много сделал для "реабилитации" и восстановления в правах сравнительно-исторического метода, для возрождения и развития традиций российских и зарубежных ученых-компаративистов (Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Г.К. Ульянова, Г.А. Ильинского, А.М. Селищева, А. Мейе, А. Вайана, Е. Куриловича, Р. Нахтигала и др.). Особенно ценным представляется вклад С.Б. Бернштейна в разработку проблем сравнительной грамматики славянских языков. Он предложил глубоко продуманную концептуально-теоретическую базу и перспективную программу исследований в данной области, внося много нового в освещение теоретических принципов и методики сравнительно-исторического изучения родственных славянских языков. Важное значение имело предложенное С.Б. Бернштейном новое понимание праславянского языка, его диалектного членения и истории, характера балто-славянских языковых отношений и др. Среди его работ этого цикла отметим двухтомный капитальный, во многих отношениях

новаторский, труд "Очерк сравнительной грамматики славянских языков" (1961, 1974), получивший высокую оценку советских и зарубежных ученых.

Важное место в научном творчестве С.Б. Бернштейна занимало изучение древнеславянской письменности и истории литературных славянских языков. Этой проблематике посвящены книга "Константин Философ и Мефодий" (1984) (уже будучи тяжело больным, он готовил ее второе издание), статья о диалектной основе польского литературного языка, серия статей по истории современного литературного болгарского языка, а также ряд работ теоретического характера, освещающих существенные стороны процесса формирования литературных славянских языков эпохи национального возрождения.

Наконец, нельзя не отметить большой вклад С.Б. Бернштейна в изучение истории славяноведения, особенно истории славянской филологии в дореволюционной России и в СССР. В работах этого направления ярко проявились широчайшая эрудиция автора, прекрасное знание архивных материалов, глубокое понимание важности и специфики историографических исследований. Начиная с 1940 г. С.Б. Бернштейн опубликовал по данной проблематике ряд обзорных статей (например, об изучении южных славянских языков, серболужицких языков, о развитии славянской филологии в СССР), серию статей, воспоминаний, заметок, научных портретов, некрологов о российских и зарубежных славистах и балканистах (В.И. Григоровиче, И.И. Срезневском, П.С. Билярском, Б.М. Ляпунове, Н.С. Державине, А.М. Селищеве, М.Г. Долобко, Л.А. Булаховском, В.М. Илличе-Свитыче, И.Я. Ягиче, Л. Милетиче, И. Лекове, Ст. Стойкове, А. Беличе, В. Дорошевском и др.), книги "Вячеслав Николаевич Щепкин" (1955) и "А.М. Селищев – славист-балканист" (1987). С.Б. Бернштейн, вместе с В.П. Гудковым и С.В. Смирновым, является автором разделов об изучении славянских языков в монографии "Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян" (1988). В его работах нашли также отражение трагические страницы в истории славянской филологии в нашей стране, относящиеся к 1930-м годам.

Научно-исследовательская работа С.Б. Бернштейна всегда сочеталась с разносторонней и успешной научно-организационной, редакторской и педагогической деятельностью. В течение долгих лет он одновременно заведовал кафедрой славянской филологии в МГУ и сектором славянского языкознания в Институте славяноведения и балканистики. Под его руководством сектор стал ведущим исследовательским и научно-координационным центром по славянскому языкознанию в нашей стране, пользующимся большим авторитетом и за рубежом. Именно при нем была установлена высокая "планка" требовательности к качеству исследований, верность которой отдел славянского языкознания бережно сохраняет.

Очень большое внимание С.Б. Бернштейн уделял подготовке научных кадров. Многие признанные ученые-слависты закончили под его руководством аспирантуру, защитили кандидатские и докторские диссертации. В ряду его непосредственных учеников можно назвать В.М. Иллича-Свитыча, академиков Н.И. Толстого, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, профессора В.К. Журавлева и многих других.

Более шестидесяти лет творческая деятельность С.Б. Бернштейна в значительной мере определяла пути развития славянской филологии в нашей стране. Еще предстоит изучить и глубоко осмыслить все сделанное С.Б. Бернштейном, чтобы полнее осознать значение его научного наследия. Но совершенно ясно и сейчас, что в истории отечественного славяноведения С.Б. Бернштейну принадлежит одно из самых почетных мест.

Прощание с С.Б. Бернштейном состоялось 9 октября 1997 г. После гражданской панихиды и отпевания в церкви Петра и Павла он был похоронен в Москве на Введенском кладбище.

Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН

В 1995–1997 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- * Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.
- * Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- * Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- * Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.
- * Исследования по славянской диалектологии 3. *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- * Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
- Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- * Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- Никифоров Н.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- * Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995.
- * Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- * Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- * *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- * Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.
- Савченко В.Н.* Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- * *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- * *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- * Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
- * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- * Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
- * "Путь романтичный совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
- * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- * Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
- * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.

*Улуян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.

*История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.

*Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.

*Натура и культура. М., 1997.

*Никольский С.В. История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарина Васильевна. Только за наличный расчет.

Готовятся к печати

Материалы "Особой папки" Политбюро РКП(б)-ВКП(б) по вопросам советско-польских отношений. 1923–1944. Сб. документов / Ред. и сост. И.И. Костюшко.

В сборнике опубликованы записи из особых протоколов Политбюро, относящиеся прямо или косвенно к Польше. В них содержатся сведения о взаимоотношениях СССР и Польши, об экономических связях двух стран, о деятельности коммунистической партии Польши, о международных отношениях и по другим вопросам. Они в значительной мере дополняют источниковую базу по истории советско-польских отношений того времени и представляют значительный научный интерес.

Глубокоуважаемые читатели!

В ближайших номерах журнал планирует публикацию блока статей, посвященных юбилею академика В.Н. Топорова, материалов об идеях развития демократического общества Э. Бенеша. Будут также опубликованы работы о малоизвестных страницах истории Восточного кризиса 70-х годов XIX в., о болгаро-русских литературных связях эпохи Средневековья. Продолжается издание "Словаря славянских древностей". Кроме того, продолжится многолетняя практика тематических подборок, посвященных славянским древностям и Средневековью (№ 2) и российскому зарубежью (№ 4).

По вопросам подписки можно обращаться в редакцию по тел.: 938-01-20.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Novopashin Yu.S.</i> (Moscow). On the Anti-Sovietism and Russophobia in the Post-War Europe: to the Setting of the Problem.....	3
<i>Serapionova E.P.</i> (Moscow). Edward Benes and His Concepts of the Democratic Development of Society.....	11
<i>Goshu A.</i> (Bucharest). The Danubian Counties in the Balkan Policy of Russia in the Beginning of XIX cent.	21

COMMUNICATIONS

<i>Skrickij N.V.</i> (Moscow). Matyia Zmaevich – the Russian Admiral.....	33
<i>Kostyashov Yu.V.</i> (Kaliningrad). Yovan Balevich and His "Description of Chernogorija".....	38
<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). 150 Anniversary of the Matica Serbska in Budyshin.....	43
<i>Kitaev V.A.</i> (Volgograd). The Russian Liberals and the Polish Resurrection in 1863.....	54
<i>Kuznetsov O.V.</i> (Volgograd). R.A. Fadeev in 1875–1878. The Less Known Pages of the Eastern Crise History.....	62
<i>Neshimenko G.P.</i> (Moscow). The Dialog and Its Variations in the Contemporary.....	70
<i>Shchavinskaya L.L.</i> (Moscow). The Books and Broshures Published by the Large Orthodox Publishing Center in the Interwar Poland – the Warsaw Synodal Typography.....	76

THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Bernstein S.B. (Moscow). From the "Zigzags of Memory".....	89
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Anikin A.E.</i> Słownik prastłowiarski.....	101
<i>Kirilina L.A.</i> S. Granda. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49.....	105
<i>Shablovskaya I.</i> The History of the East European Literatures After the II World War. V. I. 1945–1960.....	108
<i>Mechkovskaya N.B.</i> Jezik in čas.....	112
<i>Aksenova E.P.</i> Vladimir Anatoljevich Djakov (1919–1995).....	115

SCIENTIFIC LIFE

<i>Z.N., G.R.</i> The Return to the Tradition of the Whole-Slavic Publications.....	116
To the Anniversary of Elena Zacharovna Cybenko.....	120
<i>Tverdislova E.</i> To the 70th Anniversary of Ryszrd Luzny.....	121

* * *

Samuil Borisowich Bernstein (1911–1997).....	123
The New Publications of the Institute for Slavic and Balkan Studies of RAS.....	126

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.10.97 Подписано в печать 01.12.97 Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆
Офсетная печать Усл.печ.л. 11,4 Усл.кр.-отт. 7,1 тыс. Уч.-изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 668 экз. Зак. 2731

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 1998, № 1